

71:04-23/49

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ставропольский государственный университет

На правах рукописи

Масалов Александр Григорьевич

**РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО:
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ В
СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Специальность 23.00.02 – Политические институты,
этнополитическая конфликтология, национальные и
политические процессы и технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора политических наук

Президиум ВАК России
(решение от 19.11.04 г. № 449/51)
присудил ученую степень **ДОКТОРА**
политических наук
Научный консультант:
доктор социологических наук,
профессор А.А. Магомедов
Исполнительный директор ВАК России
Кол

Научный консультант:
доктор социологических наук,
профессор А.А. Магомедов

Ставрополь – 2004

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА	24
1.1. Казачество как объект научного познания: теоретические подходы и парадигмы исследования	24
1.2. Социально-политическая институционализация казачества как проблема научного анализа	51
Глава 2. ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КАЗАЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	82
2.1. Политические аспекты генезиса института казачества в Российской империи и Советском государстве	82
2.2. Социально-политические факторы институционализации казачества	123
2.3. Государственно-правовые основы социально-политической институционализации казачества	159
Глава 3. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КАЗАЧЕСТВА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	195
3.1. Организационно-политический механизм институционализации казачества: структура и функции	195
3.2. Тенденции развития российского казачества как социально-политического института	225
3.3. Особенности социально-политической институционализации казачества в северокавказском регионе	258
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	296
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	309

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Процесс радикальной модернизации российского общества, начавшийся в 80-е гг. XX века, сопровождается формированием принципиально новых и восстановлением утраченных в советское время институтов гражданского общества. К их числу относится казачество, которое в Российской империи имело социально-политический статус сословия, выполнявшего военно-служилые, пограничные, милицейские, экономические, культурно-просветительные и иные обязанности, определенные государством. После Февральской революции 1917 г. на основе областей казачьих войск создавались республиканские формы государственности, обеспечивавшие политические предпосылки для дальнейшего этногенеза казачества. Однако в ходе Гражданской войны и социалистического строительства органы советской власти ликвидировали системообразующие основы российского казачества как социально-политического института. Только в конце 1980-х гг. в соответствии с общей тенденцией демократизации политической системы и развития гражданского общества в стране началась массовая самоорганизация социальной общности, претендующей на признание ее правопреемником казачества, существовавшего в России до 1917 года¹. Численность социальной общности, сохраняющей этноним «казачество», по оценкам экспертов, составляет около 4,5 млн. человек.²

Многочисленный состав казачьих обществ и их распространенность во всех регионах России заставляет государство, партии и других акторов политики учитывать потенциал казачества в своей деятельности. Признавая большое социально-политическое значение казачьих объединений для российского об-

¹ См.: Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству: Пост. Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1994 г. № 355 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 3. - Ст. 210.

² См.: Российское казачество: Научно-справочное издание / Отв. ред. Т.В. Таболина. - М., 2003. - С. 17.

щества, Президент России В.В. Путин писал: «История казачества связана с верным служением Родине. Казак всегда был государственным человеком, воином, защищавшим интересы Отечества. За последние годы много сделано для возрождения казачества, его вековых традиций и самобытной культуры. Уже сегодня мы можем уверенно сказать, что российское казачество сформировалось как движение, способное решать серьезные и значимые для всей страны задачи».¹

Процесс реализации запросов казачьих объединений на получение институционального статуса и функций, присущих казачеству в Российской империи, в политико-правовых документах, научной и публицистической литературе называется возрождением казачества. Данный термин сегодня не имеет строгого научного содержания, противоречиво интерпретируется в альтернативных моделях современного казачества и проектах его «возрождения».

Предварительное изучение процесса, называемого «возрождение казачества», позволило установить его направленность на трансформацию казачьей социальной общности в социально-политический институт, идентифицируемый с казачеством Российской империи. Но в современных условиях отсутствуют предпосылки для восстановления сословного статуса казачества, политических, экономических, социальных, культурных основ его жизнедеятельности, действовавших до 1917 г. Эти противоречия осложняют институционализацию казачества, приводят к выработке государственными органами и общественными объединениями многочисленных проектов его «возрождения».

Тема исследования приобретает особую актуальность в связи с масштабами распространения многочисленных казачьих объединений в большинстве регионов России и некоторых зарубежных государствах, а также стремлением казачьих объединений участвовать во внутривнутриполитических процессах в качест-

¹ Участникам и гостям Большого круга казаков России: Приветствие Президента Российской Федерации от 25 мая 2003 г. // Казачий Терек. – 2003. - № 6.

ве субъекта. Казачество политизируется, использует политические средства артикуляции своих корпоративных запросов и под воздействием органов государственной власти и местного самоуправления, других акторов политики вовлекается в политику. Поэтому «возрождение казачества» становится политическим процессом, направленным на восстановление в структуре российского общества института казачества, выполняющего общественно значимые социально-политические функции. Однако макрополитические факторы посткризисной трансформации российского общества неоднократно изменяли характер отношений государства и объединений казаков. Вследствие этого современная государственная концепция возрождения казачества не выработана и общероссийский механизм для обеспечения этого процесса не создан, а казачество не может институционализированно артикулировать, агрегировать и реализовывать свои корпоративные запросы. Такое неустойчивое состояние казачества в российском обществе актуализирует политологическое исследование проблем его институционализации, предпосылок, факторов, тенденций этого социально-политического процесса.

Актуальность диссертационного исследования предопределена потребностями научного осмысления места и роли казачества в социально-политической структуре российского общества, характером его отношений с государством и другими политическими институтами, а также необходимостью совершенствования механизма институционализации казачества и его привлечения к реализации задач государственной и общественной значимости.

Особую актуальность, теоретико-прикладную значимость исследованию придают объективные потребности институционализации интересов казачества для их эффективной артикуляции и агрегации, совершенствования политических технологий управления этими процессами.

Степень научной разработанности проблемы. Многоаспектный характер феномена казачества находит отражение в работах ученых разных научных специальностей.

Основу исторических исследований казачества в дореволюционный период заложили К.К. Абаза, Л.В. Бентковский, И.О. Дебу, М.А. Караулов, П.П. Короленко, И.Д. Попко, В.А. Потто, А.И. Ригельман, Е.П. Савельев, Е.Д. Фелицын, Ф.А. Щербина.¹ Некоторые факты истории казачества освещены в работах Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева и других историков.² В конце XIX – начале XX века опубликованы статистические материалы и офи-

¹ См.: Абаза К.К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье, школе. – СПб., 1899; Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 гг. – Екатеринодар, 1880; Он же. Город Терки. – Ставрополь, 1885; Он же. Гребенцы. Историческое исследование. – М., 1889; Караулов М.А. Очерки казачьей старины. – Владикавказ, 1910; Он же. Терское Казачество в прошлом и настоящем. Памятка Терского казака. – Владикавказ, 1912; Караулов М.А. Очерки казачьей старины. – Владикавказ, 1910; Он же. Терское Казачество в прошлом и настоящем. Памятка Терского казака. – Владикавказ, 1912; Короленко П.П. Сочинения. – Симферополь - Екатеринодар, 1989; Он же. К истории колонизации закубанского края в 1865-1867 гг. – Ставрополь, 1906; Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен: Исторический очерк. Вып. 1: Гребенское войско. – СПб., 1880; Он же. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы: В 2 ч. – СПб., 1858; Потто В.А. Два века терского казачества (1577-1801): В 2 т. / Репринтное изд. – Ставрополь, 1991; Ригельман А.И. История или повествование о Донских казаках из российских и иностранных источников, летописей, древних дворцовых записей и из журнала Петра Великого. – М., 1778; Он же. Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще, отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах витают, как то: черкасские или малороссийские и запорожские, а от них уже донские, а от сих яицкие, сибирские, волжские, терские, некрасовские и прочие казаки, как равно и слободские полки / Собр. и сост. через труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1785-1786 гг. – М., 1847; Савельев Е.П. Древняя история казачества: Историческое исследование. – Новочеркасск, 1915; Он же. Средняя история казачества: Историческое исследование. – Новочеркасск, 1916; Ткачев Г.А. Станица Червленая. Исторический очерк. – Владикавказ, 1912; Он же. Где жили древнейшие гребенцы и откуда они были. Два доклада в «Обществе любителей казачьей старины». – Владикавказ, 1910; Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1904; Щербина Ф. А. Кубанское казачье войско, 1696-1888. – Воронеж, 1888; Он же. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. – Екатеринодар, 1913 и др.

² См.: Карамзин Н.М. История государства Российского: В 18 кн. – М., 1989-1991; Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. – М., 1990; Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. – М., 1989-1991.

циальные отчеты о казачьих войсках, о культуре и быте казаков.¹ Однако в научных работах дооктябрьского периода не выработан единый методологический подход к исследованию генезиса казачества и не разрешены вопросы об условиях его зарождения и основных этапах жизнедеятельности.

В исторических работах авторов, эмигрировавших за рубеж, обнаруживается идеализация казачества², что также препятствует бесспорному научному представлению генезиса казачества. Среди причин этого отмечается недостаточность исторических документов, многие из которых были уничтожены в ходе боевых действий и массовых миграций казаков, царской или советской администрацией по «государственным соображениям».

В советское время некоторые ученые руководствовались идеологическими установками, допускали искажения отдельных исторических фактов, связанных с казачеством, поэтому их работы заслуживают критического отношения.

Значительный поворот в сторону объективного освещения истории в исследованиях казачества наметился на Всесоюзных научных конференциях «Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне» (Черкесск, 1980 г.) и

¹См., например: Алейников М. Станица Беломечетская // Северный Кавказ. - 1887. - № 21; Барилко И.Г. Переселение за Кубань казаков Черноморского войска 1860-1861 гг. - Ставрополь, 1912; Всеподданнейший отчет начальника Терской области о состоянии области и войска за 1898 год. - Владикавказ, 1899; Вся область Войска Донского на 1900 г. - Ростов-на-Дону, 1900; Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. - Владикавказ, 1907; Кравцов И. Очерк о начале Терского казачьего Войска. - Харьков, 1882; Кубанское казачье войско. 1696-1888 гг. - Воронеж, 1888; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего Войска о состоянии области и войска за 1900 год. - Екатеринодар, 1901; Сборник сведений о Кавказе. - Тифлис, 1878; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. - Тифлис, 1906; Статистические таблицы населенных мест Терской области. - Т.2. - Вып. 4. Владикавказский округ / Под ред. Е. Максимова. - Владикавказ, 1890; Столетие военного министерства: 1802-1902 гг. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. - СПб., 1902; Толстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего Войска. - Тифлис, 1900; Хорошкин М. Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания. - СПб., 1881.

² См.: Врангель П.Н. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля: Южный фронт. - М., 1992; Казачий словарь-справочник: В 3 т. / Репринтное изд.: Кливленд, Охайо, США. 1966-1969. - М., 1992; Киреенко Ю. Казачество в эмиграции: споры о судьбах (1921-1945 гг.) // Вопросы истории. - 1996. - № 10; Краснов П. Казаки, их прошлое, настоящее и возможное будущее // Русский колокол. - 1928. - № 4. и др.

«Казачество в революциях и гражданской войне» (Черкесск, 1986 г.). В последующие годы политические, исторические, этнологические и иные аспекты казачества обсуждались на научных конференциях «Проблемы возрождения казачества» (Ставрополь, 1992 г.), «Казачество в истории России» (Анапа, 1993 г.) и других. В докладах и выступлениях участников этих конференций рассмотрены многочисленные проблемы восстановления института казачества в современной России. Научные и политико-прикладные потребности в решении таких проблем обусловили проведение дополнительных исследований казачества.

Новые сведения об условиях жизнедеятельности казачества в полиэтничных регионах содержатся в работах историков, политологов и этнографов А.И. Асова, В.С. Белозерова, В.С. Берковича, Н.И. Бондаря, Н.Ф. Бугая, Н.Н. Великой, В.Б. Виноградова, Л.Б. Заседательевой, О.В. Матвеева, Т.А. Невской, С.В. Передерия, П.И. Пучкова, В.А. Тишкова, С.А. Чекменева.¹

¹ См.: Асов А.И. Русколань: Древняя Русь. История и традиции казаков. – М., 2004; Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь, 2000; Бондарь Н.И. Современная этнокультурная ситуация и этнографические исследования на Кубани // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. 8-11 июня 1999 г. – М., 1999; Беркович Н.А. Племя, народность, нация: (социально-философское исследование): Автореф. дис. ... доктора филос. наук. – СПб, 2002; Бугай Н.Ф., Меркулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». – Майкоп, 1994; Он же. Казачество России: проблемы возрождения // Обозреватель. - 1993. - № 28; Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII-XIX вв.): Автореф. дис. ... доктора истор. наук. – Ставрополь, 2001; Виноградов В.Б. История Средней Кубани // Страницы истории Средней Кубани. – Армавир, 1993; Он же. Актуальные проблемы истории низовьев Терского левобережья // К истории низовьев Терека XIII–XIX веков. – Кизляр, 1991; Заседательева Л.Б. Терские казаки. – М., 1974; Колесников В.А. Формирование и функции линейного казачества Кубани в конце XVIII в.-1861 г.: Дис. ... канд. истор. наук. – Ставрополь, 1996; Колесников В.А. Одинодворцы-казаки. – СПб., 2000; Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской. – Ставрополь, 2002; Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в историческом представлении кубанских казаков. – Краснодар, 2002; Невская Т.А. Формирование хозяйственно-культурного своеобразия казачества и крестьян Северного Кавказа // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. – Краснодар, 1992; Она же, Понамарев Е. Проблемы казачьего движения на Ставрополье // Сеть антропологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 8. – М., 1996.; Передерий С.В. Русский народ как фактор укрепления российской государственности // Безопасность – многоуровневый аспект: превентивные меры и методы. Сб. материалов 1 Всеросс. научно-практ. конф., 27-28 ноября 2003 г. – Пенза, 2003;

Результаты исследований истории казачьих войск, их роли в Гражданской войне опубликованы И.Н. Алексеенко, А.В. Венковым С.В. Волковым, Е.И. Демешиной, С.А. Кислицыным, В.А. Колесниковым, С.В. Кропачевым, М.В. Назаровым, В.Н. Ратушняком, Л.И. Футорянским, П.Г. Чернопицким, а также С. Ауским, А. Гордеевым, Г. Губаревым, Д. Пеннером, другие российские и зарубежные авторы.¹

Данными о современном казачестве значительно обогатили науку монографии А.П. Абрамовского, О.В. Агафонова, О.О. Антропова, М.П. Астапенко, В.М. Воинова, А.И. Изюмова, С.А. Козлова, И.Я. Куценко, В.Н. Сергеева, С.А. Скорика, Л.П. Смельчукова, Т.В. Таболиной, Р.Г. Тикиджьяна, А.П. Трута, Л.Л. Хоперской.²

Тишков В. О российском казачестве // Свободная мысль. - 1995. - № 12. - С.101-104; Федосов П.С. Казачество в межнациональных отношениях в крае // Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф. 16-17 ноября 1992 г. - Ставрополь, 1992; Чекменев С.А. Переселенцы: Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII-первой половине XIX в. - Пятигорск, 1994.

¹ См.: Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и на Северном Кавказе в 30-е годы XX века. - Краснодар, 1993; Ауский С. Казаки. Особое сословие. - М. - СПб., 2002; Бугай Н.Ф., Меркулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». - Майкоп, 1994; Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне (1918-1920 гг.). - Ростов-на-Дону, 1992; Гордеев А.А. История казаков: В 4 кн. - М., 1992; Г. Губарев. Казачий словарь-справочник: В 3 т. / Репринтное изд.: Кливленд, Охайо, США. 1966-1969. - М., 1992; Кислицын А.С. «Расказачивание» - стратегический курс большевистской политической элиты в 20-х гг. // Возрождение казачества: История и современность. - Новочеркасск, 1995; Кропачев С. Большой террор на Кубани: драматические страницы истории края 30-40-х годов. - Краснодар, 1993; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. - Ставрополь, 1997; Пеннер Д. Взаимоотношения между донским и кубанским казачеством и коммунистической партией в 1920-1932 гг. // nhtth://synopsis.kubsu.ru/new_n/009_97/htm.; Ратушняк О.В. Об опыте казачьего самоуправления за рубежом // Становление казачьего самоуправления. Материалы научно-практической конференции, 26-27 февраля 1998 г. - Ростов-на-Дону, 1998; Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925-1945 гг. - М., 1992; Футорянский Л.И. Расказачивание // Проблемы политической и экономической истории России. - М., 1998; Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920-1922 гг. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1998. - № 3; Glazkov V. G. History of the Cossacks. New York, R. Speller. 1972; Gordon L. Cossack Rebellions: Social Turmoil in the Sixteenth Century Ukraine. Albany: State University of New York Press, 1983. XIV и др.

² См.: Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско: история и современность. - Челябинск, 1993; Агафонов О.В. Казачьи войска России во втором тысячелетии. - Киров, 2002; Астапенко М.П. История казачества России: В 5 кн. - Ростов-на-Дону, 1998;

Философские аспекты возрождения казачества рассмотрены А.В. Авксентьевым, В.А. Авксентьевым, А.А. Басалаем, В.Н. Вырелкиным, В.В. Глушенко, Б.Д. Иванниковым и другими учеными.¹

Традиции воинской и другой государственной службы, экономики, культуры и быта казачества исследованы в работах В.П. Бардыма, Г.Л. Воскобойникова, В.А. Дорофеева, А.Н. Дубинина, Р.И. Кудряшовой, М.В. Куракеевой, А.А. Магомедова, Н.В. Рыжковой, Е.М. Трусовой, В.Н. Чернышева и ряда других историков, культурологов, социологов, этнографов.²

Богатырев В.Д., Изюмов А.И., Матвеев О.В. Союз казаков России: 1990-2000. – М., 2000; Глушенко В.В. Казаки Отечества былого и нынешнего. – Ростов-на-Дону, 1995; Егоров Т.П. Казаки. Воскресение. – Чебоксары, 1996; Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность: эволюция, политика, теория. – Ростов-на-Дону, 1995; Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казачьих войск России и Зарубежья. – Ростов-на-Дону, 2000; Куценко И.Я. Кубанское казачество. – Краснодар, 1990; Сергеев В.Н. Движение за возрождение казачества. – Ростов-на-Дону, 1994; Скорик А.П., Лукичев П.Н. Станица или столица: культурологический аспект возрождения казачества // Политические исследования. – 1992. – № 3; Таболина Т.В. Государство и казаки: опыт взаимодействия. – Ростов-на-Дону, 2001; Таболина Т.В. Казачество: формирование правового поля: В 2 т. – М., 2001; Тикиджьян Р.Г. Донское казачество: история и современность. – Шахты, 1992; Трут В.П. Казачество: происхождение, сущность, реалии, перспективы. – Ростов-на-Дону, 1997; Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы северокавказского региона: проблемы политического управления: Дис. в форме науч. доклада ... доктора полит. наук. – М., 1997; Она же. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъективности. – Ростов-на-Дону, 1997.

¹См.: Авксентьев А.В. Знание своей истории – важное условие возрождения // Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф. 16-17 ноября 1992 г. – Ставрополь, 1992; Авксентьев В.А. Проблемы формирования нового образа неконфликтных этнических отношений в Северо-Кавказском регионе // Этнические проблемы современности: Вып. 5. – Ставрополь, 1999; Басалай А.А. Диалектика взаимодействия народов в многонациональном государстве: на примере СССР: Автореф. дис. ... доктора филос. наук. – Саранск, 2002; Глушенко В.В. Казак, что в имени твоём. Философия развития казачества. – Ростов-на-Дону, 1999; Иванников Б.Д. Проблемы возрождения в свете теории нации // Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф. 16-17 ноября 1992 г. – Ставрополь, 1992. – С. 13-23; Он же. Межэтнические отношения на Северном Кавказе и военная служба казаков как фактор возрождения казачества // Проблемы истории казачества: Сб. науч. тр. – Волгоград, 1999. – С. 56-63; Котикова Е.И. Социально-философские проблемы возрождения казачества: Дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 1998.

² Бондарь Н.И. Формирование и развитие традиционной духовной культуры Кубанского казачества: Календарные праздники и обряды: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Л., 1988; Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М., 1993; Дорофеев В.А. Методология и методика социологических исследований проблем казачества. – Барнаул, 1995; Он же. Теоретические и эмпирические аспекты социологических исследований проблем казачества. – Барнаул, 1999; Дубинин А.Н. Социально-

Правовые аспекты отношений государства к казачеству и процессу его возрождения представлены в работах юристов А.С. Дугинца, Е.И. Дулимова, Ю.А. Колесникова, И.С. Сурковой, И.В. Чаплиева, Я.В. Шаповаловой.¹

Сведения о политических факторах, детерминирующих трансформацию российского общества и влияющих на процесс возрождения казачества, содержат ежегодные послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, доклады и статьи руководящих работников государственных органов и лидеров казачества, а также аналитические доклады Института социально-политических исследований Российской академии наук, ведущих ученых этого центра - В.Н. Иванова, А.С. Капто, В.Н. Кузнецова, Г.В. Осипова, а также В.В. Журавлева, А.Г. Здравомыслова, Б.Г. Капустина, Н.С. Слепцова, других политологов и социологов.²

философский анализ воинских традиций казачества: Дис. ... канд. философ. наук. – Ставрополь, 1997; Кудряшов А. На великой русской реке служит войско Великой России // Казаки России. – 1999. – Сентябрь. – С. 50-51; Куракеева М.В. Казаки Верхней Кубани и Зеленчуков. – Черкесск, 1994; Магомедов А.А. Семья на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1999; Он же. Институт семьи у казаков // Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф. 16-17 ноября 1992 г. – Ставрополь, 1992; Трусова Е.М. Возникновение и эволюция органов управления и самоуправления на юге России в феврале–октябре 1917 г. (Дон, Кубань, Ставрополье): Автореф. дис... доктора истор. наук. – М., 2000; Чернышев В.Н. Казачество и его традиции. – Мин. Воды, 1992.

¹ См.: Дугинец А.С. Нормативно-правовое регулирование вопросов, связанных с казачеством в России // Юрист. - 1998. - № 1; Дулимов Е.И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI-XX вв.: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. – Саратов, 2003; Он же. Вопросы правового обеспечения казачьего землепользования // Известия вузов. Северо-Кавказ. регион. Общественные науки. - 1999. - № 1; Суркова И.С. Право природопользования Терского казачьего войска (историко-правовой анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002; Чаплиев И.В. Правовые основы деятельности войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» // Становление казачьего самоуправления: Материалы научно-практ. конф. 26-27 февраля 1998 г. – Ростов-на-Дону, 1998; Шаповалова Я.В. Организационно-правовые основы возрождения российского казачества в постсоветский период: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000.

² Журавлев В.В. От прошлого к настоящему: невидимая грань состояний: Российский политический процесс 1993-начала 1995 г. // Социально-политический журнал. – 1995. - № 5; Здравомыслов А.Г. Власть и общество в России: Кризис 90-х гг. // Общественные науки и современность. – 2000. - № 6; Иванов В.Н. Россия: социальная ситуация и федеративные отношения. – М., 1999; Иванов В.Н., Яровой О.А. Российский федерализм: Становление, развитие. – М., 2000; Капто А.С. Философия мира: истоки, тенденции, перспективы. – М.: Политиздат, 1990; Он же. От культуры войны к культуре мира. – М., 2002; Кузнецов В.Н. Со-

В книгах и статьях философов, политологов и социологов В.Г. Афанасьева, Г.К. Ашина, В.И. Буренко, А.В. Глухой, Г.Г. Дилигенского, Г.С. Денисовой, В.А. Лукова, О.Г. Мясникова, В.Д. Нечаева, Н.Ф. Туценко, С.В. Устименко представлен анализ проблем трансформации российского общества и формирования в его структуре новых социальных и политических институтов.¹

Различные аспекты жизнедеятельности казачества рассмотрены более чем в семидесяти диссертационных работах. Однако докторские диссертации по политологии о современном казачестве отсутствуют, а в немногочисленных кандидатских работах раскрыты лишь отдельные региональные или отраслевые аспекты изучаемой проблемы.²

В научных работах казачество еще не рассматривалось как социально-политический институт, не исследовались предпосылки, факторы и тенденции процесса институционализации казачества. Эти обстоятельства повышают актуальность, научно-познавательную и политико-практическую значимость политологического исследования современных проблем формирования и разви-

циология безопасности: формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. – М., 2002; Осипов Г.В. Реформирование России: реальность и перспективы. – М., 2003.

¹ Ашин Г.К. Элита и демократия // Вест. Моск. ун-та. - Сер. 18. Социология и политология. – 1996. - № 4; Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Политические исследования. – 2003. - № 4; Денисова Г.С. Интеграционные процессы на Северном Кавказе как политическая проблема // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. Общественные науки. - 1998. - № 2. - С. 37-42; Игошин И.Н. Институциональные системы и их искажения // Вест. Моск. ун-та. - Сер. 12. Политические науки. – 2003. - № 5; Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. – М., 1998; Он же. Конец транзитологии? // Политические исследования. – 2001. - № 4; Он же. К понятию политического насилия // Политические исследования. – 2003. - № 6; Нечаев В.Д. Когнитивные революции и институциональные изменения // Политические исследования. - 2002. - № 5; Туценко Н.Ф. Казачье движение Кубани: на пути к гражданскому обществу // Социологические исследования. - 2001. - №2.

² См., например, Ковалева О.В. Политико-правовые аспекты статуса казачества в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003; Савченко Д.И. Терское казачество в истории присоединения Северного Кавказа к России (XVI – середина XIX века): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Пятигорск, 2003; Титлина Е.Ю. Политика российского государства в формировании дальневосточного казачества: сущность, особенности, перспективы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1996; Товченко Р.Б. Казачество в политическом процессе постсоветской России (на примере Поволжья): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003 и др.

тия российского казачества как социально-политического института, определяют выбор темы, объекта и предмета диссертационного исследования.

Объект исследования – процесс социально-политической институционализации современного российского казачества. **Предмет исследования** – предпосылки, факторы и тенденции социально-политической институционализации казачества в условиях трансформации российского общества.

Цель исследования – разработка концепции оптимизации процесса социально-политической институционализации российского казачества в современных условиях.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

- проанализировать применяемые в социально-гуманитарных исследованиях теоретико-методологические подходы к изучению генезиса казачества;
- обосновать эвристическую ценность институционально-интеграционного подхода к исследованию казачества как социально-политического института;
- выявить изменения сущности казачества в контексте политических процессов, происходивших в Российской империи и Советском государстве;
- охарактеризовать исторические предпосылки, социально-политические, государственно-правовые, организационные факторы институционализации современного казачества;
- раскрыть структуру организационно-политического механизма институционализации российского казачества, закономерности его функционирования в современных условиях;
- определить тенденции процесса социально-политической институционализации казачества в Российской Федерации и северокавказском регионе;
- разработать рекомендации по совершенствованию государственной политики в отношении казачества, рационализации организационно-политического механизма его институционализации.

Теоретико-методологические основы исследования составили общенаучные и философские принципы объективности, диалектики, детерминизма, системности, конкретности, историзма, методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, индукции и дедукции, фундаментальные положения политологии, к числу которых относятся представления о всеохватывающем, инклюзивном и императивном характере политики, а также общетеоретические и теоретико-прикладные работы политологов, философов, социологов, юристов и других ученых, рассматривающих вопросы трансформации российского общества, модернизации его политической системы, формирования новых и возрождения традиционных институтов государства и гражданского общества, тенденции общественного сознания и культуры, межэтнические отношения и другие актуальные проблемы, оказывающие влияние на процесс развития современного российского казачества как социально-политического института.

Парадигма политологического анализа изучаемого предмета реализовывалась на теоретическом и практическом уровнях с использованием сравнительно-исторического, системного, структурно-функционального и эмпирических методов.

Документальной базой диссертационного исследования послужили федеральные законы, указы Президента России, постановления правительства Российской Федерации, нормативные и информационно-аналитические документы органов государственной власти и казачьих обществ.

В качестве **информационно-эмпирической базы** использовались результаты политологических, социологических и других исследований проблем казачества, а также материалы эмпирических исследований соискателя.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- разработаны методологические основы исследования возрождения казачества как процесса его социально-политической институционализации, обоснован институционально-интеграционный подход к анализу этого процесса;

- сформулирована концепция возрождения казачества как процесса его социально-политической институционализации в условиях трансформации российского общества;

- установлено, что характер отношений государства к казачеству определял его политическую институционализацию в Московской Руси и Российской империи, полную деинституционализацию в Советском государстве, социально-политическую институционализацию в современной России;

- выявлена зависимость динамики социально-политической институционализации казачества от состояния, тенденций развития нормативно-правовой базы и системы специализированных государственных органов, обеспечивающих этот процесс;

- разработаны критерии политической стратификации казачества по степени организации и институционализации казачьих объединений, а также характеру их отношений с государством;

- определены приоритеты во взаимодействии государственных органов России с казачьими обществами, внесенными в государственный реестр Российской Федерации, участвующими в решении местных политических и иных проблем;

- изучены исторические предпосылки, социально-политические, государственно-правовые, организационные факторы, закономерности институционализации казачества в Российской Федерации и на Северном Кавказе;

- проведен структурно-функциональный анализ организационно-политического механизма, призванного обеспечивать социально-политическую институционализацию казачества, выявлены тенденции развития его структуры до 1998 г., разрушенной в последующие годы;

- обоснованы теоретические положения и методические рекомендации по оптимизации организационно-политического механизма процесса социально-политической институционализации казачества путем рационального, синхронного развития всех его элементов.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Политические аспекты процесса развития современного российского казачества, именуемого в политико-правовых документах, научной и публицистической литературе как возрождение казачества, с наибольшей эффективностью могут исследоваться в соответствии с институционально-интеграционным подходом, который сочетает институциональный, системный, сравнительно-исторический подходы и автохтонную, беглохолопскую, государственно-колонизаторскую и интеграционную парадигмы изучения феномена казачества и ориентирует исследовательскую практику на выявление у казачества институциональных качеств, приобретенных под воздействием исторических, социально-политических, государственно-правовых, организационных и иных предпосылок и факторов.

2. Процесс развития современного российского казачества представляет собой взаимосвязанную деятельность объединений потомственных казаков, органов государственной власти и местного (муниципального) управления, других участников политики, направленную на преобразование казачьей социальной общности в социально-политический институт, способный выполнять общественно значимые функции артикуляции, агрегации и реализации запросов граждан, идентифицируемых с современным российским казачеством. Социальные, политические, государственно-правовые, организационные предпосылки и факторы этого процесса обусловлены демократической модернизацией политической системы России, открывшей возможности для развития казачества как института гражданского общества.

3. Формирование и развитие института российского казачества в современных условиях детерминировано процессом трансформации российского общества, потребностями и возможностями модернизируемой политической системы:

- в период «перестройки» (1985–1991 гг.) казачество самоорганизовалось в неполитические общественные объединения;

- обострение социетального кризиса в 1991-1994 гг. вызвало политизацию казачьих общественных организаций, их трансформацию в социально-политический институт, претендовавший на статус, функции и правомочия, характерные для казачества Российской империи;

- в 1995 - 1998 гг. казачество вовлекалось в антикризисные мероприятия государства, количественно и качественно развивалось как социально-политический институт на основе казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации;

- спад системного кризиса в России и усиление институтов государственной власти в конце XX - начале XXI века привели к ослаблению внимания государства к казачеству, его деполитизации и социокультурной трансформации.

4. Социально-политическая институционализация казачества вызвана ростом самосознания российских граждан, объективными потребностями развития институтов гражданского общества, обеспечивающих артикуляцию, агрегацию и реализацию требований членов казачьих объединений на получение политико-правового статуса и функций, достаточных для удовлетворения основных корпоративных запросов, не противоречащих общегосударственным интересам и конституционным правам других граждан. В республиках Российской Федерации формируются дополнительные условия конфликтогенного характера, вызывающие потребности социально-политической институционализации казачества для консолидированной защиты корпоративных интересов сохранения русскоязычного населения в местах традиционного проживания.

5. Государственно-правовыми основами социально-политической институционализации казачества служат законодательство Российской Федерации и ее субъектов, нормативные документы казачьих объединений. Их количественные и качественные изменения соответствуют тенденциям политического процесса трансформации российского общества и совпадают с содержательно-

хронологическими этапами институционализации казачества:

- до 1991 г. - самоорганизация неполитических казачьих объединений согласно правовых актов СССР об общественных объединениях;

- в 1991-1994 гг. – разработка федеральными государственными органами политико-правовых документов, способствовавших развитию казачьих общественных объединений как преемников российского казачества, репрессированного советским государством;

- в 1995-1998 гг. – развитие федерального законодательства, обеспечивавшего формирование системы казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации;

- в 1999-2003 гг. – снижение нормотворческой активности государства в отношении казачества.

Дальнейшее развитие института современного российского казачества сдерживается отсутствием специального федерального закона о казачестве, правительственных программ содействия казачьим обществам, а также нарастающими противоречиями между правовыми актами, принятыми до 1998 г. федеральными органами государства для нормативного обеспечения деятельности казачьих объединений, и государственно-правовыми документами последующего периода.

6. Реализация объективных потребностей, предпосылок и факторов социально-политической институционализации российского казачества обеспечивается организационно-политическим механизмом, функционирование которого предопределяет основные содержательно-хронологические этапы изучаемого процесса:

- в 1980-х – 1991 гг. – создание отдельных элементов «общественного» сектора механизма, имевших форму неполитических казачьих общественных объединений и послуживших организационной основой для институционали-

зации казачества;

- в 1991 – 1994 гг. – формирование специализированных государственных органов, взаимодействовавших с казачьими объединениями, претендовавшими на признание их правопреемниками казачества как репрессированного народа;

- в 1995 - 1998 гг. – развитие системы специализированных органов государственной власти и местного (муниципального) управления, призванных содействовать формированию и институционализации казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации;

- в конце XX - начале XXI века – деструктивное изменение организационно-политического механизма вследствие упразднения специализированных органов государственной власти, обеспечивавших сотрудничество с казачьими обществами, вызывающее деполитизацию и социокультурные трансформации социально-политического института казачества.

7. Отсутствие общегосударственного организационно-политического механизма институционализации казачества при наличии его разрозненных элементов в субъектах федерации приводит к децентрализации и регионализации казачества. При этом процесс его дальнейшей институционализации оказывается в прямой зависимости от отношения к казачеству правящей политической элиты субъектов федерации и муниципальных образований, содействующих или противодействующих институционализации казачества. Органы государственной власти и муниципального управления отдают предпочтение сотрудничеству с казачьими обществами, внесенными в государственный реестр Российской Федерации, участвующими в решении местных политических и иных проблем. Без поддержки органов государственной власти и муниципального управления в субъектах федерации казачество утрачивает социально-политический статус и функции политического института.

8. Исторические предпосылки, социально-политические, государственно-

правовые и организационные факторы обусловили неоднородность состава современного российского казачества, разнотипные части которого не систематизированы, не имеют консолидирующей идеологии, единых органов управления. Вследствие этого казачество разобщено и представлено казачьими обществами, внесенными в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и общественными объединениями, которые имеют разные степени институциональной зрелости: казачьи общества, внесенные в государственный реестр Российской Федерации, обладают институциональным статусом и функциями, по степени институционализации к ним приближаются отдельные казачьи общественные организации, поддерживаемые государственными органами субъектов федерации. Более 80 % граждан, идентифицируемых с российским казачеством, не имеют устойчивых отношений с казачьими обществами и организациями, которые в связи с этим артикулируют, агрегируют и реализуют интересы только части казачества России.

9. Концепцию государственной политики по отношению к казачеству, принятую в 1994 г., необходимо переориентировать с ограниченных целей организации государственной и иной службы казачьих обществ на цели развития социально-политического института казачества, сочетающего как исторические традиции и актуальные запросы казачьих обществ, так и реальные потребности, возможности российского общества в таком институте. Технологии возрождения казачества должны оптимизировать организационно-политический механизм институционализации казачества, синхронно развивать в его структуре специализированные органы государственной власти и муниципального управления, обеспечивающие сотрудничество с казачьими обществами и организациями, а также приводить нормативно-правовую базу в соответствие с реальными потребностями коммуникации, артикуляции, агрегации и реализации интересов казачества, имеющими общественно значимый характер.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется его актуальностью, научной новизной и возможностью использования полученных теоретических и методических положений, предложений для рационализации процесса социально-политической институционализации казачества в современных условиях.

В диссертационной работе впервые проведено политологическое исследование российского казачества как социально-политического института. Сформулированное определение возрождения казачества как процесса его социально-политической институционализации предполагает новый подход к исследованию научной проблемы, имеющей теоретико-прикладное значение.

Научно-методологическая значимость работы состоит в обосновании институционально-интеграционного подхода к исследованию процесса социально-политической институционализации казачества, характеризующих его показателей и индикаторов, которые могут использоваться для совершенствования понятийного аппарата политологии и других наук, а также в последующих исследованиях проблем российского общества в целом и казачества в частности.

Теоретико-прикладное значение диссертации обеспечивается выявленными предпосылками и факторами, тенденциями развития института российского казачества, знание которых позволяет выработать адекватные меры эффективной государственной политики в отношении этого социально-политического института.

Диссертация и подготовленные на ее основе публикации вводят в научный оборот и политическую практику новые сведения о внутривнутриполитической деятельности государственных органов и казачьих обществ, других акторов политики. Полученные данные могут служить научной основой для законопроектов Российской Федерации и ее субъектов, программ взаимодействия государственных органов и казачьих обществ в решении актуальных общественных

проблем.

Материалы диссертации могут использоваться в качестве информационной базы для последующих исследований, служить научной основой для региональных разделов учебных программ образовательных учреждений.

Апробация результатов исследования осуществлялась посредством публикации 32 научных работ общим объемом 54,8 печатных листа, в т.ч. четырех монографий (30,8 п.л.), 28 научных статей (в т.ч. 5 статей в ведущих научных журналах), а также выступлений на II и III международных конгрессах «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» (Пятигорск, 1998 и 2001 гг.), международных научных конференциях «Социальный порядок, толерантность, право» (Краснодар, 2003 г.) и «Через диалог религий к прочному миру и межнациональному согласию на Северном Кавказе» (Железноводск, 2003 г.), II Всероссийской научной конференции «Социальный порядок – гуманистическому развитию общества» (Краснодар, 2001 г.), Всероссийской научной конференции «Северный Кавказ: геополитика, история, культура» (Ставрополь, 2001 г.), Всероссийской научно-практической интернет-конференции с международным участием «Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти, гражданского общества» (Ставрополь, 2002 г.); региональных и других научных конференциях и семинарах.

На материалах исследования подготовлены предложения, доложенные Большому кругу и правлению Терского войскового казачьего общества, обсужденные на семинарах руководящих работников правоохранительных органов Ставропольского края, командного состава Краснознаменного Северо-Кавказского регионального пограничного управления Федеральной пограничной службы России.

В связи с подготовкой проекта федерального закона о российском казачестве предложения автора представлялись в аппарат Президента России в

2003 г., оргкомитеты Большого круга казачьих обществ России (Ставрополь, 2003 г.) и I Всемирного конгресса казаков (Новочеркасск, 2003 г.), публиковались в периодических изданиях казачьих обществ.

Результаты исследования использованы в авторском варианте проекта закона Ставропольского края «О казачестве в Ставропольском крае» (2002 г.), а также в предложениях по проекту федерального закона «О государственной службе казачьих обществ Российской Федерации» (2003 г.) и проекту Краевой целевой программы «Государственная поддержка казачьих обществ Ставропольского края на 2003-2005 годы» (2003 г.).

Материалы диссертационного исследования внедрены в региональный компонент учебных программ в Ставропольском государственном университете, Краснодарской академии МВД России, Институте Дружбы народов Кавказа, Ставропольском краевом институте повышения квалификации работников образования, а также в казачьей гимназии, школах и других образовательных учреждениях Ставропольского края.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, содержащих восемь параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы, включающего 596 источников, в том числе 21 на иностранных языках, а также 9 таблиц и 8 графиков. Общий объем диссертации 362 страницы машинописного текста.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

1.1. Казачество как объект научного познания: теоретические походы и парадигмы исследования

Казачество имеет многовековую историю, которая остается малоизученной до настоящего времени. Поэтому феномен казачества вызывает интерес ученых разных научных специальностей, которые обосновывают и используют в собственных исследованиях разнообразные теоретико-методологические парадигмы. Вследствие этого в общественном сознании, в научных работах и политических документах обнаруживаются многообразные определения сущности казачества, разные критерии его идентификации. Они проявляются в различном отношении к возрождению казачества общественно-политических объединений, граждан. Поэтому для определения авторского методологического подхода к объекту научного познания потребовалось проведение анализа теоретико-методологических подходов, парадигм, используемых для его изучения.

Исследование генезиса казачества затрудняется отсутствием достоверных документов, которые в начальный период его истории не велись, а составленные в последующие годы утрачены в ходе боевых действий или целенаправленно уничтожены царской администрацией по политическим соображениям: для сокрытия договорного характера ее отношений с «вольными» казачьими обществами, а также фактов царского жалования казачьих общин «на вечное пользование» землями, другими местными ресурсами, «бородой и крестом»¹ и т.п. льготами и вольностями, впоследствии отобранных у казаков государством.

¹ В такой форме в 1722 г. Петр I разрешил гребенским казакам вероисповедание старообрядства и ношение бород.

В начале XX века вопрос об истории зарождения казачества считался мало разработанным в научной литературе. Вскрывая причины такого положения, известный историограф казачества Е.П. Савельев писал: «За изучение и критический разбор древнерусских летописей, как это не странно и не больно для самолюбия русских людей, взялись впервые иностранцы и особенно немцы. Все выдающееся в истории Руси ими нарочито или замалчивалось, или искажалось... Материалы, служившие для создания древнейшей славяно-русской истории, много веков лежали под спудом, не разобранные, не рассмотренные и не пропущенные сквозь горнило здоровой и беспристрастной критики»¹, вследствие чего отечественная историография не всегда была объективной, и научные работы предшественников требуют критического осмысления.

Для точного использования основных понятий «казак» и «казачество», применяемых при описании изучаемого объекта, потребовался их этимологический анализ, который показал, что эти слова могут иметь как тюркское, так и славянское происхождение.

Известно, что слово «казак (козак)» древние народы Средней и Малой Азии использовали для обозначения кочевых племен, народов и отдельных социальных групп. Монголы, например, казаками называли воинов, живущих отдельно.² Согласно другой версии монгольское слово «козак» означает «защитник границы». В этом слове два корня: «ко» - броня, латы, защита и «зах» - meja, граница, рубеж.³ Казахи выводили самоназвание своего народа от казаков, которыми они называли людей, свободно живших в степи.⁴

Один из первых историков казачества А.И. Ригельман приводил версию связи слова «казак» с самоназванием народа древней Алании, предводитель ко-

¹ См., например, Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М., 2002. – С. 50-51.

² См., например: Гордеев А.А. История казаков. Золотая Орда и зарождение казачества. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 14.

³ См.: Казачество России: Научно-справочное издание / Отв. ред. Т.В. Таболина. – М., 2003. – С. 21.

⁴ См., например: Благова Г.Ф. Историческое взаимодействие слов казак и казах // Этнонимы: Сб. статей. – М., 1970. – С. 144.

торого Касак прославился победой над татарами в 984 г., а его воины именовались касаксами (казаками).

Е.П. Савельев обнаружил связь самоназвания казаков с наименованием народа азов (древних предков арийцев), жившего на обширной территории между низовьями Дона, восточными берегами Азовского и Черного морей и северными отрогами Кавказского хребта.¹

На Сунже и Тереке казаками, гулебщиками называли удалых вооруженных всадников, основавших свои поселения среди горцев.²

Некоторые сторонники теории славянского происхождения казачьей социальной общности считают, что «казачество - особая форма нашего имени, возникшая, по-видимому, у западных славян и пришедшая к нам через украинцев и белорусов. В старых актах его нет. По аналогии с определениями «славянство», «еврейство», слово «казачество» можно относить только ко всем казакам, взятым вместе, с их духовной сущностью, с их бытом, диалектами и другими национальными свойствами. В этом значении его употребляли вначале и русские авторы».³

Известный знаток русского языка В.И. Даль обнаружил славянскую северо-новгородскую основу в слове «казак» и писал, что казаком называли батрака, годового наемного работника, не поденщика, войскового обывателя, поселенного воина, принадлежащего к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и со своим вооружением.⁴

С.И. Ожегов приводил два значения слова «казак»: «1. В старину на Украине и в России: член военно-земледельческой общины вольных поселенцев

¹ Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М., 2002. – С. 27.

² См.: Иноземцева Е.Н., Лысенко Ю.М. Дагестанские русские: история и современность // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы Всеросс. науч. конф.: В 2 ч. – М. - Ставрополь, 2001. – Ч. 1. – С.217.

³ См.: Казачий словарь-справочник: В 3 т. / Издатели А.И. Скрылов, Е.В. Губарев / Репринтное изд.: Кливленд, Охайо, США. 1966-1969. – М., 1968. – Т. 2. – С. 39-40.

⁴ См.: Даль В.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2000. – С. 303.

на окраинах государства... 2. Крестьянин, потомок этих поселенцев (на Дону, на Кубани, на Тереке и в некоторых других местностях), а также воинской части из этих крестьян».¹

В подобных формулировках русский язык отразил закрепившееся в общественном сознании представление о разнородной природе казачества. Оно соответствовало как царским, так и советским идейно-политическим стереотипам отношения к казачеству как социально-политическому институту, выполнявшему государственно-значимые функции военно-экономической колонизации новых территорий царской России. Такие идеологизированные определения природы казачества обнаруживаются и в энциклопедических изданиях. В частности, в седьмом издании Энциклопедического словаря товарищества «В.А. и И. Гранатъ и Ко» утверждается, что «татарским словом «казак» или «козак», что значит «вольный человек», еще в XIV в. назывались люди «гулящие», т.е. свободные и не приписанные ни к какой тяглой общине, нанимавшиеся притом на работу в разного рода промыслах, относящихся к области добывающей промышленности, например, в солеварении, рыболовстве и т.п. Т.о., сложилось два основных признака, отличавших казаков: во-первых, свобода личная и свобода от тягла; во-вторых, занятие добывающей промышленностью. Третья черта – воинское занятие - казаки усвоили позднее, с конца XV века в Литовской Руси и со второй половины XVI в. в Московском государстве сложилась на окраинах страны, по соседству с инородцами, от которых приходилось защищаться вооруженною рукой».² Как видим, энциклопедисты описывали образование казачества через общины вольных промышленников, занимавшихся рыболовством, охотой и другими промыслами, кроме земледелия.³ Такая точка зрения на природу происхождения казачества оспаривалась русскими ис-

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1988. – С. 212.

² Энциклопедический словарь товарищества «В.А. и И. Гранатъ и Ко». – 7-е изд., перераб. / Под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. – Б. м., 1913. – Т. 23. – С. 90-91.

³ См.: Там же. – С. 92.

ториками до 1917 г. и в последующие периоды как неподкрепленная документами.¹

«Официальные» теории происхождения казачества фиксировались в энциклопедических изданиях и в советский период. В частности, Большая советская энциклопедия, выпущенная в 1937 г., утверждала: «Кзаки или козаки – тюркское слово, означающее «удальцы», «вольные люди», а также отряды конницы, несшие сторожевую службу на границе».² Не затрагивая вопросов о ранней истории казачества, энциклопедия сообщала, что в XV в. у крымских татар служили казаки азовские, перекопские, белгородские. Они несли сторожевую воинскую службу на степной границе. В генуэзских колониях на крымском и кавказском побережьях Черного моря «казаками-оргузиями» называли наемные отряды конных всадников. Москва имела в своих служилых войсках казачьи отряды. В Рязанском (1444 г.) и Северском княжествах были казаки, которых называли украинскими, северскими, севрюками. В XVI – XVII вв. казаки наравне со стрельцами, пушкарями назывались городовыми, поместными, так как за службу получали в пожизненное пользование земли (поместья). С середины XVI в. на Дону отмечались городовые (жили оседло в укрепленных, огороженных поселениях) и «гулящие» казаки, склонные к кочевому образу жизни.³

Отсутствие однотипных представлений о генезисе казачества приводит к тому, что и в наши дни вопрос о происхождении казачества остается невыясненным.⁴ По мнению атамана войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» казачьего генерала В.П. Водолацкого, «история казачества имеет глубокие корни и до настоящего времени до конца не изучена».⁵

¹ См., например, Савельев Е.П. Древняя история казачества: Историческое исследование. – Новочеркасск, 1915.

² Большая советская энциклопедия / Под ред. О.Ю. Шмидта. – М., 1937. – Т. 3. – С. 605.

³ См.: Там же. – С. 605-606.

⁴ См.: Казачество России: научно-справочное издание / Отв. ред. Т.В. Таболина. – М., 2003. – С. 20.

⁵ Сильное казачество – сильная Россия. Интервью атамана войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» В.П. Водолацкого // Российский штандарт. – 2003. – № 3.

Ученые, политики, представители казачества и других социальных групп ведут дискуссии по поводу природы казачества, его истории и современной сущности.¹ Так, участники международной научной конференции «Казачество в истории России» (1993 г.) выделили три парадигмы определения сущности казачества: как самостоятельного народа (этноса); как военно-служилого сословия (части армии); как своеобразной части русского народа.²

Научные дискуссии имеют большое теоретико-познавательное и социально-политическое значение, так как от их результатов зависит выработка идентификационных критериев, необходимых для определения численности российского казачества, оценки правомочности его претензий считаться правопреемником казачества, существовавшего в России до 1917 г., именоваться народом, подвергшимся репрессиям Советского государства, и получать обещанные государством компенсации на реабилитацию. Более того, решение научной задачи выявления политических аспектов генезиса российского казачества создает теоретические основы для решения политико-правовых задач взаимодействия с ним государства и других политических институтов. По этим причинам научная проблема политизируется, приобретает практическое значение.

В дискуссиях по поводу генезиса казачества обнаруживаются многочисленные точки зрения на вопрос о месте и времени его происхождения, среди которых выделяют официальную, миграционную, автохтонную (местную).³ Ни одна из них не стала общепринятой, но, опираясь на соответствующую научную аргументацию, не исчерпала ресурсы для научных дебатов. Многие научные споры по поводу использования различных понятий вызваны гносеологическими проблемами - трудностями познания сложных явлений и процессов

¹ См., например, Смирнов В. Вышли мы все из народа ... русского // Вечерний Ставрополь. - 2002. - № 192, 200; Федосов П. Вышли мы из народа славянского // Казачий Терек. - 2002. - № 11; Федосов П. Были ли казаки сословием // Ставроп. правда. - 1993. - 20 мая и др.

² См.: Тикиджьян Р.Г. Казачество России: история и современность // Социально-политический журнал. - 1994. - № 3-6. - С. 214.

³ См.: Казачество России. Информационно-справочные материалы. - Ростов-на-Дону, 2001. - С. 16.

общественной жизни и, следовательно, различным их отражением в общественном сознании.

В научных работах и политико-правовых документах делается акцент на разных аспектах генезиса казачества, следствием чего стали четыре основные теоретико-методологические парадигмы: антропологическая (автохтонная), беглохолопская, государственно-колонизаторская и интеграционная.

Первая **автохтонная или антропологическая парадигма** представляет казачество коренным народом, самостоятельно сформировавшимся и проживавшим в южной зоне бассейнов Дона и нижней Волги, а также в Приаралье и северном Предкавказье.

В этой парадигме выделяют два течения, которые основаны на признании славянской или тюркской антропологической природы казачества.

Так А.И. Ригельман обнаружил природные истоки казачьей социальной общности в славянах, проживавших в пределах древней Алании.¹

Наиболее четко автохтонная парадигма изложена Е.П. Савельевым. В его описании древней истории казачество представлено одним из коренных народов Северного Кавказа, имеющим многовековую историю и характерные антропологические признаки.

Е.П. Савельев доказывал антропологическую связь казаков с древними народами Кавказа - дагами, которые около V в. до н.э. проживали на берегах Азовского моря, а также скифами и сарматами (савроматами), жившими на левобережье нижнего Дона, а в более позднее время – I-II вв. н.э. – с сарматскими племенами яцигов, алан и роксалан (рос-алан). По его данным, «пространство, имеющее вид угла, между восточными берегами Азовского и Черного морей и Кавказом, у древних народов считалось родиной богов и народных героев и получило название «земли Азов»... Отсюда в незапамятные времена конные

¹ См., например, Ригельман А.И. История или повествование о Донских казаках из российских и иностранных источников, летописей, древних дворцовых записей и из журнала Петра Великого. – М., 1778 и др.

«азы», как представители военной силы, вышли на север и запад Европы, на Иранское плоскогорье, равнины Средней Азии и Индии, со своими родами или дружинами, одни – как завоеватели, другие – как колонизаторы, искавшие в чужих краях свободы и простора».¹

Проследивая миграцию асов с берегов Дона и Азовского моря, Е.П. Савельев доказывал, что часть народа ас под именем ас-саров или хазар, черкасов и касакон (казаков) из Приазовья переселилась в X-XII вв. на Днепр, в Киевскую Русь, но большинство их осталось на Дону, восточных берегах Азовского моря и в низовьях Кубани (Тмутараканская Русь) под теми же именами, а также под именем бродников (свободных), алан, чигон, гетон, касогон или касагон.

Ссылаясь на Страбона, Плиния, Тацита, Птолема, Иорнанда, Марцелина и других древних историков, Е.П. Савельев описывал роксалан как одно из многочисленных скифских племен, живших между Днепром и Доном и способных выставить около 50 тыс. хорошо вооруженных всадников. Роксаланы не были увлечены движением гуннов на запад и только позднее IX в. проживали у рек Висла и Неман, где получили название «руссы». Новгородские и приморские руссы занимались торговлей азиатскими и европейскими товарами, использовали Волгу в качестве основной транспортной магистрали.² Торговля способствовала культурным обменам, и некоторые племена заимствовали от греков христианскую веру, которая стала духовной основой казачества.

По сведениям Е.П. Савельева, на Кавказе длительное время проживали хегатское и жанинское племена горцев-христиан. Жанинское племя «было некогда на Кавказе сильным и могущественным, резко отличавшимся от других черкесских племен своей отвагой, гордостью, духом независимости и пламенным характером. С первых веков нашей эры жанинцы исповедовали христианскую веру и говорили на славянском языке. Собственно, это были не черкесы, а кубанские «черкасы», древнее и сильное славянское племя, черкасское казаче-

¹ Там же. - С. 75

² См.: Там же. - С. 62-66.

ство... Хегатцы и жанинцы в течение нескольких веков с отчаянным упорством отстаивали свою веру и независимость, часть их раньше, в X, XI и XII вв., переселилась на Днепр, а остальные в конце концов погибли в неравной борьбе с врагами; остатки их в семидесятых годах XVIII в. были истреблены чумой».¹

С принятием татарами магометанства казачьи общины из Приазовья и придонских степей были вынуждены мигрировать в русские земли, вплоть до Новгорода и Соловецких островов. Но их главные силы сосредоточились пограничным с татарами местностям - в княжестве Рязанском, по верховьям Дона, Северского Донца и по Днепру. Отсюда они вели наступательную войну с магометанами.²

«Казачьи общины, приютившиеся по своим украинным городам, к которым причислялись Пронск, Ряжск, Козлов, Лебедянь, Елифань, Ефремов, Салодков, Михайлов, Воронеж, Елец, Ливны, Черновск, Данков, Чернь, Новосиль и другие, напрягали все усилия, чтобы удержать за собой эти пункты. Черкасское, северское, белгородское и старое азовское казачество ... соединилось в одну общую семью... Эта грозная сила в конце первой половины XVI в. двинулась лавиной на берега родного ей Дона».³ Во второй половине XVI в., когда западное казачество только еще начинало устраиваться в военное общество, донское уже было устроено.⁴

Сравнительный анализ разных антропологических типов жителей Кавказа позволил Е.П. Савельеву утверждать, что «среди массы населения попадаются на каждом шагу не только отдельные лица, но даже целые аулы с чисто арийскими профилями, овалами лиц и выражением глаз, усмешкой и ухватками, до поразительности схожими с казачьими, особенно казаков терских».⁵

¹ Там же. - С. 40.

² См.: Там же. - С. 190-196.

³ Там же. - С. 220.

⁴ См.: Там же. - С. 197.

⁵ Там же. - С. 220.

Часть населения Приазовья и Дона, оставшаяся на своих старых местах жительства, аннексированных монгольскими ханами, приняла магометанство и положила начало особому военному сословию казаков ордынских, киргиз-казаков или кайсаков, а также казахов.¹

Сторонником автохтонной парадигмы был и Н.М. Карамзин, который утверждал, что в середине XII в. в Центральной Азии жили многочисленные независимые племенные объединения - казачьи орды.²

Л.Н. Гумилев пытался обосновать автохтонную теорию возникновения сибирского казачества из потомков хазар.³

Своеобразную тюркскую теорию происхождения казачества привел чешский военный историк С. Ауский. Он доказывал, что «казачьи войска возникли из войск монголо-татарских ханов... Когда в 1480 г. русский народ окончательно освободился от монголо-татарского ига, вступившая на путь независимости Русь не имела ни оружия, ни собственной армии, ни способных создать ее военачальников... Особенно ощутимо это было на южных границах Руси, где от ханской армии остались войска местной легкой кавалерии. Это и были казаки, так первоначально называли наёмную конницу. Они остались в основном на пограничных заставах и перешли на службу к русским князьям».⁴

Казаки тюркского происхождения, по мнению С. Ауского, служили не только русским князьям. В XV в. они несли пограничную службу у крымских ханов на границах с землями славян и назывались азовскими, перекопскими казаками. После присоединения Крыма к России в 1783 г. их отряды могли войти и в вольные, и в служилые казачьи общества⁵, ассимилироваться в них. Утратив внешние тюркские отличия в славянском социальном окружении, они все же оставили «тюркский след» в казачьей культуре.

¹ Там же. - С. 192.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1989. - Кн. 2. - Т. 5. - С. 230.

³ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990.

⁴ Ауский С. Казаки. Особое сословие. – М., СПб., 2002. - С. 17-18.

⁵ См.: Там же. - С. 17.

Большая советская энциклопедия, изданная в 1937 г., связывала происхождение Мещерских или Городецких казаков с отрядом казанского царевича Касима, прибывшего на Русь в 1493 г. и оставшегося на «городовой» службе.¹

Согласно автохтонной парадигме, изложенной авторами коллективной монографии «Кзаки России», к XV веку выделились три зоны этнического образования казачества. В бассейне Днепра стержнем этнообразования казаков послужили украинцы; на верхнем Дону – русские; в Приазовье, степях Центрального и Юго-восточного современного Казахстана (Дешт-и-Кыпчак) и в северных районах современного Узбекистана (Мавераннар) - тюрки. Первая зона дала начало запорожскому и украинскому казачеству XVI-XVIII вв. Во второй зоне зародилось вольное донское казачество. В третьей зоне, в районе между Балхашем и Аралом, в XV-XVII вв. сформировался казахский этнос. Казаки-тюрки Приазовья исчезли к началу XVI века, последние сведения о них относятся к 1516 году.²

Автохтонную парадигму природы казачества категорично выразил историк И.Ф. Быкадоров, который писал, что «юго-восточное казачество, казаки-христиане являются особым народом, исторически образовавшимся на востоке Европы из славяноруссов и тюркских народов, и на образование которого великоруссы, сами находившиеся как народ в процессе своего образования из смешения славян лесной полосы и финских племён, как раз никакого влияния не имели. Вхождение впоследствии (в XVII в.) в ряды казачества как пополнения великороссов было меньшим в сравнении с представителями других народов, и прилив крови турецкого, черкесского, татарского, калмыцкого, греческого и других народов через смешанные браки казаков делал прилив великорусской крови совершенно неощутимым».³

¹ См.: Большая советская энциклопедия / Под ред. О.Ю. Шмидта. – М., 1937. - Т.3. - С. 605-606.

² См.: Казаки России. - М., 1992. - С. 35.

³ См.: Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. - Ростов-на-Дону, 1992. - С. 97.

Допуская вероятность существования до XV в. отрядов казаков славянского и тюркского происхождения, отметим, что и сегодня с документальной точностью не установлена их численность и миграционные пути. Эти отряды могли взаимодействовать с «вольными» и служилыми (городовыми, засечными) казаками славянских княжеств, сближаться и ассимилироваться. В казачьих общинах, очевидно, кровнородственные, этнические признаки не имели существенного значения, а доминирующим группообразующим фактором являлась общность образа жизни в казачьих общинах и общие виды деятельности, в том числе военно-служилой, промысловой и иной.

Основания для критического отношения к автохтонной парадигме дает ее ограниченность во времени, так как антропологические предки казаков до XVIII в. неоднократно изменяли местожительство, ассимилировались в новых для них социальных и природных условиях, перенимали у автохтонных народов антропологические отличия и инокультурные ценности.

Историки отмечают, что устойчивые казачьи семьи стали создаваться только в период строительства первых казачьих городков.¹ Поэтому безбрачная жизнь мужчин в казачьих общинах XIV-XV вв. приводила к неустойчивым семейным отношениям и естественному разноплеменному пополнению казачьих общин.

В горной зоне Северного Кавказа своеобразно развивалось терско-гребенское казачество. Как указывал В.А. Потто, «одни из ... исследователей утверждают, что Гребенские казаки вышли с Дона, т.е. выделились из контингента Донского войска, служившего будто бы метрополией, из которой казачьи колонии к концу XVI столетия распространялись по всем рекам: Волге, Яику, Кубани, Тереку.

¹ См, например, Там же. - С. 15.

Другие исследователи считают Терских и Гребенских казаков выходцами из Рязанской земли, и первоначальное переселение их относят к гораздо более раннему времени».¹

Но, как правило, мигрирующие социальные общности имеют меньшую численность, чем коренное население, которое в своем ареале жизнедеятельности проявляет настороженность и враждебность к пришлым людям. Очевидно, новопоселенцы в предгорьях Большого Кавказа не могли выжить во враждебном социальном окружении. Они ассимилировали в коренное население посредством семейно-брачных отношений, следствием чего стал смешанный антропологический генотип терско-гребенских казаков. На брачные отношения казаков и горских народов в ранний период существования старожилых казачьих общин Терека в станицах Червленной, Гребенской, Шадринской, Курдюковской и других указывалось в конце 80-х гг. XIX в. в докладе Антропологического общества Санкт-Петербургского университета: «Вследствие недостатка русских женщин казаки брали себе жен у кабардинцев, кумыков... и путем смешения образовался особый могучий тип казака и казачки. Поразительная физическая красота и крепость этого типа общеизвестны».² В этом гребенском генотипе казаков могли доминировать не разрозненные пришлые, а коренные однотипные автохтонные основы, вследствие чего «антропологический тип терско-гребенского казака... подвергся сильному влиянию горских племен».³ Такой своеобразный автохтонный терско-гребенский генотип казаков мог существовать в относительно «чистом виде» только до XVII в., так как с 1577 г. гребенские и терские казачьи общины поступали на регулярную службу России, стали основой казачьих войск и полков, неоднократно переселялись на новые места и численно увеличивались другим разнородным пополнением, ко-

¹ Потто В.А. Два века Терского казачества (1577 – 1801) / Репринтное изд. – Ставрополь, 1991. - С. 24.

² Цит. по: Бурда Э.В. Терская казачья община как социально-духовная структура // Казачество юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Доклады и сообщения на научно-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 2001. -С. 81

³ Мажухоева Э.Д. Всем ходом истории // Там же. - С. 22.

торое нарушало антропологическую однотипность состава автохтонного терско-гребенского казачества.

Автохтонную парадигму критикуют сторонники других теорий происхождения казачества за отсутствие бесспорных документов об этническом составе казачьих орд и общин до начала постоянной государственной службы казачьих войск в XVI в.¹ и составления подробных переписей населения в XVIII в. На отсутствие у казаков надежных документальных источников об их численности и социальном составе, других исторически важных демографических характеристиках указывали многие исследователи.² Поэтому сегодня невозможно с достаточной достоверностью установить соотношение «антропологически чистых», «природных» и «инородных» элементов в структуре автохтонных казачьих общин с ранних этапов их формирования до начала XVIII в., а без документального подтверждения все заявления об особенной антропологической природе российского казачества представляются лишь гипотезами. Их доказательство не входит в число задач настоящего исследования, ибо в последующие годы социальный состав казачества радикально изменился. Так, В. Толстов писал, что первая подробная перепись хоперских казаков установила, что в 1775 г. среди 1540 казаков Хоперского полка проживали и несли казачью службу 295 крещеных персиян и калмыков, которые имели родственные связи с «природными» казаками.³ Полиэтнический состав отмечался также в Оренбургском, Семиреченском, Сибирском и других казачьих войсках.

На основе подушных переписей в казачьих войсках выявлялись представители более 40 славянских и иных национальностей.⁴ Они изменили первоначальный этнический состав казачества, нарушили его «антропологическую», «природную» чистоту, наличие которой доказывают

¹ С 1570 г. регулярную службу Московскому государству стало нести «вольное» Войско Донское.

² См., например, Потто В.А. Два века Терского казачества... – Ставрополь, 1991. - С. 24.

³ См.: Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696-1896 гг.). Составил того же полка подьесаул В. Толстов / Репринтное изд. – Ставрополь, 1992. - С. 8-9.

⁴ См.: Колесников Ю.А., Нестеренко А.В. Проблемы правовой природы казачества в Российской Федерации // Казачество юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Доклады и сообщения на научно-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 2001. - С. 29.

«природную» чистоту, наличие которой доказывают сторонники автохтонной парадигмы казачества, выдвигающие тезис: казаки от казаков ведутся.

Полиэтнический состав казачества давал основания для его дифференциации на «природных» и «приписных», «иногородних» казаков, которые имели разный статус в общинах.

Попытки проследить антропологическое развитие казачьих родов по фамильным признакам дают лишь ориентировочные результаты, так как не всегда учитывают женские линии родственных связей, которые уходили в неказачьи семьи или терялись в «инородных» фамилиях «приписных» казаков.

Отсутствие официальных документов о казаках-предках не мешает самоидентификации современных казаков, что также снижает практическую значимость научных дискуссий по поводу автохтонной парадигмы образования казачества. Поэтому, вероятно, современные историки и представители других научных специальностей редко проводят самостоятельные исследования природы казачества и этнического состава «вольных» казачьих общин, а ограничиваются ссылками на исследования предшественников.

Развитие беглохолопской парадигмы¹ природы казачества предопределили политические запросы. Администрация Московской Руси, например, с XVI в. поддерживала теории формирования казачьих общин из подданных, сбежавших из славянских княжеств, Московской Руси для оправдания экспансии новых территорий, на которых уже жили самопоселенные казаки.

По логике таких теорий, территории, заселенные беглыми холопами, принадлежали их господам – царям Московским, которые имели право распоряжаться холопами и их имуществом, включая земли и другие ресурсы. Поэтому царь «жаловал», даровал «вольным» казачьим общинам земли, воды и дру-

¹ Полагаем, это неблагозвучное наименование парадигмы наиболее точно отражает ее сущность, ибо от государственного гнета на «вольные земли» бежали не только крепостные, но и юридически свободные люди, преследуемые за старообрядство, уклонение от воинской службы и других повинностей. Такие беглецы считались царскими холопами.

гие ресурсы, которыми они уже обладали. Такие «жалования» были актами юридического признания реального состояния казачьей собственности.

Но до XVIII века Московская Русь не обладала ресурсами политической власти, которые могли обеспечить ее полное господство над «вольными» казачьими общинами. Об этом свидетельствуют документы из переписки Московских царей с турецкими и крымскими правителями. Так, в ответ на жалобы ногайского князя Юсуфа по поводу притеснения его подданных торговых людей казаками севрюками царь Иоанн Грозный писал: «Те разбойники, что гостей ваших забирают, живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают».¹ На аналогичную жалобу князя Юсуфа в следующем, 1550 г., царь Иоан IV отвечал: «Те холопы наши Сырыязман и в нашей земле много лиха сделали и убежали в Поле».²

На беглохолопскую природу казачества в 1641 г. указывалось в «Повести об Азовском сидении», авторство которой приписывается донскому есаулу Федору Порошину, - «Отбегаем мы из того государства Московского, из рабы вечныя, и с холопства невольного, от бояр и от дворян государевых». Однако лингвистический анализ этой Повести показывает, что ее могли писать и редактировать по указанию начальников царские борзописцы (стенографы), т.к. в тексте обнаруживаются канцеляризмы, не свойственные для речи казаков.

Беглецами из московского государства могли быть не только боярские холопы, но и городовые казаки, служба которых «была чрезвычайно тяжела, так как каждый шаг их был подчинен контролю избираемых ими, а чаще всего назначаемых воеводами казацких голов, атаманов и есаулов, утверждаемых московским правительством с одобрения воевод. За каждую провинность и упущение даже во второй половине XVI в. взыскивали строго, а потому побегі казаков на Дон были довольно часты, если не сказать ежедневны».³

¹ См., например, Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М., 2002. – С. 219.

² Там же. – С. 222.

³ Там же. – С. 235-236.

Хорошо приспособленные к воинской службе городовые казаки могли значительно повышать боеспособность казачьих общин. Беглецы из славянских княжеств и других государств находили приют в вольных казачьих городках, станицах Подонья, где действовал принцип: «с Дона выдачи нет». К поступающим в казачью общину предъявлялись главные требования – верность христианской вере и казачьему братству.

Беглохолопскую парадигму разделял и русский философ Н.О. Лосский, который писал: «Казачество возникло как результат бегства смелых предприимчивых людей, ищущих свободы от государства..., грандиозная территория Российской империи сложилась отчасти потому, что вольнолюбивые русские люди бежали от своего государства, но когда они заселяли новые земли, государство настигало их».¹

Казачий офицер В. Толстов приводил сведения о том, что «во второй половине XVII столетия на реке Хопре – притоке Дона с левой стороны – поселились выбежавшие одновременно из Тамбовского воеводства всякого звания люди, но преимущественно городовые казаки и стрельцы..., новые поселяне на первых же порах приняли казацкое устройство, завели у себя казацкие порядки и стали слыть под названием хоперских казаков».²

По мнению П. Краснова, «наиболее сильные и мужественные, свободолюбивые, те, которые не могли забыть своей воли, уходили из родных деревень и шли искать счастья на юге, в диком Поле, в вечной борьбе с татарами... Эти русские люди встретились в поле с остатками смелых хазар, печенегов и половцев, скрывавшихся от татар в дремучих лесах, в раздолье степей, соединились с ними и положили основание донскому казачеству...»³. Впоследствии его пополнило большое количество гонимых за веру старообрядцев, а также ватаги

¹ Цит. по: Полежаев Д.В. Свободолюбие как социальная установка менталитета русского казачества // Казачество юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Доклады и сообщения на научно-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 53.

² Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696-1896 гг.) / Составил того же полка подьесаул В. Толстов / Репринтное изд. – Ставрополь, 1992. – С. 4.

³ Иллюстрированная история казачества / Репринтное изд. – Волгоград, 1994. – С. 10.

мстителей и удальцов, искавших счастья в молодческой борьбе с татарами. Этих людей называли казаками.¹

В.А. Потто применял беглохолопскую парадигму при описании появления на Тереке и Сунже поселений славян - выходцев из Рязанской украины (окраины), которые, по его мнению, бежали на эти земли в связи с попытками московского наместника в первой четверти XVI в. переселить их в суздальские пределы и заставить «под ведомством Московских приказов служить в городо-вых казаках по стрелецкому уряду, где доведется.... Казалось, что, укрывшись за Терек и даже за Сунжу, наши беглецы совсем ушли от глаз Московской Руси, а вышло так, что не сменилось у них еще первое поколение, как уже Терек и Сунжа вошли в пределы русского царства, и наши переселенцы опять очутились на его рубежах. Первые пионеры русского дела, они до сих пор являлись только колонизаторами этих неведомых стран, принимая все на себя, на свой личный риск и страх, без всякого вмешательства правительственной власти, а теперь, волею судеб, в тех же государственных целях вдруг превратились в его передовые форпосты. Роль эта не являлась для них чем-нибудь неожиданным, новым. Многие из них несли уже порубежную службу на родине, другие понимали, что при той обстановке, которая их здесь окружала, никакой мирный труд не может существовать без охраны оружием, - и невольно становились казаками. Отсюда был уже один только шаг до образования вольного казачьего войска».²

Е.П. Савельев приводил другую версию появления казачьих общин в предкавказье. Он доказывал, что первые поселения на Тереке образованы гребенскими казаками, которые под предводительством атамана Андрея Шадры спасались от гонений атамана Ермака во второй половине XVI в., ушли из дон-

¹ См.: Там же. - С. 11.

² Потто В.А. Два века Терского казачества... – Ставрополь, 1991. - С. 28-29.

ского городка Гребни в Кумыцкие владения, за Терек, и при устье реки Акташе основали городок Андреев, названный по имени атамана.¹

Беглохолопская парадигма активно используется и современными историками при описании процесса самоорганизации терского казачества во второй половине XVI в., когда начался непрерывный рост больших общин казаков, пополнение их многочисленными потоками беглых из различных уголков Российского государства.²

Значительное пополнение казачьего населения на Дону, Тереке и на других «вольных землях» выходцами из российских земель было связано с политическими процессами в Московском государстве и приходилось на «Смутное время» (1598-1613 гг.), на период разгрома восстания С. Разина (1670-1671 гг.) и усиления крепостничества, активного преследования раскольников, старообрядцев государством и Русской Православной церковью (XVI-XVII вв.).³

Масштабы бегства крепостных и незакрепощенных служилых людей к «вольным» казакам беспокоили царскую администрацию, которая неоднократно проводила ревизии населения казачьих общин. П.П. Короленко указывал, что царские ревизоры в 1700 г. нашли и отправили на государственные работы в Астрахань или возвратили хозяевам около 1 тыс. семей беглых холопов, прибывших на Дон после 1695 г.⁴ В 1763 г. на Дону обнаружили 20 тыс. беглых крестьян мужского пола, которых зачислили в казачьи полки, переведенные на новые южные государственные границы.⁵

Беглые крестьяне, не имевшие навыков кочевой жизни и воинской службы, не могли существенно влиять на организацию казачьих общин, их идеоло-

¹ См.: Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М., 2002. – С. 240-241.

² См.: Иноземцева Е.Н., Лысенко Ю.М. Дагестанские русские: история и современность // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы всеросс. науч. конф. 11-14 сентября 2001 г.: В 2 ч. – М.-Ставрополь, 2001. – Ч. 1. – С. 217.

³ См.: Раснянская Н.А. Городское самоуправление Предкавказья в конце XVIII — середине XIX вв. // Там же. – Ч. 1. – С. 173.

⁴ Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска, 1696-1896 гг.: Исторический очерк. – Минеральные Воды, 1991. – С. 11.

⁵ Ауский С. Казаки. Особое сословие. – М. - СПб., 2002. – С. 77.

гию, культуру, обычаи, традиции. Они должны были адаптироваться к новой природной и социальной среде, образу жизни и воинской службе. Поэтому можно принять точку зрения Е.П. Савельева, который утверждал, что легенда о происхождении донских и запорожских казаков только из беглых Московского и Литовского государств или из рыболовов и звероловов, самопроизвольно сгруппировавшихся в военно-промысловые артели, ничего общего с действительностью не имеет.¹

П.И. Ткаченко также доказывал, что «сводить происхождение казачества главным образом к «бродникам» и «беглецам», а тем более к разбойникам и мало оправданно, и кощунственно».²

Очевидно, казачьи общины значительно пополнялись великоросскими служилыми людьми, в том числе и городскими казаками, бежавшими на вольные казачьи земли от притеснений администрации и церкви³, ибо для жизни в степи требовалась хорошая военная подготовка.

Третья парадигма - государственно-колонизаторская - получила развитие с середины XVIII в. Она имеет достаточное документальное обоснование, и ее историографическая база наращивается благодаря архивным находкам современных ученых.

Сущность подхода сводится к представлению основой российского казачества служилых, полковых казаков, составлявших основу поселенных казачьих войск. Действительно, исторические документы свидетельствуют, что первоначально слободские казачьи полки формировались из «детей боярских» и других военно-служилых людей, а также вольных хлебопашцев, государственных крестьян, переведенных на новые государственные земли и причисленных

¹ См.: Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М., 2002. – С. 197, 236.

² Ткаченко П.И. Бранное житье // Военно-исторический журнал. - 1992. - № 6-7.

³ См., например: Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696-1896 гг.) / Составил того же полка подьесаул В. Толстов. – Ставрополь, 1992. – С. 4 и др.

к казачеству для несения порубежной (пограничной) и иной государственной службы в местах проживания.

Однако условия появления городских казаков в славянских княжествах Руси, Московского и Литовского государствах изучены мало. Е.П. Савельев выдвинул гипотезу, согласно которой основу городского казачества составили выходцы из народов Асов (хазары, черкасы, касаки и другие), которые в X-XII вв. после принятия Ордой магометанства мигрировали из Приазовья на Днепр, в Киевскую Русь, Тмутаракань под защиту и на помощь русским и литовским князьям для борьбы с их общими врагами христианской веры.¹

Очевидно, потребность государства в усилении вооруженных сил отрядами легкой кавалерии, хорошо адаптированной к местным условиям, объективно требовала изменения методов колонизации новых земель и государственной политики в отношении с «вольными» казаками.

По велению Петра I для формирования верного Волгского (Волжского) казачества пустовавшие места от Хопра к Волге и до Царицынской линии заселялись охотниками (добровольцами). В 1731-1732 гг. там поселились 2 тыс. семей, которые «без различия состояния наименованы казаками, ввиду того, что они обязаны были защищаться на передовой линии от нападения врага».²

Военно-стратегические задачи укрепления южных рубежей Российского государства вызывали необходимость более активного формирования казачества на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв. Для этого на новые границы переселялись казачьи станицы в полном составе, либо казачьи семьи - по жребию или приговору круга (схода) станичного общества. На новые рубежи переселялись хоперские и донские казаки в наказание за участие в разинском, пугачевском и булавинском бунтах. Казачьи войска пополнялись разнородными группами населения: верными запорожскими казаками, малороссийскими казаками Полтав-

¹ См.: Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М., 2002. - С. 191-194.

² Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска, 1696-1896 гг.: Исторический очерк. – Минеральные Воды, 1991. - С. 17.

ской, Черниговской и Харьковской губерний, однодворцами, отставными солдатами и другими.¹

Согласно указу императрицы Екатерины II от 22 января 1770 г. из числа Волгского войска, поставленного между Царицыном и Дмитриевском, были переселены 517 семей на участок новой границы от Моздока до станицы Червленной для образования пяти новых станиц: Галюгаевской, Ищерской, Наурской, Мекенской, Калиновской. Из переселенных казаков формировался Моздокский казачий полк. Для обслуживания пушек, переданных станицам и Моздокской крепости, с Дона дополнительно переселялись 350 семей казаков-артиллеристов.²

В дальнейшем царская администрация также пополняла казачьи формирования Кавказской линии. В 1802 г. с согласия Правительствующего Сената 330 семей екатеринославских казаков переселялись на Кавказскую линию, в 1804 г. были переселены и причислены к Кавказскому полку 378 семей однодворцев Слободско-Украинской губернии. По предложению генерала А.П. Ермолова, обращались в казаки и другие новопоселенцы Северного Кавказа, жившие вблизи границ, так как они, подобно настоящим казакам, должны были с оружием в руках защищать свои жилища от неприятельских набегов закубанских горцев и, привыкнув к казачьей жизни, могли служить хорошим подкреплением для терпящих постоянную убыль формирований Кавказских линейных казаков. В первой трети XVIIIв. цепь укрепленных поселений казачьих полков на новой государственной границе образовала Кавказскую линию, растянувшуюся от Тамани до Константиногорской крепости и далее – до устья Терека.³

В 1832 г. из казачьих полков Кавказской линии было сформировано единое Кавказское линейное казачье войско, послужившее основой для формирования в 1860-1861 гг. самостоятельных Терского и Кубанского казачьих войск.

¹ Там же. - С. 68.

² См.: Киреев Ф. Станица Луковская // Казачий Терек. - 2001. - № 3.

³ См.: Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска, 1696-1896 гг.: Исторический очерк. – Минеральные Воды, 1991. - С. 30-34.

Мнения представителей данной парадигмы по поводу истории казачества до XVIII в. расходятся. Это заставляет исследователей генезиса казачества не ограничиваться государственно-колонизаторской парадигмой, а обращаться и к автохтонной, и беглохолопской теориям, выбирать из них отдельные содержательно и хронологически связанные фрагменты истории формирования и развития российского казачества.

Так, автохтонная и беглохолопская парадигмы помогают понять природу естественноисторического самопроизвольного формирования казачества на Дону, Днепре, Тереке, Яике, а государственно-колонизационная парадигма – природу государственно-служилых казачьих войск и их использование для военно-экономической колонизации новых земель на Северном Кавказе, в Зауралье, Сибири и на Дальнем Востоке.

Очевидно, три вышеизложенных парадигмы имеют право на существование при четком пространственном, содержательном и хронологическом определении этапов процесса формирования и развития казачества в разных регионах России.

Четвертая — интеграционная парадигма исследования генезиса российского казачества использует конкретно-исторический подход к исследованию социально-политических явлений и процессов. Она предполагает выявление однотипных, пространственно и хронологически связанных фактов, характеризующих зарождение и развитие казачества от «вольных» общин до военно-служилого сословия и социальной общности, которая в современной России обозначается этнонимом «казачество». Интеграционная парадигма обобщает известные исторические данные о казачестве и обеспечивает получение комплексной характеристики феномена казачества, его генезиса. Реализация этой парадигмы позволяет представлять историю формирования казачества нелинейным процессом, который детерминирован общероссийскими, локально-региональными и местными политическими, экономическими и иными факторами, имеющими конкретные формы проявления в реальных условиях.

Результаты применения интеграционной парадигмы исследования генезиса казачества будут более подробно изложены в следующем параграфе.

При исследовании генезиса казачества необходимо учесть теории его представления народом, этносом, субэтносом, сословием и т.п.

Действуя согласно антропологической парадигме, некоторые ученые доказывают, что «на рубеже XVII – XVIII вв. казачество характеризовалось как «субэтнос», имевший тенденцию превращения в этническую целостность. Эта тенденция была прервана закреплением его в виде служилого сословия Российской империи».¹

Свою точку зрения по этому поводу высказали П.И. Пучков и Т.В. Таболина, которые писали, что «хотя между различными группами казаков бесспорно существовало определенное единство, они достаточно четко подразделялись вплоть до 1917 года на 11 войск, каждое из которых имело свою культурную специфику, частично сохранившуюся вплоть до настоящего времени... Казаков до сих пор некоторые исследователи продолжают подразделять на «вольных» и «указных».²

Другие авторы полагают, что «на языке этнографии казачество – это народ, донациональное этническое образование».³

В характеристиках казачьей социальной общности также используется категория «народ» в ее традиционном широком понимании.⁴ Основания для такого определения дают эмпирические признаки: общая территория компактного совместного длительного проживания казаков; объединявший их военно-служилый образ жизни, выработавший своеобразную психологию, язык (точнее – диалект), традиции, обряды, ритуалы. Осознание общности исторической

¹ Тикиджьян Р.Г. Казачество России: история и современность // Социально-политический журнал. - 1994. - № 3-6. - С. 215.

² Российское казачество: научно-справочное издание. – М., 2003. – С. 21-22.

³ Вырелкин В.П. Философские проблемы возрождения казачества // Там же. - С. 210.

⁴ В словаре русского языка под ред. С.И. Ожегова (М., 1988. - С. 313) дано четыре значения слова «народ»: население страны; тождественное нации, народности; основная трудовая масса населения; тождественное слову «люди».

судьбы казаков укреплялось их социально-политическим статусом и функциями, большей частью закрепленных в правовой форме законодательством государства и нормами обычного права, выработанными и закрепленными казачьей культурой. Они фиксировали идентификационные признаки, имевшие эмпирические отличия от других социальных институтов и общностей, наблюдаемые в экономике, культуре, других сферах общественной жизни. Такие идентификационные признаки характеризовали казачество до 1917 г., когда основным его системообразующим фактором являлась особая военно-служилая профессиональная деятельность. Она поддерживалась царским правительством посредством сохранения единых для всех казаков сословных обязанностей и некоторых привилегий, льгот.

Парадигма исследования российского казачества как русского субэтнуса базируется на признании исторических фактов формирования казачества из гетерогенных компонентов при сохранении славянской, великорусской антропологической доминанты и культурной основы, в том числе русского языка, православия, традиций, бытового уклада. У казачьей социальной общности, наряду с общими для всего этнического великорусского населения доминирующими признаками, были и существенные, специфические групповые отличия в культуре, психологии, военно-служилом укладе жизни. Представители инородных этнических групп, приписанные к казачеству, но не желавшие соблюдать казачий уклад жизни, выживались из казачьих общин на бытовом, межличностном и лично-групповом уровнях. На это указывают многочисленные факты вражды «природных» и «инородных», «иногородних» казаков, отмеченные во всех казачьих войсках. Их основными причинами были культурные отличия, которые препятствовали полной ассимиляции «инородцев» в казачьих общинах. Эти отклонения считались недопустимыми для полноправных «природных» казаков, так как основой их самоидентификации было признание принципа: «быть казаком – значит жить по казачьему укладу». Естественно, содержание «казачьего уклада» со временем изменялось, адаптировалось к условиям

службы и жизни в окружающей социальной и природной среде. Но его принципиальные основы - воинская служба, патриотизм, православие – поддерживались социальным контролем.

Проведенный анализ научных подходов к исследованию генезиса российского казачества выявил следующие теоретические парадигмы:

- автохтонную - доказывающую существование казачества с древних времен как коренного народа Предкавказья и Приазовья;

- беглохолопскую - представляющую казаков самоорганизованной общиной беглых холопов из московского и иных государств;

- государственно-колонизаторскую - предполагающую возможность целенаправленного формирования государством казачества для защиты порубежья из городских казаков, «детей боярских», других служилых людей, однодворцев и других разнородных социальных элементов для военно-экономической колонизации новых территорий;

- интеграционную - допускающую возможность формирования казачества в Московской Руси и Российской Империи из разнородных элементов, которые с начала XVIII в. целенаправленно интегрировались царской администрацией в единое военно-служилое полупривилегированное сословие.

Эти парадигмы не позволяют получать полное представление о влиянии политических факторов на генезис казачества. В частности, критическое отношение к автохтонной и беглохолопской парадигмам вызывает отсутствие достоверных документов о численном составе и других характеристиках казачьих общин до периода составления подробных переписей казачьего населения в XVIII в. Не может предоставить таких сведений и государственно-колонизаторская парадигма. Очевидно, антропологическая (автохтонная), беглохолопская и государственно-колонизаторская парадигмы имеют право на существование при четкой пространственно, содержательно и хронологически определенной периодизации процесса образования казачества в разных регионах России. Так, автохтонная и беглохолопская парадигмы помогают понять

природу естественноисторического самопроизвольного формирования казачества на Дону, Днепре, Тереке, Яике, а государственно-колониционная парадигма – природу государственно-служилых казачьих войск и их использование для военно-экономической колонизации новых земель на Северном Кавказе, в Зауралье, Сибири и на Дальнем Востоке.

Выявленные парадигмы исследования генезиса казачества могут использоваться для определения основных характеристик казачества в конкретных исторических условиях, выделенных в соответствии с интеграционной парадигмой, обобщающей все исторические сведения о казачестве, и при правильном ее применении обеспечивает получение комплексной характеристики феномена казачества, его генезиса. Интеграционная парадигма позволяет представлять историю формирования казачества нелинейным процессом, который детерминирован общероссийскими, локально-региональными и местными факторами, имеющими конкретные формы проявления в реальных условиях.

Таким образом, наиболее продуктивной в исследованиях генезиса казачества является интеграционная парадигма, которая предполагает необходимость конкретно-исторического системно-функционального политологического подхода к изучаемому процессу, систематизации и обобщения сведений о политических предпосылках и факторах развития казачества в Московской Руси, Российской империи, Советском государстве и современной России.

1.2. Социально-политическая институционализация казачества как проблема научного анализа

Анализ научной литературы и документов органов государственной власти, казачьих обществ и общественных объединений показывает, что для описания процесса, называемого «возрождение казачества», используется категориальный аппарат, не имеющий строгого научного содержания и неоднозначно воспринимаемого учеными и политиками. По этому поводу О.О. Антропов писал, что «сам по себе категорический императив участников движения – «возрождение дореволюционного казачества» - лишь отчасти отражал содержание деятельности казачьих организаций... В среде казачьих активистов не было и нет до сих пор, единства в понимании объекта и предмета возрождения...».¹

Основные причины низкого уровня валидности термина «возрождение казачества» обусловлены недостаточной философской разработанностью понятийного аппарата, используемого для характеристики процесса зарождения и развития казачьей социальной общности, ее нелинейными сущностными трансформациями, которые затрудняют ее изучение, а также разрушением традиционных основ казачества за годы Советской власти и спонтанно-импровизационными попытками их восстановления в 1980-е гг. При этом обнаруживается плохое знание истории не только рядовыми казаками, но и их лидерами, своеобразно выражающими идеи возрождения «традиционного казачества». По этой причине предлагаются альтернативные модели современного казачества, построенные на принципах «вольного» или «служилого», «красно-советского» или «белого», антисоветского казачества, что, в свою очередь, порождает идейную неопределенность казачьего движения. При этом общим требованием членов казачьих объединений является восстановление в социальной структуре современного российского общества такого казачества, которое

¹ Антропов О.О. Движение возрождения казачества в астраханской области в 1990-е гг. // Новый исторический вестник. – М., 2003. – №1. – С.47.

обладало бы свойствами института, имеющего высокий социально-политический статус и наделенного полномочиями на выполнение широкого спектра ответственных государственных и общественных функций. Деятельность по реализации таких запросов граждан, самоидентифицируемых с казачеством, получила название «возрождение казачества». Оно зафиксировано в программных документах первых объединений современных казаков и из них заимствовано государственными органами, общественными объединениями, средствами массовой информации. Но широкое применение термина не способствовало его теоретическому осмыслению и выявлению сущности. Поэтому термин продолжает выполнять политическую, социально-психологическую, целеполагающую и мобилизующую, а не научную гносеологическую функцию.

Недостатки понятийного аппарата препятствуют выработке единой научно обоснованной модели политической организации процесса возрождения казачества. Без должного научно-методического обеспечения этот процесс и в начале XXI в. ведется бессистемно, хаотично, по разнохарактерным, альтернативным проектам реконструкции казачества.

Для научного анализа предмета исследования, выработки единого категориального аппарата в данной работе дается интерпретация основных понятий, применяемых для его характеристики. Предварительное изучение процесса, называемого «возрождение казачества», обнаружило, что его сущность сводится к трансформации казачьей общности в социально-политический институт, идентифицируемый с казачеством, существовавшим в России до 1917 г.

В социологии под институтом¹ понимается организация общественной деятельности и социальных отношений, осуществляемая посредством взаимосогласованной системы целесообразно ориентированных стандартов поведения, возникновение и группировка которых в систему predeterminedены содер-

¹ Как утверждают авторы Философского энциклопедического словаря (М., 1989. - С. 215), понятие «социальный институт» заимствовано социологией из юридической науки, где оно обозначало совокупность юридических норм, регулирующих социально-правовые отношения (институт наследования, брака и прочие).

жанием решаемой задачи. Каждый социальный институт характеризуется целью своей деятельности, конкретными функциями, обеспечивающими достижение такой цели, набором социальных позиций и ролей, типичных для данного института, системой санкций, обеспечивающих поощрение желаемого и подавление девиантного поведения. Уровень организованности и формализации социального института, признания обществом полезности выполняемых функций обеспечивает ему соответствующий социальный, политический и иной статус, престиж.

Социальные институты характеризуются внешней, формальной и внутренней, содержательной структурами деятельности. С внешней стороны социальный институт представляется совокупностью лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами и выполняющими конкретную общественную функцию, а внутреннее содержание представляется системой целесообразно ориентированных стандартов поведения определенных лиц в конкретных ситуациях.¹

Социальный институт имеет обезличенный социальный состав и создается для реализации конкретных функций, обеспечивающих достижение конкретной общественно-значимой цели. Внутренняя упорядоченность структуры социального института и его функционирование достигается набором социальных позиций и ролей, типичных для данного института, системой санкций, обеспечивающих поощрение желаемого и подавление отклоняющегося поведения относящихся к нему индивидов.²

Как видим, термин «социальный институт» характеризует определенный вид организации общественной деятельности и социальных отношений, осуществляемых посредством взаимосогласованных стандартов поведения, возникновение и группировка которых в систему предопределены содержанием решаемой институтом общественно значимой задачи.

¹ См.: Социология / Г.В. Осипов и др. – М., 1990. - С. 64.

² См.: Рабочая книга социолога. – М., 1983. - С. 84.

Политический характер социальный институт приобретает вследствие его интероризации в процессы получения, распределения и использования средств политической власти для реализации интересов его организаторов.

В политологии понятием «институт» обозначается созданное обществом учреждение с упорядоченной структурой, централизованным управлением, исполнительским аппаратом.¹ Под политическими институтами понимаются политические учреждения с организованной структурой, централизованным управлением, исполнительным аппаратом, или формы и сущности политических функций, отношений типов управления.²

Казачество исторически было включено в политическую систему России, являлось важным элементом государственной внешней и внутренней политики, поэтому до 1917 г. являлось политическим институтом государственной власти, выполнявшим предписанные государством политические, экономические, социальные и духовные функции. Реализация таких функций обеспечивала казачеству юридически оформленный сословный статус и престиж.

Ликвидация советским государством основных институциональных функций казачества и насильственное диффузное расселение казаков в ходе массовых репрессий привела к разрушению его нормативно-правовых, организационно-политических, экономических и иных институциональных качеств.

Поэтому под «возрождением казачества» можно понимать процесс организации казачьей социальной общности и восстановления ее институциональных качеств в современных условиях.

Приобретение казачьей социальной общностью институциональных качеств называется *институционализацией*. В социологии этим термином обозначается процесс формирования различных типов социальной деятельности в

¹ См.: Там же.

² См.: Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. – М., 1993. – С. 122.

качестве социальных институтов.¹ Важнейшими предпосылками этого процесса являются:

- возникновение определенных общественных потребностей в новых типах социальной деятельности и соответствующих им социально-экономических и политических условий;

- развитие необходимых организационных структур и связанных с ними социальных норм и других регулятивов поведения;

- интернационализация индивидами новых социальных норм и ценностей, формирование на их основе системы потребностей личности, ценностных ориентаций и ожиданий.

Завершением процесса институционализации является интеграция нового вида социальной деятельности в существующую систему общественных отношений.²

По мнению М.С. Калюрова, институционализация может исследоваться с двух точек зрения:

- как исторический процесс зарождения и установления новых социальных институтов, что позволяет раскрывать причины и условия их возникновения;

- в качестве функционирования социальных институтов в рамках социальной системы в связи с процессом адаптации индивидов и коллективов к ее нормативным требованиям, в ходе которых формируются социально-психологические механизмы, обеспечивающие стабильность и устойчивость обществ, организаций.³

В политологии под институционализацией понимается деятельность участников политического процесса, направленного на превращение конкретного политического, социального явления или движения в организованное учрежде-

¹ См.: Социологическая энциклопедия: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1. – С. 373.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

ние, формализованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, иерархией власти различных уровней и другими признаками организации: дисциплиной, правилами поведения и т.п.¹. Следовательно, политическая институционализация социальной общности – это деятельность участников политического процесса, направленная на превращение социальной общности в формальную политическую организацию с определенной структурированностью, иерархией властных отношений и нормами поведения, обеспечивающими соответствующий институту статус и престиж посредством выполнения предписанных функций.

Политическая институционализация социальной общности обеспечивается первичной артикуляцией и агрегацией интересов ее членов, благодаря которой происходит структурирование гражданского общества, формируются группы политического давления на государство и политические институты, участвующие в получении, распределении и использовании политической власти.

Начальные формы институционализации возникают на уровне общественного самоуправления и стихийных процессов, когда в них возникают упорядоченные, целенаправленные действия, выдвигаются лидеры, способные их возглавить, организовать, а затем – постоянные руководящие группы, осуществляющие управление.

Казачья социальная общность формируется благодаря связям, которые возникают между гражданами, самоидентифицирующимися с казачеством, интегрируют их в неформальные и формальные общественные объединения. Эти связи имеют разный характер. Институциональные социальные связи обеспечивают устойчивость и воспроизводимость, предсказуемость отношений, четкость выполнения социальных ролей, соответствующих статусу индивида или социальной общности.

¹ См., например, Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М., 1993. – С. 122.

Институционализация достигается, во-первых, обезличенной регламентацией поведения индивидов, относящихся к институту. Такая регламентация формализуется, приобретает юридическое оформление в виде нормативно-правовых документов, определяющих систему стимулов за их соблюдение и негативных санкций за нарушения. Во-вторых, - четким распределением функций, прав и обязанностей между участниками институционализированного взаимодействия. Такое распределение приводит к разделению их функций, специализации и профессионализации. В-третьих, - наличием средств, необходимых институту для осуществления предписанных ему государством, обществом ролей, функций. В зависимости от функциональных обязанностей институт может обладать большим или меньшим арсеналом политических, экономических и иных ресурсов. Поэтому в настоящем исследовании предполагается решение задачи выявления организационных, политических и иных факторов, обеспечивающих социально-политическую институционализацию казачества в современных условиях или препятствующих этому процессу.

До ноября 1917 г. казачество выделялось в структуре общества сословными обязанностями государственной воинской и иной службы, связанными с ней специфическими формами общинной жизнедеятельности и аграрной экономики, культурой, менталитетом, психологией, компактным проживанием на территориях, определенных для этого государством. Казачество выполняло определенные государством функции. Их содержание и порядок исполнения определялись специальными государственно-правовыми и корпоративно-нормативными актами и поддерживались государственными и казачьими органами социального контроля. Поэтому казачество обладало четко выраженными эмпирическими признаками социально-политического института.

Таким образом, под «социально-политической институционализацией российского казачества в современных условиях» понимается процесс, направленный на приобретение казачьей социальной общностью качеств социально-политического института, статус которого обеспечивает возможность исполь-

зования средств политической власти для реализации интересов граждан, относящих себя к казачеству, а также соответствующих этому статусу социальных и политических функций, формализованной системы социального контроля поведения членов казачьей социальной общности, их взаимоотношений с государством, другими акторами политики и социально-политическими институтами гражданского общества.

Для политологического исследования многоаспектного процесса социально-политической институционализации российского казачества в современных условиях потребовалось комплексное изучение социально-политического процесса трансформации социальной группы, члены которой идентифицируют себя с российским казачеством, в казачью социальную общность и социально-политический институт, сохраняющий этноним «российское казачество».

Как отмечалось, теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составила политологическая методология. Она разработана на основе общенаучной методологии и методологии социально-гуманитарных наук и представляет собой систему знаний о познавательной деятельности ученых-политологов, о методах и методиках эффективного познания явлений политической жизни общества. Политологическая методология включает комплекс теоретически обоснованных гносеологических установок, определяющих направления исследовательской деятельности, принципы и методы получения нового знания о политической жизни общества.¹

Однако политологическая методология не может считаться окончательно сформированной системой знаний.

Критически осмысливать имеющиеся в арсенале политологии методологические парадигмы ученых обязывает наследие предшествующего советского периода развития отечественной науки, в котором во всех отраслях обществознания доминировала марксистская методология в качестве общеобязательной

¹ Под методологией также понимают специальную отрасль политической науки, предметом которой являются процессы политологических исследований.

основы мировоззрения. Последствия такой методологической ограниченности обнаруживаются и в некоторых современных исследованиях, которые без критического осмысления используют данные работ, опубликованных в советский период. Так, после того, как в 1991 г. в нашей стране политология была официально включена в цикл общегуманитарных и социально-экономических научных дисциплин, к этой науке необоснованно относили политическую публицистику и мемуарные описания политических событий. Они не удовлетворяли общественные потребности в действительно научном анализе политических явлений и процессов. Однако объективные потребности расширения арсенала научно-познавательных методов отечественной политологии в начале 1990-х гг. удовлетворялись и путем некритического заимствования некоторых методологических парадигм у зарубежных авторов. Вследствие этого специфические особенности политической жизни России не учитывались, а «подгонялись» под зарубежные модели и оценочные критерии, и многие работы политиков и политологов не могли адекватно отражать реалии российской политики. Для устранения отмеченных недостатков требовалась радикальная переоценка методологических основ гуманитарных исследований.

По мнению А.С. Панарина, с октября 1993 г. в отечественной политологии завершился «романтический» период демократической идеологии и «западнического эпигонства», были разрушены иллюзии относительно возможностей прямого переноса образцов западной политики на российскую почву. Поэтому «сегодня наша политология стоит перед лицом многозначительного в теоретико-методологическом отношении факта: Россия при всех условиях сохраняет свое цивилизационное отличие от Запада, и главной теоретической проблемой становится соотнесение общецивилизационных универсалий современного мира с региональными (национальными) особенностями, которые выступают в роли побочного и изживаемого в ходе эволюции «фона», вынужден-

ного постоянно разнообразить свои стратегии в ответ на специфику места и времени».¹

В современных условиях требуется применение качественно новой методологии исследования политических систем и политических институтов. «Эти проблемы возникают перед исследователями политических процессов и в других странах, и они еще далеко не решены».² Поэтому современная методология ориентирует политологов на использование в исследованиях комплекса процедур, общих и частных методов, адаптированных к изучаемым политическим явлениям и процессам. При этом в методиках допускается комбинирование «традиционных» и «новых» методов познания.

Однако заказчики политологических исследований часто предъявляют повышенные требования к науке, добиваются от нее скорых, практически значимых результатов, из-за чего некоторые исследователи предпочитают эффективные, политически выгодные заключения, а не оптимальные решения научных проблем. Из-за этого общество получает ангажированную информацию, искажающую общественное представление о реальных социально-политических процессах, и не может принять меры для эффективного решения актуальных проблем, а органы государственной власти и управления часто принимают политико-управленческие решения интуитивно, импровизационно без научного обоснования. Снижение уровня научно-методического обеспечения политических решений значительно повышает степень риска получения драматических последствий от их реализации.

Ряд методологических проблем политологии обусловлен недостаточной разработанностью методов анализа общественно-политических явлений, системы категорий и других элементов понятийного аппарата науки. Поэтому для исследования процесса социально-политической институционализации российского казачества также потребовалось уточнение и разработка понятийного ап-

¹ Панарин А.С. Политология: Учеб. - 2 изд., перераб. и доп. - М., 1999. - С. 14.

² Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. - М., 1993. - С. 17.

парата, обеспечивающего адекватное описание и многофакторный, системный анализ изучаемого предмета.

Такие методологические основы могут вырабатываться в соответствии с избранной исследователем теоретической парадигмой. Однако методологические парадигмы для политологических исследований проблем современного казачества пока не были разработаны, а в отдельных политологических работах, рассматривающих современные проблемы казачества, вопросы методологии рассмотрены фрагментарно.¹

Критически относиться к имеющимся политологическим методикам изучения феномена современного казачества обязывает и личная ответственность ученого за получаемые результаты, так как, во-первых, выбор определенного методологического принципа, подхода дисциплинирует исследовательскую практику, заставляет ученого действовать соответственно определенной научной традиции; во-вторых, каждый методологический подход опирается на “традиционный” для него набор исследовательских методов, процедур, и приобщение к определенной научной системе позволяет исследователю экономить силы и время посредством применения уже апробированной совокупности исследовательских приемов; в-третьих, методологический подход служит ориентиром системы мировоззрения исследователя и наиболее полное, точное ее изложение обеспечивает не только осознание самим ученым своих действий, но и их понимание другими пользователями результатов исследования; в-четвертых, четкое определение методологических основ исследования обеспечивает взаимопонимание ученых и практиков, позволяет сравнивать полученные результа-

¹ См., например, Ковалева О.В. Политико-правовые аспекты статуса казачества в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003; Савченко Д.И. Терское казачество в истории присоединения Северного Кавказа к России (XVI – середина XIX века): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Пятигорск, 2003; Товченко Р.Б. Казачество в политическом процессе постсоветской России (на примере Поволжья): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003; Титлина Е.Ю. Политика российского государства в формировании дальневосточного казачества: сущность, особенности, перспективы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1996 и др.

ты, объяснять причины разной научной интерпретации одних и тех же явлений устанавливать преемственность знаний, их сопоставимость.

При определении методов и методик исследования представляется необходимым дать рабочее определение категории «научный метод», так как «существует множество дефиниций этого понятия, изучение которых требует подробного анализа».¹

Например, профессор М.Н. Марченко писал, что «в самом широком и общем смысле слова «научный метод» представляет собой теоретически обоснованное нормативное познавательное средство. В более узком и специальном смысле понятие метода науки составляет совокупность подходов и принципов, правил и норм, инструментов и процедур, обеспечивающих взаимодействие познающего субъекта (то есть, ученого) с познаваемым объектом для решения поставленной исследовательской задачи».²

Таким образом, методы политологии – это процедуры, способы получения (приращения) искомых научных знаний, а методики политологических исследований – это совокупности научных методов, которые должны реализовываться всеми участниками исследования в строго определенном порядке для получения однотипных, совместимых результатов, характеризующих изучаемые явления и процессы политической жизни общества.

Научно-познавательная деятельность как правило организуется на основе ранее созданных и уже проверенных практикой, ставших традиционными методов исследований. Но она должна модернизироваться с учетом специфики новых проблем, адаптироваться к ним, обогащаться методологическими новациями.

При подготовке к исследованию ученый ориентируется в многообразии методологических принципов и, учитывая опыт предшественников, определяет

¹ См.: Политология: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 1997. – С. 45. Подробнее см.: Рузавин Г.И. Методы научного исследования. – М., 1974; Быков В.В. Методы науки. – М., 1974; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 1987.

² См.: Политология: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 1997. – С. 45-46.

мировоззренческую позицию для выбора своего теоретико-методологического подхода к предмету познания. Высокая динамичность политической жизни общества и нестабильность детерминирующих ее факторов заставляет ученого постоянно адаптировать известные методы и методики применительно к предмету своего исследования. Поэтому каждый исследователь изучает методологические основы познавательной деятельности не только «своей», но и смежных наук, отбирает и включает в собственную практику те методы, которые, по его мнению, обеспечивают наиболее эффективное получение, обработку и представление информации об изучаемом явлении или процессе.

А.С. Панарин указывал, что современная политология сочетает две основные методологические стратегии. Первая - нацеливает исследователей на изучение интересов участников политического процесса. Эти интересы служат источниками политической активности граждан, поэтому через определение совокупности взаимосвязанных интересов акторов политики можно выявлять движущие силы политической активности и разрабатывать модели решения актуальных политических проблем. Вторая стратегическая установка направляет научный поиск на выявление ценностей, детерминирующих политическое поведение граждан. Эта стратегия эффективна при изучении политических процессов, происходящих в ценностно-разнородном поле. В таких случаях изучаются условия формирования ценностей, менталитета, культуры, психологии и других факторов политического процесса.¹

Структура методов политологии сложно организована² и методы, применяемые политологией в конкретных исследованиях, не ограничиваются известным арсеналом ранее использованных методов, а творчески развиваются, модернизируются с учетом специфики предмета научного познания.

¹ См.: Панарин А.С. Политология: Учеб. - М., 1999. - С. 10.

² Подробнее о структуре методов политологии см., например, Демидов А.И. Федосеев А.А. Основы политологии: Учеб. пособие. - М., 1995. - С. 11; Политология: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. - М., 1997. - С. 50; Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. - М., 1993. - С. 178; Политология: Учеб. для вузов / Под ред. М.А. Василика. - М., 1999. - С. 24-32 и др.

Применение какого-либо конкретного подхода в научном исследовании означает, что ученый предпочитает использование определенной системы методов сбора, обработки, интерпретации и представления полученных материалов. Поэтому при разработке методик исследования возрождения российского казачества в современных условиях целесообразно не ограничиваться накопленным опытом, так как политологических исследований этого феномена проводилось мало, но и обращаться к методам других гуманитарных наук, общенаучным методам, знание и применение которых позволяет получать более полную, комплексную, системную характеристику изучаемого предмета.

При исследовании процесса социально-политической институционализации казачества в современных условиях используются следующие методологические подходы.

Сравнительный (компаративный) метод относится к числу общенаучных методов, широко применяемых для изучения общества с самых древних времен, и лежит в основе многих других общенаучных методов и методик конкретных исследований. Характеризуя этот метод, Э. Дюркгейм писал: «Научное исследование не может достигнуть своей цели иначе как сравнением фактов, и у него тем более будет шансов на успех, чем увереннее оно будет, что собрало все явления, которые можно с пользой сравнить между собой».¹

Российский политолог Р.Ф. Матвеев также отмечал, что настоящей необходимостью для политической науки является развертывание сравнительных исследований.²

Сравнительный метод основан на сопоставлении социальных явлений и процессов во времени (временные исследования) и пространстве (территориальные исследования).³ Он предполагает сопоставление двух и более политических объектов и их состояний для выявления в них совпадений и отличий и

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – М., 1994. – С.9.

² См.: Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. – М., 1993. – С. 17.

³ Рабочая книга социолога. – М., 1983. – С. 467.

включает следующие этапы: отбор и описание информационно значимых фактов; выявление в изучаемых предметах и описание имеющихся в них тождеств и различий; обнаружение взаимосвязей между элементами политических процессов и другими явлениями общественной жизни в форме экспериментальных гипотез; последовательная проверка гипотез для их подтверждения или опровержения.

Этот метод основан на выявлении социальных фактов, которые характеризуют сущность познаваемого предмета и образуют эмпирический уровень знаний о реальных событиях, фактах. Социальными фактами признаются объективные, реально существующие события, свойства, связи социальной реальности и процессов их изменения.¹ «В логико-гносеологическом плане фактами называют обоснованное знание, которое получено путем описания отдельных фрагментов реальной действительности в некотором строго определенном пространственно-временном интервале. Это – элементарные компоненты системы знаний».² Поэтому для использования сравнительного метода в исследовании процесса социально-политической институционализации казачества прежде всего определялись группы фактов, характеризующих сущность современного казачества и процесса его институционализации в конкретно-исторических условиях под воздействием политических и иных факторов. При сравнении полученных фактов выявлялись совпадения и различия между конкретными характеристиками, устанавливалась их зависимость от устойчиво повторяющихся или изменяющихся условий.

Процедуры изучения реальных социальных фактов разнообразны и зависят от конкретно-исторических условий места и времени.

В настоящем исследовании использованы методики инвент-анализа, которые требуют, чтобы изучаемые факты описывались по четырем основным

¹ Там же. - С. 465–466.

² Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. - М., 1972. - С. 19.

параметрам: субъекту (инициатору воздействия); объекту воздействия; времени и месту событий; типу (характеру) взаимодействия субъекта и объекта. Обнаруженные факты сравниваются и систематизируются. По мере обобщения выявленных социальных фактов исследование приближается к выявлению сущности изучаемого феномена.

С учетом специфики предмета исследования сравнительный метод потребовал отбора, систематизации, выявления совпадений и отличий фактов, свидетельствующих о генезисе российского казачества, его взаимоотношениях с государственными органами и общественными объединениями, непосредственно или опосредованно участвующими в социально-политической институционализации казачества.

Для выявления природы российского казачества осуществлялись отбор и систематизация исторических фактов о вольном и полковом, городском казачестве, основных факторах их трансформации в сословный институт служилого войскового казачества Российской империи и деинституционализации вследствие политических репрессий расказачивания советским государством.

Сущностные характеристики современного российского казачества обнаруживались при сопоставлении фактов о структуре казачьих обществ и организаций, их деятельности, взаимоотношениях с государством и другими политическими институтами.

Применение политологических критериев для систематизации социальных фактов о генезисе российского казачества решало задачи обнаружения основных этапов развития казачьей социальной общности с 80-х гг. XX в. до настоящего времени, определения основных тенденций, закономерностей социально-политической институционализации российского казачества в современных условиях.

Сравнительный анализ основных социальных показателей дореволюционного, постреволюционного, советского и современного казачества позволяет выявлять тенденции его количественных и качественных изменений на разных

этапах генезиса и обеспечивает данные для разработки его оптимальной модели, концепции государственной политики в отношении казачества, а также программ и политических технологий развития казачьих обществ, привлечения их к государственной и иной службе.

Сведения для сравнительного анализа исторических, социально-политических, политико-правовых предпосылок и факторов институционализации казачества получались из официальных документов органов государственной власти, казачьих обществ и общественных объединений, периодической печати, научных публикаций и других документированных источников. На их изучении сосредоточивалось внимание в подготовительном и последующих периодах исследования. На описательном и аналитическом этапах исследования указанные материалы служили документальной базой, с учетом которой осуществлялась некоторая корректировка исследования, его методов и методик.

Изучение документальных источников показало, что государственные органы располагают малым объемом достоверных, регулярно обновляемых аналитических данных о казачестве, об эффективности применяемых управленческих мер и политических технологий государственного и общественного обеспечения его институционализации.

Отсутствие необходимых государственных документов о предмете познания заставляет исследователей самостоятельно осуществлять сбор и систематизацию первичной информации, разрозненных архивных и текущих документов государственных органов и казачьих обществ, а также вести личные наблюдения, опросы экспертов и реализовывать другие традиционные методики, адаптированные к предмету исследования.

Диалектический метод (принцип), базирующийся на определении форм проявления трех основных законов диалектики, направляет процесс познания на определение динамических характеристик социально-политической инсти-

туционализации казачества, факторов количественных изменений и их перехода в качественные изменения сущностей изучаемого объекта.

Указанный метод позволяет выявлять источники саморазвития социального процесса социально-политической институционализации российского казачества, его внешние и внутренние движущие силы, факторы социально-политической институционализации современной казачьей социальной общности, ее трансформации в систему войсковых и иных казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

При анализе процесса социально-политической институционализации казачества также оценивается объективный и субъективный характер факторов, конструктивный или деструктивный характер их влияния на изучаемый процесс. Знание «проказачьих» и «антиказачьих» факторов, предопределяющих динамику социально-политической институционализации казачества, эффективность взаимоотношений казачьих обществ с государством, политическими партиями и другими участниками политики, позволяет вырабатывать механизмы эффективной государственной политики в отношении казачества и технологий ее реализации.

Сравнительный метод лежит в основе системного и исторического подходов (принципов), которые также использованы при изучении процесса социально-политической институционализации российского казачества.

Системный подход (принцип) в политологических исследованиях активно используется с середины XX века, хотя его методологические предпосылки обнаруживаются в идеях античных философов о целостности государств-полисов, взаимозависимости всех их жителей.

Этот методологический подход представляет общество в качестве многокомпонентного целого, состоящего из отдельных, относительно самостоятельных частей (элементов), находящихся в такой связи-зависимости, которая обуславливает строго определенные качества, характеристики всей системы и ее элементов.

В политологии системный подход учитывает основные свойства политики: всеохватывающий и всепроникающий характер, инклюзивность (способность сочетаться с другими сферами общественной жизни), императивность политики в отношении других сфер жизнедеятельности общества. Поэтому системный подход предполагает, что политические процессы взаимосвязаны с другими сферами общественной жизни, оказывают на них детерминирующее воздействие.

Системный подход требует, чтобы предметы познания рассматривались в прямой и обособленной связи с экономическими, социальными, духовными и иными явлениями и процессами. В частности, процесс социально-политической институционализации казачества в современных условиях представляется частью социетального процесса (включает всю совокупность экономических, духовных, политических и социальных процессов) демократизации российского общества, модернизации государства и развития гражданского общества. Вычленение из социетального процесса его части – процесса социально-политической институционализации казачества – имеет сугубо теоретическое предназначение для абстрактного исключения из политологического исследования некоторых факторов, не имеющих непосредственной связи с изучаемым предметом, несущественно влияющих на его характеристики. Однако этот методологический прием анализа – разделение сложно организованного целого на составляющие элементы для их отдельного изучения – не исключает необходимости определения влияния на исследуемый процесс других факторов (экономических, политико-правовых, духовных и т.п.), которые при обобщении (синтезе) уже выступают в качестве обязательных составляющих изучаемой социетальной макросистемы.

Так как по мере абстрагирования, «отрыва» от выразителей характеристик изучаемых явлений утрачивается важная информация о специфике процесса и об отдельных его состояниях, то в нашем диссертационном исследовании использовались эмпирические материалы о деятельности конкретных ка-

зачьих обществ в северокавказском и других регионах России в конце XX – начале XXI века. Это позволяет сохранять постоянную связь познавательного процесса с реальной политикой, процессами организации казачьего движения, формирования и деятельности механизмов его взаимодействия с государственными органами и другими акторами политики.

Использование системного подхода в нашем исследовании позволяет представлять казачество частью социетальной системы России, а процесс его социально-политической институционализации - неотъемлемой составляющей политических, экономических, духовных, социальных процессов, происходящих в российском обществе. В таком случае социально-политическая институционализация казачества обусловлена процессами, происходящими в обществе (демократизация, рост национального и иного самосознания, экономические реформы, административно-территориальное переустройство Федерации и т.д.) и оказывает на них обратное воздействие. Такая взаимозависимость должна учитываться в системном анализе. При этом сущность современного российского казачества определяется через эмпирические характеристики его социально-политической институционализации.

Взаимозависимость части целого (казачества) от состояния структуры и деятельностью всего целого (российского общества) указывает на ограниченные возможности процесса социально-политической институционализации казачьей социальной общности, его детерминированность процессами трансформации российского общества.

Системный принцип предполагает возможность применения анализа и синтеза. Поэтому в ходе исследований казачьей социальной общности, представляемой как многокомпонентная подсистема социетальной системы российского общества, выделялись территориальные, войсковые, этнические и иные части, проводилось их абстрактно-обособленное изучение для последующего синтеза полученных результатов. Такой методологический подход позволяет выявлять общие и особенные характеристики содержательно-хронологических

этапов формирования вольного и служилого казачества, организации движения за возрождение российского казачества, обнаруживать основные движущие силы процесса возрождения российского казачества в современных условиях.

В связи с тем, что многовековая история казачества детерминирована законами жизнедеятельности российского общества, в исследовании использовался исторический подход (принцип историзма). Он реализован в сравнительно-историческом методе, который применяется в политологических исследованиях для выявления природы изучаемого предмета, динамики процессов его развития и детерминирующих их предпосылок и факторов.

Исторический принцип требует, чтобы каждое явление рассматривалось в развитии как фрагмент, «звено цепи событий» общественной жизни. Но так как условия появления и развития изучаемого предмета редко являются наглядно-очевидными и часто не могут описываться эмпирически определяемыми характеристиками, то для установления природы познаваемого предмета и выявления законов его развития требуется знание условий его зарождения и характерных фактов жизнедеятельности. Сведения о них содержит история казачества. Поэтому согласно принципу историзма изучается процесс зарождения и развития «вольного» казачества, его огосударствления Московской Русью, Российской империей и расказачивания советским государством. Большое значение для познавательной практики на этом этапе исследования имеет изучение документов и научных работ, посвященных истории донского, терского, кубанского и иных казачьих войск.

Применение принципа историзма в политологическом исследовании социально-политической институционализации российского казачества позволило реализовать интеграционный подход, включающий в познавательный процесс автохтонную, беглохолопскую, государственно-колонизаторскую парадигмы для получения данных об изменениях его сущности в процессе исторического развития.

При изучении генезиса казачества анализировались официальные документы и научные работы, характеризующие: историко-политический процесс образования «вольных» казачьих общин; взаимоотношения царской администрации и казачества; особенности несения различных видов государственной и иной службы казаками; экономический и бытовой уклад, культура и психология казаков; отношение казаков к революциям 1917 года и самоорганизацию казачьих республик в 1917-1920 гг., участие казачества в Гражданской войне; взаимоотношения казачества и Советского государства, репрессии расказачивания 1919-1936 гг., жизнедеятельность казаков в СССР; эмиграцию казаков из советской России в 1920 г., их реэмиграцию и участие во Второй мировой войне; государственно-правовые, социально-психологические и иные предпосылки возрождения российского казачества, организации казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации.

Анализ процесса развития российского казачества учитывает его многовековую историю. Поэтому исследование опирается не только на данные, полученные соискателем при проведении собственных эмпирических исследований, но и на материалы вторичного анализа работ других ученых, опубликованных в предшествующие годы. Содержащиеся в них сведения подвергались критическому анализу, так как в Российской Империи некоторые исторические факты умышленно или непреднамеренно искажались, и отечественная историография до настоящего времени испытывает последствия «скалигерово-романовской» версии русской истории, обоснованной Гизелем и Миллером¹. По этому поводу А.А. Гордеев писал, что многие исторические факты умышленно искажались «не для подтверждения исторической действительности казаков, а ее извращения».²

Указывая на необходимость критического осмысления исторических работ предшественников, А.И. Асов предупреждал: «Начиная с XVIII века в исто-

¹ См.: Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М., 2002. – С. 5-9.

² Гордеев А.А. История казаков: В 5 кн. – М., 1992. – Ч. 2. – С. 41.

рической науке стали работать ученые, приглашенные из зарубежных университетов. Они основали «норманизм» - псевдоучение, сутью которого было доказать, что всеми своими достижениями, государственностью и культурой, и даже самим именем «Русь», славяне обязаны пришлым скандинавам и германцам».¹

В научной и публицистической литературе XX века также обнаруживается тенденциозность в интерпретации исторических фактов. Так, в резолюциях Съездов трудовых казаков, проводившихся советским правительством, категорично высказывалось мнение о том, что казаки не являются особым народом. Это мнение и сегодня поддерживает публицист В. Смирнов и некоторые другие журналисты и политики. Против такой точки зрения активно возражает один из организаторов первых на Северном Кавказе казачьих объединений, историк П.С. Федосов.²

Противоположные оценки роли казачества в современной политике высказывают и другие ученые. Так, начальник ГУВД Ставропольского края, доктор юридических наук, генерал-лейтенант милиции А.Г. Сапрунов признает казачество фактором, стабилизирующим социально-политическую обстановку в северокавказском регионе³, а доктор экономических наук С.В. Рязанцев указывает на потенциальную конфликтогенность казачьих организаций⁴. Поэтому сведения, полученные из научных работ других авторов включались в исследовательскую базу после многократной проверки и критического анализа.

В связи с тем, что традиционно российское казачество было политическим институтом Российской империи, выполнявшим важные военно-

¹ Асов А.И. Русколань: Древняя Русь. История и традиции русского казачества. – М., 2004. – С. 7.

² См. например, Смирнов В. Вышли мы все из народа ... русского // Вечерний Ставрополь. - 2002. - № 192, 200; Федосов П. Вышли мы из народа славянского // Казачий Терек. - 2002. - № 11; Он же. Были ли казаки сословием // Ставроп. правда. - 1993. - 20 мая и др.

³ См. например, Повышать удельный вес казачества в охране границы и общественного порядка // Казачий Терек. - 2001. - № 5.

⁴ См.: Рязанцев.С.В. Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Социологические исследования. - 2002. - №1.

служилые и иные функции, утраченные после окончания гражданской войны, а современное казачество претендует на восстановление функций казачьей государственной и иной службы, в диссертационном исследовании использовался функциональный методологический подход. Его основы разработаны английским социологом Г. Спенсером. Большой вклад в дальнейшее развитие функционального методологического подхода в XX веке внес американский социолог Р. Мертон.

Функциональный подход предполагает, что общество в целом и его отдельные части, в том числе казачья социальная общность, находятся в тесной взаимосвязи, обеспечиваемой выполняемыми ими социальными функциями, под которыми понимаются наблюдаемые последствия саморегуляции изучаемой системы и (или) ее приспособление к реальным условиям существования. Наряду с функциями, выделяются и «дисфункции» как наблюдаемые последствия деятельности, которые ослабляют саморегуляцию системы, а также явные (осознаются участниками поведенческой системы или ситуации) и скрытые функции (не планируются и не осознаются участниками).

В Рабочей книге социолога категория «функция» трактуется как зависимость существования объекта от его окружения или существования элемента от его места и роли в целом.¹

Р. Мертон обосновал использование трех ключевых постулатов функционального методологического подхода к исследованию социальных явлений и процессов: «постулат функционального единства» (социальные факты имеют мощную консолидирующую способность, обладают глубинными связями); «постулат универсальности функционализма» (все формы культуры обладают функциональными свойствами, требующими аналитического исследования); «постулат принудительности» (функции обладают «принудительностью» или неизбежностью, порождающими функциональную детерминированность всех

¹ См.: Рабочая книга социолога. - М., 1983. - С. 468.

общественных институтов, но не отвергающими возможность существования «функциональных альтернатив», эквивалентов и заменителей).¹

Указанные постулаты учитывались при структурно-функциональном анализе организационно-политического механизма социально-политической институционализации российского казачества в современных условиях.

На основе интеграции системного и функционального методологических принципов американский социолог Т. Парсонс выработал методологический подход, получивший название системного функционализма.

Т. Парсонс доказывал, что все социальные системы обладают набором из четырех основных функций, получивших название AGIL - по начальным буквам английских слов adaptation (адаптация - означает, что любая социальная система приспосабливается к внутренней ситуации и изменениям внешней среды), goal attainment (целестремление - предполагает, что система сама определяет и достигает поставленные цели), integration (объединение - требует, чтобы все элементы системы рассматривались в единстве, которое обеспечивается устойчивыми связями-отношениями и выполнением взаимозависимых функций), latency, pattern maintenance (удержание образца - указывает, что любая социальная система создает, сохраняет, совершенствует, обновляет мотивацию индивидов, образцы их поведения, культурные принципы).

Эти принципы системно-функционального анализа Т. Парсонс предлагал применять в исследованиях макро- и микроуровней, так как, по его мнению, существует иерархия систем, в которой системы высокого уровня используют «энергию» систем более низких уровней, а более высокие уровни контролируют более низкие.

Т. Парсонс также обосновал требования к социальным системам вне зависимости от их масштабов и важности: совместимость с другими системами; поддержка других систем для ее сохранения; способность системы удовлетворять большую часть потребностей тех людей, которые поддерживают ее своим

¹ Цит. по: Основы социологии: Курс лекций / Отв. ред. А.Г. Эфендиев. - М., 1993. - С. 56.

участием; возможность системы мобилизовать своих членов на максимально активное участие в ее жизнедеятельности; обладание возможностями контроля за отклоняющимся поведением своих участников; наличие общего (единого) языка и принципов общения (коммуникации) между участниками. При нарушении этих требований разрушаются интеграционные связи между элементами системы, что приводит к ее разрушению и переходу в новое состояние. Поэтому изложенные требования соблюдались при организации диссертационного исследования.

В политологическом исследовании процесса социально-политической институционализации казачества использовались социологические методы, которые приобрели общегуманитарный характер. Их применение позволяет выявлять причинно-следственные связи, зависимость изучаемых процессов и явлений от конкретно-исторических условий, политических, социальных и иных факторов, совокупное взаимодействие которых выступает в качестве причины, детерминирующей состояние изучаемого предмета и его трансформации. Причиной институционализации российского казачества является совокупность предпосылок и факторов, имеющих объективный и субъективный характер, проказачью или антиказачью направленность.

Установление причинно-следственных связей в процессе идентификации членов казацкой социальной общности и их организации позволяет выявлять тенденции социально-политической институционализации казачества.

При многократном повторении последствий сочетания одинаковых факторов обнаруживаются устойчивые причинно-следственные связи, которые формулируются как закономерности. Так как механизм действия социальных законов по своей природе всегда остается вероятностным¹, то выявленные в ходе исследования закономерности социально-политической институционализации российского казачества в современных условиях формулировались в ви-

¹ См.: Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. - М., 1972. - С. 10.

де вероятностных утверждений. На основе обобщения множества конкретных закономерностей выявляются локальные (локально-временные и локально-пространственные – региональные, в субъектах Федерации), общие и всеобщие законы. Поэтому в ходе исследования выявлялись специфические, локальные закономерности формирования и развития казачества, его институционализации в конкретных условиях места и времени. Их обобщение обеспечивало выявление общих закономерностей генезиса института российского казачества в прошлом и настоящем, определение тенденций изучаемого процесса.

При изучении реальных процессов социально-политической институционализации казачьей общности также использовалась этнометодология. Она представляет собой совокупность методов, которые применяются для выявления в повседневной жизни людей, их поступках неявно выраженного смысла, подтекста, указывающего на мотивы деятельности, характер реальных отношений. Основу этнометодологии разработал американский социолог Г. Гарфинкель для обнаружения скрытых форм поведения, которые он назвал «фоновым взаимопониманием», которое представляет собой факты, известные взаимодействующим субъектам, но не демонстрируемые ими в отношениях, а только подразумеваемые.

Для выявления «фонового взаимопонимания» в отношениях казачества с государственными органами и другими участниками политики, непосредственно или опосредованно влияющими на социально-политическую институционализацию казачества, проводилось многолетнее включенное наблюдение за деятельностью казачьих обществ, их лидеров-атаманов, работников органов государственной власти и управления, анализировались тексты их выступлений, манеры поведения, общения.

В ходе исследования осуществлялось наблюдение за поведением государственных служащих и казаков с целью выявления в их действиях особенностей, характеризующих сущность современного российского казачества и его взаимоотношений с государственными органами, общественными объедине-

ниями и между членами казачьих обществ, а также экспертные и выборочные опросы казачьих лидеров и государственных служащих.

Многолетнее включенное наблюдение за процессом формирования и социально-политической институционализации казачьих обществ, попытками организации их государственной и иной службы позволило подобрать группу экспертов, чье мнение в значительной степени отражает состояние группового сознания членов казачьей социальной общности, государственных служащих и других социальных групп, непосредственно или опосредованно связанных с движением за возрождение российского казачества.

Изучение большого объема информации о социально-политической деятельности казачества, содержащейся в монографической научной литературе, федеральных и местных изданиях, потребовало применения традиционного, контент-анализа и других методов анализа документов.

Для выявления закономерностей формирования нормативно-правовой базы для процесса возрождения казачества и ее влияния на состояние института российского казачества и тенденций его развития использовались методы юридических наук. Они упорядочили изучение более 250 документов федеральных и региональных органов государственной власти, а также многочисленных документов казачьих обществ, изданных за период 1990-х гг. – 2003 г. Для получения из них необходимой информации применялись специфические методы правового анализа, которые достаточно подробно описаны в учебной и научной литературе.¹

При исследовании государственно-правовых основ социально-политической институционализации казачества выделялись внутренние и

¹ См., например, Витушко В.А. Общенаучная методология в цивилистике // Российское право. - 2000. - №3. - С. 54-60; Исаков Правовые акты: общетеоретические аспекты исследования // Правоведение. - 2002. - № 3. - С. 16-28; Ломовский В.Д. О методе конституционного регулирования // Журнал рос. права. - 1998. - № 4-5. - С. 91-98; Назаренко Г. Методология правоупонания // Уголовное право. - 2002. - №4. - С. 93-94; Пелипенко А.А. Методология анализа и проблемы российской государственности // Общ. науки и современность. - 2000. - № 5. - С. 104-110 и др.

внешние факторы, влияющие на создание и деятельность организационно-политического механизма изучаемого процесса. Дифференциация факторов позволила определить влияние на социально-политическую институционализацию казачества внутренних (зависят непосредственно от членов казачьей социальной общности) и внешних воздействий, обусловленных политико-правовыми, экономическими, этническими, внешнеполитическими и другими факторами, созданными государством и другими, неказачьими, социально-политическими институтами и общественными формированиями.

Выработка концептуальных оснований исследования процесса социально-политической институционализации казачества предопределила стратегию и тактику комплексного анализа казачьей социальной общности, процесса ее организации и развития как социально-политического института.

Полученные знания соответствуют теориям «среднего уровня», методологические принципы которых разработал американский социолог Р. Мертон. Эти теории занимают промежуточный уровень между частными, конкретными и общими, всеобщими теориями общественного развития. Смысловая и понятийная наглядность теорий «среднего уровня» обеспечивает их широкое практическое применение в отношении изучаемого процесса социально-политической институционализации российского казачества.

Методы моделирования политических процессов использованы при изучении механизма организационно-политического обеспечения процесса социально-политической институционализации казачьих обществ на Северном Кавказе и в других регионах России, а также при подготовке проекта закона Ставропольского края «О казачестве в Ставропольском крае».

Таким образом, для изучения сущности современного казачества, диагностики его состояния, изучения предпосылок, факторов и тенденций развития обосновано одновременное применение институционального, интеграционного и других теоретико-методологических подходов и парадигм. Поэтому теоретико-методологический подход, используемый в диссертационном исследовании,

получил наименование институционально-интеграционного. Этот подход основан на представлении возрождения казачества историческим процессом институциональной организации казачьих объединений, их адаптации и функционирования в условиях трансформирующегося российского общества.

Реализация институционально-интеграционного подхода в политологическом исследовании современного казачества и процесса его социально-политической институционализации потребовала изучения данных, полученных с применением интеграционной парадигмы исследования генезиса казачества, отбору из всего массива полученной информации содержательно и хронологически связанных исторических фактов, характеризующих политические отношения казачества и Московского, Российского, Советского государств, влияние органов государственной власти на генезис казачества, его участие в политической жизни российского общества.

На основе проведенного в первой главе анализа теоретико-методологических подходов к исследованию современного российского казачества выработана концепция изучения процесса развития современного казачества как социально-политического института.

Процесс развития современного российского казачества, именуемый в политико-правовых документах, научной и публицистической литературе как «возрождение казачества», представляет собой взаимосвязанную деятельность объединений потомственных казаков, органов государственной власти и местного (муниципального) управления, других участников политики, направленную на цели преобразования казачьей социальной общности в социально-политический институт, способный выполнять общественно значимые функции артикуляции, агрегации и реализации запросов граждан, идентифицируемых с современным российским казачеством. Поэтому в исследованиях политических аспектов возрождения российского казачества обосновано применение институционально-интеграционного подхода, который сочетает институ-

циональный, системный, сравнительно-исторический подходы и автохтонную, беглохолопскую, государственно-колонизаторскую и интеграционную парадигмы исследования феномена казачества. Предложенный и реализованный в диссертационном исследовании институционально-интеграционный подход учитывает особенности трансформаций российского казачества из разобщенной социальной общности, сохраняющей этноним «казачество», в социально-политический институт, который утрачивает некоторых институциональные качества в современных условиях.

В диссертационном исследовании методы познания реализовывались в соответствии с имеющимися в распоряжении ученого материальными, техническими, кадровыми и иными ресурсами. Естественно, при их наращивании возможно более масштабное изучение проблем возрождения российского казачества на Северном Кавказе и в других регионах Российской Федерации.

Глава 2. ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КАЗАЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

2.1. Политические аспекты генезиса института казачества в Российской империи и Советском государстве

В результате применения в исследованиях проблем казачества различных теоретико-методологических подходов в научной литературе обнаруживаются разные принципы периодизации генезиса казачества. Например, Е.П. Савельев выделял древний период развития казачества, средний период и период до конца XVIII века.¹ Авторы Энциклопедического словаря товарищества «В.А. и И. Гранать и Ко» в истории казачьих обществ выделили три периода: 1) XVI-XVII вв. (основное занятие - рыбный и охотничий промыслы, поступление на государственную службу за жалование хлебом, деньгами, припасами); 2) XVIII - первые 30 лет XIX в. (организация постоянной казачьей воинской службы России); 3) современное состояние - с 40-х гг. XIX в. (военно-служилый сословный образ жизни).² Такая периодизация учитывала отношение к основному группообразующему роду профессиональной деятельности казаков - воинской службе.

А.А. Гордеев в «Истории казаков»³ обосновал связь периодизации истории казачества с политическими событиями, изменявшими характер отношений российских монархов с казаками. Так, зарождение казачества он относил к периоду Золотой Орды; развитие городского казачества и приобщение вольных казачьих общин Дона, Волги, Яика, Сунжи и Терека к государственной службе

¹ См.: Савельев Е.П. Древняя история казачества. Историческое исследование. - Новочеркасск, 1915; Он же Средняя история казачества. Историческое исследование. - Новочеркасск, 1916.

² См.: Энциклопедический словарь товарищества «В.А. и И. Гранать и Ко». - 7 изд., перераб. / Под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. - М., 1913. - Т. 23. - С. 92-103.

³ См.: Гордеев А.А. История казаков: В 5 кн. - М., 1992.

России – с Иваном Грозным; полное огосударствление вольных казачьих общин – с Петром I; реструктуризацию казачьих войск – с Екатериной II и т.д.

Кроме того, А.А. Гордеев выделял местные, персонифицированные факторы, влиявшие на формирование казачества. Так, в 1576 г. польский король Стефан Баторий организовал службу 6 тыс. днепровских казаков согласно Универсалу (Положению об организации казачьей службы).¹ Этот период в истории днепровских казаков назывался «реестровым» и негативно оценивался российскими историками как пример измены некоторой части казачества России.

Впоследствии отношения днепровских казаков с Россией, Польшей, Турцией и другими государствами неоднократно изменялись в зависимости от условий найма казаков на службу этими государствами. При появлении разногласий по вопросам жалования казаки неоднократно покидали поле боя и переходили из войск одного государства в войска его противников.

Предложенные А.А. Гордеевым критерии периодизации истории казачества в зависимости от личных отношений к нему монархов могут учитываться при исследовании политических аспектов генезиса казачества.

В.П. Таранцов применял другие критерии периодизации истории казачества: ранний (относится к кочевой жизни казаков от античности до X в.), промежуточный (определялось местожительство казачьих общин на Дону, в Предкавказье и т.д.), средний (соответствует военно-служебной оседлости), поздний (связан с поступлением казаков на государеву службу) и современный (с XX в. до наших дней) периоды.² Такая периодизация не имеет четких однотипных качественных и количественных критериев, поэтому в диссертационном исследовании не использовалась.

По мнению О.В. Агафонова, «на формирование и развитие казачества во втором тысячелетии... решающее значение оказали четыре определяющие события: великое переселение народов (1-ый передел Евразии); образование Золотой Орды и религиозный раскол в ней (2-ой передел Евразии); Первая миро-

¹ См.: Там же. - Т. 2. - С. 42-43.

² См.: Таранцов В.П. Особенности политической культуры современного казачества в России // Казачество юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Доклады и сообщения на научно-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 2001. - С. 77-78.

вая и гражданская война в России (3-ий передел Евразии); развал Советского Союза (4-ый передел Евразии)».¹

В свою очередь, авторы научно-справочного издания «Российское казачество» утверждают, что «не установлено точно и время появления казачества. Одни исследователи относят его к концу XIV в., другие – к XVI в., третьи же считают, что казаки или какие-то сходные с ними группы появились в гораздо более раннее время – в X в., а может быть, даже в VI веке».²

Р.Г. Тикиджьян, обобщив мнения участников международной научной конференции «Казачество в истории России» (1993 г.), выделил пять основных периодов генезиса казачества: до конца XVII в. – зарождение и формирование вольного казачества Юга (донское, терское, запорожское³ и др.); конец XVII – установление стабильных служебно-договорных отношений с Россией, превращение казачества в военно-служилое сословие, ограничение автономно-демократических прав и традиций; первая треть XIX в.-1917 г. формирование «служилых» войск на основе «Положения о войске Донском» от 26 мая 1835 г., развитие казачества под жестким административно-государственным прессом, естественное «расказачивание» казачества как феодального сословия; 1917 г.–конец 1980-х гг. – попытка самоорганизации казачества, раскол и политика расказачивания Советской власти; с 1987 г.– начало процесса возрождения или рождения «неоказачества» с перспективой его интеграции.⁴

Такая периодизация соответствует истории Войска Донского, но не учитывает своеобразие истории формирования и развития казачества в других регионах, поэтому не является всеобщей, универсальной.

Применение принципа историзма в интеграционной парадигме генезиса казачества позволило использовать политологические критерии определения содержательно-хронологических этапов процесса формирования и развития ка-

¹ Агафонов О.В. Казачьи войска России во втором тысячелетии. – Киров, 2002. - С. 5.

² Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003. - С. 21.

³ Эту группу казаков правильнее называть днепровскими, часть которых, ушедшая в бесесейные общины для «молодчества», образовывала общины запорожских казаков, которые не имели постоянного состава, изменялись в зависимости от прихода молодежи и ухода в днепровские станицы зрелых казаков, заводивших семьи.

⁴ См.: Тикиджьян Р.Г. Казачество России: история и современность // Социально-политический журнал. - 1994. - № 3-6. - С. 214-215.

зачества. Эти этапы, различаемые по доминирующим политическим факторам, предопределяющим совокупные характеристики казачества в определенных условиях, и ограничены во времени важными политическими событиями.

Очевидно, при изучении генезиса казачества необходимо учитывать особенности формирования на Дону, Тереке и Сунже, Яике «вольного» казачества, которое в официальных документах Московской Руси часто именовалось «воровским», так как практиковало «молодчество» - походы за дуваном (военной добычей) и ясырем (пленниками, в том числе женщинами, взятыми в качестве военной добычи). Так, в популярном издании «Русская старина» за 1825 год утверждалось, что «казаки в первобытном состоянии вели жизнь полудикую, своевольную, почти кочевую и беспрестанно искали приключений или добычи на водах и степях Украины. Составленные из пришельцев разных земель и областей, сии разноплеменные толпы не знали утонченности общежития, жили в шалашах, питались плодами, рыбою и дичиною; все наслаждения полагали в в войне и набегах».¹ Позднее, в начале XX века П. Краснов утверждал, что в вольных общинах «землю казаки не пахали, хлеба не сеяли, а жили добычей, которую брали от татар и турок. От татар же и турок они отбивали себе коней, и оружие, и дорогую материю для одежды, и золото, за которое покупали себе все, что нужно... Жили набегами. Жили войной, жили добычей».²

Но разбой на Шелковом пути и других караванных маршрутах, пролежавших по территории Золотой Орды, стал возможным только после развала и ослабления влияния этого государства, так как до этого караванщики, уплатившие налог Орде, получали гарантированную защиту в соответствии с Ясаком – сводом «Великих законов Чингизхана», нарушения которого карались смертью. Основываясь на косвенных документах, П. Краснов, С. Ауский и другие историки доказывали, что после развала Золотой Орды «вольные» (воровские) казачьи общины занимались не только охраной торговых караванов, но в поисках дувана и ясыря сами нападали на торговые караваны и посольства. Эту гипотезу подтверждают сведения о том, что казаки Приазовья контролировали

¹ Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год / Изд. А. Корниловича. – СПб., 1824. – С. 28.

² Иллюстрированная история казачества / Репринтное изд. – Волгоград, 1994. - С. 11.

караванные пути между народами, населявшими Прикаспий, Приазовье и Причерноморье, а терские и гребенские казачьи общины «переняли» главную торговую артерию Северного Кавказа, пролегавшую через Дербент.¹ На Каспии казаки-мореходы «останавливали персидских купцов и брали от них добычу», а на Яике «казаки сдружились с киргизами и татарами, ходили набегами в далекие азиатские земли, соединялись с донцами в больших походах».²

С жалобами на грабежи казаков к правителям Московской Руси неоднократно обращались правители Турции, Крыма и других государств. Сохранились документальные свидетельства о том, что российские монархи неоднократно отписывались на жалобы правителей соседних государств по этому поводу, сообщая о неподконтрольности им казачьих общин, занимавшихся воровским промыслом.³

На основе материалов исследований А.И. Ригельмана, Е.П. Савельева и других историков можно сделать вывод о том, что до начала XVI в. казаки славянского и тюркского происхождения проживали в степной зоне Предкавказья и Приазовья, вели сходный образ жизни, ассимилировались. Объединение разнородных этнических групп послужило основой для образования гетерогенных казачьих общин, которые были социально открытыми и пополнялись представителями разных этнических групп. Указывая на этническую неоднородность донского казачества, П. Краснов писал, что в низовьях Дона русские пришельцы смешивались с удальцами сары-азманами и татарами, перероднились с остатками древних народов, живших в степи, и имели значительные внешние отличия от других племен. Старожилые низовые казаки (жили в нижнем течении Дона) были преимущественно черноволосыми, стройными, подвижными и веселыми, способными на всякое лихое дело. В них чувствовалось родство с азиатскими народами и греками из древних Танаид.⁴ Верховые казаки, поселившиеся позднее в пойме Дона и его притоков выше городка Раздоры, в боль-

¹ См.: Потто В.А. Два века Терского казачества (1577 – 1801). – Ставрополь, 1991. – С. 31.

² Иллюстрированная история казачества. – Волгоград, 1994. – С. 27.

³ См., например, Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М., 2002. – С. 219, 222 и др.

⁴ См.: Иллюстрированная история казачества. – Волгоград, 1994. – С. 12-13.

шинстве своем имели русские родовые корни и роднились с русскими, бежавшими из Рязанского и других княжеств.¹

В 1518 г. донские казаки заключили с московским великим князем Василием III договор о военном сотрудничестве, и их отношения приобрели военно-договорной характер. К середине XVI в. на Дону заканчивалась политическая самоорганизация казачества: укрепленные городки становились административными центрами своеобразной казачьей республики, состоявшей из казачьих общин, объединявшихся для совместного участия в военных походах, но в остальных вопросах сохранявших относительную автономность. Участвуя в укреплении Московского государства, казаки становились активными участниками политических процессов раздела сфер влияния государств. За участие во взятии Казани царь Иван IV в 1552 г. жаловал донским казакам реку Дон с ее притоками, юридически закрепив имевшиеся в их распоряжении территории.

В то время донское казачество заканчивало административно-территориальную самоорганизацию в Войско Донское, основанное на принципах патриархальной общинно-круговой демократии. Основой казачьего войска служила многочисленная по составу легкая кавалерия. Она обладала высокой боеспособностью и специфическими методами ведения боевых действий.² Кроме того, среди казаков было много искусных мореплавателей, которые часто выходили на Каспийское, Азовское и Черное моря, Волгу, Дон для рыбного промысла и для нападения на торговые и военные корабли противников.

Для укрепления своего влияния на Войско Донское царь Иван IV направил донским атаманам и казакам грамоту от 3 января 1570 г., в которой предписывал им во всех государевых делах подчиняться царскому послу в Царьграде Новосильцеву, а за верную службу обещал казакам жалование. Этот политический акт положил начало трансформации «вольного» казачества в служилое и начало истории службы Войска Донского Московскому царю. Но все же еще до начала XVIII в. казачьи войска, сформированные на основе «вольных» казачьих

¹ См.: Там же.

² Атака казачьей конницы, называемая лавой, является уникальным порядком эффективного ведения боевых действий в конном строю.

общин, сохраняли политическую автономность и при любом разладе с Московским государством оказывали ему вооруженное сопротивление.

С воцарением на Московском престоле Михаила Федоровича Романова (1614 г.)¹ отношения царской администрации с казаками стали взаимовыгодными. Они традиционно осуществлялись через Посольский приказ, как с иностранными государствами.

Очевидно, «вольные» казачьи общины пополнялись за счет миграции разнообразных социальных групп. Спасавшиеся от крепостного гнета и религиозных преследований, «и днем и ночью шли русские люди за линию московских засек и сторожевых башен, шли искать себе боевого счастья на Тихом Дону. И всех Дон принимал, и всем находил место».²

Казаки, спасавшиеся от религиозных преследований Золотой Орды, начиная с XIV в. массово переселились в «русские украинные городки на Днепре, под защиту и на помощь русским и литовским великим князьям, для борьбы с их общим врагом»³. В местах нового поселения казаки поступали на службу в «младшие дружины» (части), которые, по мнению Е.П. Савельева, стали в дальнейшем основой для городского казачества и формирования «Черных клубков» на Днепре, запорожских, рязанских, московских, северских, мещерских и иных казаков, распространенных в то время на Руси. Изгнанные турками из Азова, «старые Азовские казаки» ушли на Днепр и вместе с белгородскими казаками в 1515 г. поступили на службу польскому королю Сигизмунду.⁴

«Из казацких общин, отстоявших свою независимость, на юге России остались лишь одни кубанские черкасы... Как и другие казацкие общины, черкасы удержали до XVII и даже до XVIII в. свою древнюю греческую веру и свой природный славяно-русский язык... В течение пятивековой борьбы с сильным врагом они частью погибли, а частью переселились... на Днепр. Остатки их в семидесятых годах XVIII в. были истреблены чумой».⁵

¹ Казаки оказали решающую помощь семье Романовых в воцарении на Российском Престоле.

² Иллюстрированная история казачества. – Волгоград, 1994. – С. 11.

³ См.: Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М., 2002. – С. 194.

⁴ См.: Там же. – С. 194, 206, 210.

⁵ См.: Там же. – С. 210-211.

В начале XVI века на Яике сформировались общины из казаков славянского происхождения, татар, туркменов, к которым примыкали отдельные персы, шведы, финны, поляки и другие. Яицкие казаки имели постоянные отношения с донскими, волгскими, терскими казаками, участвовали в общих с ними походах за Урал, в Сибирь, на Байкал и Амур.

Численность «вольного» казачества значительно сократили массовые репрессии государства в отношении участников антиправительственных восстаний, проходивших под руководством С. Разина (1667-1671 гг.) и К. Булавина (1705-1709 гг.). Так, при подавлении булавинского восстания из 29 тыс. донского казачьего населения погибло около 23,5 тысяч¹ и «городки по Хопру разорены все до основания... Это случилось в 1714 г.»²

После почти поголовного истребления верхне-донских, хоперских казаков на этой территории усилилась этническая неоднородность населения, целенаправленно формировавшегося царской администрацией за счет переселения ниже-донских казаков, великоросских и малоросских крестьян из южных и центральных губерний, ногайцев и калмыков (в 1770 г. их было причислено к казачеству около 30 тыс. человек), а позднее – казаков Запорожской Сечи и Приднепровья, разгромленных царской администрацией «за неверность» в 1775 г. Вследствие переселенческих процессов общая численность донских казаков к 1822 г. увеличилась до 330 тысяч.³ Такой большой прилив «иностранцев» значительно уменьшил долю автохтонной части в донском казачестве, нарушил антропологическую преемственность. Появление маргиналов-переселенцев среди казаков увеличивало в казачьих общинах долю «приписных» казаков, находившихся в большой зависимости от Российского государства, чем потомственные «вольные» казаки.

Наряду с «вольным», самостоятельно организованным казачеством, в славянских княжествах, в вооруженных силах Московского государства служили городовые казаки. Они составляли особую часть казачества – полковую,

¹ См.: Таболина Т.В. Казачество: формирование правового поля. - М., 2001. - Т. 2. - С. 392.

² См.: Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска, 1696-1896 гг.: Исторический очерк. – Минеральные Воды, 1991. - С. 14.

³ Таболина Т.В. Казачество: формирование правового поля. – М., 2001. - Т.2. - С. 392.

служилую, которая имеет собственную историю формирования и развития. Первые упоминания о городских казаках многие историки относят к правлению московского князя Василия III Темного (1415–1462 гг.)

По мнению В.О. Ключевского, служилое городское казачество было распространено в порубежных (пограничных) княжествах Руси. Оно создавалось для защиты границ и другой военной службы, требующей высокой мобильности и постоянной приближенности к театрам боевых действий.¹

На казачью службу набирались вольные люди из всех сословий, они получали за свою службу земли по статьям, в зависимости от чина и вида деятельности, освобождались со своими семействами от всех податей, а иногда награждались и денежным жалованием. Вооружение и лошадей они должны были приобретать за свой счет. В структуре вооруженных сил формирования городских казаков занимали «младшее» положение по отношению к боярским дружинам.

Городовые казаки Московского государства именовались «беспоместными» (получали денежное и иное довольствие, кроме земельных наделов), а также «поместными» (получали за службу земли и другие угодья – поместья «для прокорма»); «беломестными» (имели «обеленные» - освобожденные от податей земли на верхнем Дону и Ельце).

Станичная и конно-разведывательная служба ценилась высоко, и за нее казаки жаловались деньгами и поместьями. Но более привлекательной для казаков была возможность получения военной добычи, и казаки стремились к службе в конной разведке, совершавшей глубокие рейды на сопредельные территории. Разъезды казаков из Путивля, например, достигали Днепра (современные территории Днепропетровской, Донецкой, Луганской областей Украины), из тульских крепостей казаки направлялись на Муравский шлях (шел от Перекопа до Тулы по водоразделам бассейнов Днепра и Северского Донца, по территории нынешних Харьковской и Полтавской областей Украины; по нему до XVI в. татары, минуя речные переправы, совершали набеги на Русь)², рязан-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. - М., 1998. - Т. IV-VI. - С. 383.

² См.: См.: Гордеев А.А. История казаков: В 5 кн. - М., 1992. - Т. 2. - С. 41.

ские казаки достигали Северского Донца, а мещерские служилые казаки спу-
скались вниз по Дону до волжской переволоки.¹

В местах своего сторожевого размещения казаки организовывали станы –
станции. Они укреплялись, закладывая основы новых защищенных рубежей, с
которых шло дальнейшее продвижение российского государства на новые тер-
ритории для их военно-экономической колонизации:

Наибольшее развитие городское казачество получило в Рязанском кня-
жестве, южные границы которого часто подвергалось нападениям ордынцев.²
Рязанские казаки упоминались среди участников битвы с татарским царевичем
Мустафой в 1444 г.

Казаки в конце XVI – начале XVII в. проживали и несли службу в горо-
дах Нижний Новгород, Муром, Рязань, Мещера, Кашира, Тула, Серпухов, Зве-
нигород. Городовые казаки составляли основу гарнизонов передовой линии го-
родов Алатырь, Темников, Кадом, Шацк, Ряжек, Данков, Епифань, Пронск, Де-
дилов, Новосиль, Мценск, Новгород-Северский, Рыльск, Сапожек, Путивль. С
этой линии оборонительных городов высылались казачьи дозоры до Азова.

После присоединения к Московскому государству Астрахани (1556 г.)
пограничная линия переместилась на юг. Для ее укрепления и защиты строи-
лись новые города-крепости Ливны, Воронеж, Белгород, Елец, Оскол, Валуйки,
Кромы, Борисов, Лебедянь, Курск. Основу военных гарнизонов некоторых го-
родов этой оборонительной линии составляли городские казаки. Так, в 1625 г.
в Белгородском гарнизоне из 490 военнослужащих казаками были 326 человек,
в 1638 г. в крепости Усерд служило 105 городских казаков из 346 военнослу-
жащих гарнизона, а в Воскресенске из 295 военнослужащих гарнизона было 78
казаков.³

Для установления единого порядка в организации службы казаков в 1571
г. по проекту князя М.И. Воротынского издавался боярский приговор (указ) о

¹ См.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. – М., 1993. - Кн. 4. - С. 28.

² Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. - М., 1989. - Т. IV–VI. - С. 383.

³ См.: Заключение по вопросу исторической преемственности современного Центрального казачьего войска с казачеством, проживавшим и служившим в центральной части Российского государства // Текущий архив Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. - 2002 г.

станичной и сторожевой службе казаков. Он выделял в казачестве группы городских, полковых, сторожевых и станичных казаков. Для координации служебной деятельности городских казаков созданные из них формирования передавались в ведение Стрелецкого приказа на правах стрелецких полков. Упорядочивались условия получения казаками денежного содержания или поместий «для прокорма» в зависимости от рода выполнявшейся службы.¹

Городовые (полковые) казаки выполняли военно-колонизаторские функции на Урале, в Сибири, на Байкале, Амуре, где являлись основой или важной составной частью «служилых» казачьих войск. Так, в структуре Енисейского казачьего войска, ведущего историю с 1607 г., выделялись городовые казаки, которые несли полковую службу вне местожительства, и станичные, служившие при станицах.

До начала XVIII в. «вольные» и городовые части казачества были различными не только по природе происхождения, но и по отношениям с государством. Так, «вольные» казачьи общины имели с государством договорные отношения, осуществлявшиеся через Посольский приказ как с иностранным государством, а городовые казаки были составной частью государственных вооруженных сил и находились в полном подчинении Стрелецкого приказа.

Огосударствление «вольных» казаков и формирование верных Российскому государству казачьих войск происходило по двум основным направлениям: 1) привлечение «вольных» казачьих общин к государственной службе за денежное, продовольственное и иное вознаграждение и репрессивное уничтожение участников «бунтов» противников подчинения государству; 2) перевод в казачество экономических колонизаторов независимо от их происхождения.

Царская администрация использовала полковых казаков для усмирения и подчинения «вольных» казачьих общин. Известен факт столкновения служилых казаков Изюмского полка и верхне-донских казаков под командованием атамана К. Булавина из-за Бахмутских соляных варниц. Следствием этого конфликта стало восстание казаков под предводительством К. Булавина (1705-1709 гг.), подавленное армией с особой жестокостью.

¹ См.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. – М., 1993. - Кн. 4. - С. 26-27.

С выходом Российского государства на линию Дона и Терека снизилась надобность в городских казаках, служивших в гарнизонах, внутренних городов, и их части были реорганизованы в регулярные кавалерийские, пехотные и артиллерийские полки.

Усиление государственной власти в начале XVIII в. сопровождалось наступлением на «вольных» казаков, оказавшихся на территориях, колонизированных Московским государством. Активная колонизация Северного Кавказа, начатая в XVIII в., потребовала усиления вооруженных сил местным ополчением, которое имело мобильные отряды легкой кавалерии в форме «вольных» казачьих войск. Для их привлечения к регулярной государственной службе в марте 1721 г. Петр I подписал указ о подчинении «вольных» казачьих войск Военной коллегии. Этот документ фиксировал изменение характера отношений царской администрации и казачьих общин с договорного на соподчиненный.

С 1786 г. под руководством царской администрации казачьи части, находившиеся на первой линии обороны новых границ в стратегически важных пунктах «Кавказской линии казаков», пополнялись казаками из других «внутренних» войск и переселенцами.

Казаки из внутренних областей Империи целенаправленно переселялись на южные рубежи России для формирования Кавказской линии поселенных казаков, которая состояла из отдельных укрепленных станиц, расположенных между опорными крепостями.

В условиях того времени пополнение казачьих войск не могло обеспечиваться только за счет естественного прироста славянского населения. Для восстановления боеспособной численности казачьих войск использовались оказанные (приписанные к казачьим войскам и переведенные в казачье сословие) государственные крестьяне-переселенцы и другие этно-социальные группы населения, которых «природные» казаки, являвшиеся прямыми потомками «вольных» казаков, называли «иногородцами». Но эти разные по природе происхождения группы казаков компактно проживали и несли службу совместно, поэтому сближались, ассимилировались, формируя устойчивую социально-

поселенческую общность, выполнявшую функции политического института Российского государства.

Организованное правительством пополнение казачьих общин «иногородцами» было объективно необходимо, во-первых, для пополнения численности казачьих войск, истощенных мором (чума, холера и другие болезни), обескровленных боевыми действиями против «неверных», «немирных» (не принявших российское подданство или не соблюдавших российские законы) горцев, Турции и других противников; во-вторых, для расширения социальной базы верных России подданных, находящихся у нее на службе; в третьих, - для нарушения исторически сложившихся факторов самоорганизации казаков в «вольные» общины, которые при случае могли выражать неповиновение государственной администрации. В свою очередь, приписанные к войскам переселенцы – «новые» казаки - были маргиналами в казачестве, следовательно, оказались в большой зависимости от государственной администрации, которой подчинялись для сохранения и укрепления своего благополучного положения в социальной структуре казачества.

Благодаря этому с начала XVIII в. прекратился естественно-стихийный этногенез казачества и под доминирующим организационно-политическим воздействием Московской Руси, Российской империи казачество трансформировалось в социально-политический институт, выполнявший делегированные царской администрацией функции государственной власти на территориях, закрепленных за поселенными казачьими войсками.

Казачьи войска в других регионах, например Сибирское, Оренбургское, Забайкальское изначально формировались как многонациональные. К казакам причислялись не только служилые люди, но и экономические переселенцы, «пашенные крестьяне», а также «гулящие люди», ссыльные участники бунтов и другие преступники.

Все подданные Российского престола, причисленные к казачьим войскам, должны были нести одинаковые воинские и иные повинности. Но в действительности происходила дифференциация даже среди новообращенных казаков. Как отмечал С. Писарев, «русские поселяне быстро превращались в служилых

казаков, потому что еще до этого были обстреляны, но иногородний элемент, как не считали его «обычным в войске», не был так податлив на несение линейной казачьей службы. В связи с обращением горской команды в состав полка были зачислены и многие семейства осетин и адыгов, живших в Моздоке без всякой службы под именем «моздокских казачьих братьев» (как бы старых подсосудков); но этих братьев никакая правительственная сила не могла заставить побрататься с казаками и служить их службу», а по наблюдениям И.Д. Попко, из приписанных к казачеству крещеных калмыков «кроме калмыков, ничего больше не вышло».

Видимо, различия между старожилыми казаками¹ и приписным пополнением были столь значительными, что в обыденном сознании и поведении четко прослеживалось деление на «природных» казаков и казаков из числа «иногородцев» - переселенцев-крестьян, отставных солдат и «инородцев». В свою очередь, иногородние казаки делились на «старожилов», проживших не менее двух поколений на казачьих землях, и «пришлых», новопоселенных на землях, отведенных во владение и пользование казачьих войск. Эти противоречия имели и экономические причины: увеличение численности казачьих общин «иногородцами» требовало перераспределения пашни, сенокосов и иных общинных ресурсов в сторону их уменьшения. Это ухудшало экономическое положение старожилов казаков, которые выступали против поселения в их станицы нового пополнения. Так, когда в 1847-1849 гг. в станицы Гребенского полка хотели подселить «шаповалов» - казаков и крестьян, переведенных на Кавказскую линию из малороссийских губерний для пополнения казачьих частей, казаки станицы Червленной взбунтовались, отказались их принять под предлогом недостатка пахотных земель в станичном юрте. Но из-за постоянных боевых действий казачьи полки несли невосполнимые потери и теряли боеспособность, ну-

¹ Понятие «старожилов» использовалось для обозначения и иногороднего невойскового населения, проживавшего в казачьих станицах более двух поколений. В 1917-1920 гг. старожилые иногородцы считались полноправными гражданами Донской и Кубанской казачьих республик, а «новопришлые» жители, жившие менее двух поколений в казачьих станицах, были ограничены в правах.

ждались в пополнении, поэтому переселенцам выделялись земли из войскового резерва для строительства новых станиц.¹

Условия службы казаков были настолько трудными, что после отмены крепостного права добровольное вступление невойскового населения в казачьи общины практически прекратилось, и станичные общины оставались закрытыми сообществами, жившими по патриархально-общинным традициям обычного права. До конца 60-х гг. XIX в. лица неказачьего сословия не имели права свободно поселяться в казачьих станицах, приобретать недвижимую собственность на войсковых землях.

Искусственные меры закрытости казачьих общин сдерживали объективные миграционные и ассимиляционные процессы, поэтому доля неассимилированных «приписных» казаков в структуре казачьего сословия не могла быть значительной. Это способствовало формированию более однородной и устойчиво идентифицируемой по месту жительства, роду профессиональной деятельности и культурным признакам казачьей социальной общности.

В XVIII-XIX вв. продолжалось огосударствление «вольных» общин донских, гребенских, терских, сибирских и других казаков. Их формирования пополнялись другими оказаченными (переведенными в казачье сословие) служилыми людьми, крестьянами и другими переселенцами. На Кавказской линии казачьи войска пополнялись и отдельными группами горцев. В частности, в 1765 г. в Моздоке была сформирована горская команда из 200 осетин и кабардинцев, которые образовали общество, названное «Моздокская казачья братия», в 1777 г. к Моздокскому полку приписывалось 200 кибиток (семей) крещеных калмыков, в 1824 г. при формировании Горского полка из донских казаков станицы Луковской и волжских казаков станицы Екатериноградской к нему причислялись жители двух осетинских и четырех русских гражданских селений, а также «казачья братия» из Моздока.²

¹ См.: Бондарев В.П., Масалов А.Г. Терское казачье войско: из века в век: 1577-2003 гг. – Ставрополь, 2003. – С. 32.

² См.: Голованова С.А. «Иногородцы» в этнокультурном пространстве казаков Терека // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы всеросс. науч. конф. 11-14 сентября 2001 г.: В 2 ч. – М., Ставрополь, 2001. – Ч. 2. – С. 206.

Целенаправленное формирование казачьих войск осуществлялось и в других регионах. Так, «вольные» сибирские казаки начали служить Московскому государству в 1582 г., а яицкие (уральские) казаки были «огосударствлены» в 1591 г. Волжское войско было сформировано на Нижней Волге в 1733 г. и после изменения южных границ переводилось на новые места службы для пополнения Кавказского линейного казачьего войска и формирования Астраханского войска. В 1755 г. создавалось Оренбургское казачье войско для защиты восточных и юго-восточных границ Империи. Для обороны Новороссии князь Потемкин в 1783 г. сформировал Черноморское казачье войско из «верных» запорожских казаков. В 1792 г. черноморские казаки переселялись на Кубань и в 1860 г. стали основой для Кубанского казачьего войска. В 1829 г. было образовано Азовское войско из задунайских казаков Малороссии, в 1858 г. – Амурское казачье войско, в 1867 г. – Семиреченское казачье войско и т.д.¹

Полное огосударствление «вольного» казачества закончилось в 1721 г. передачей казачьих войск в ведение Военной коллегии, что указывало на радикальное изменение характера отношений казачества с царской администрацией – с добровольно-договорных на государственно-зависимые, служилые.

В 1723 г. были упразднены выборные войсковые атаманы, которых заменили наказные атаманы, назначаемые в войска и полки государством. В этом же году казаков стали официально именовать военно-служилым народом, а с 1835 г. - военным сословием.

Государственно-правовое оформление сословного статуса казачества привело к полному лишению его патриархальных «вольностей» посредством юридического закрепления пожизненных, наследуемых по мужской линии обязанностей воинской службы в закрытых казачьих общинах. Так в 1835 г. заканчивалось государственно-правовое оформление казачества в качестве особого социально-политического института. С его помощью государство своеобразно закабаляло население, проживавшее преимущественно в приграничных зонах и вынужденное в целях самозащиты своих поселений добросовестно вы-

¹ См.: Энциклопедический словарь товарищества «В.А. и И. Гранат и Ко». - М., 1913. - Т. 23. - С. 95-103.

полнять разведывательно-дозорные, пограничные, кордонные и прочие военные задачи в условиях постоянного соприкосновения с реальным или потенциальным противником.

Сословно-общинная форма организации казачества связывала всех зачисленных в казаки мужчин обязанностями специфической казачьей государственной службы, давая в качестве компенсации за нее «для прокорма» природопользовательные, налоговые и некоторые другие льготы. Эти «привилегии» казачество уже имело в «вольных» общинах до поступления на государственную службу, но в новых политических условиях должно было их «отрабатывать» верной службой. Однако полученные «льготы» казаки не могли использовать в полной мере из-за постоянной занятости службой. В начале XVIII в. на воинской службе находились все казаки-мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, кроме калек и слабоумных. Казаку полагалось служить 30 лет, а офицеру – 25 лет. На службу казаки являлись на строевых лошадях, в полном снаряжении, с личным холодным оружием, приобретенными за свой счет. Кроме кавалерии, казаки формировали пограничную, карантинную стражу, артиллерийские и другие команды.

В 1835 г. вводился ротационный порядок организации службы, а в 1858 г. общие сроки службы казаков уменьшились до 25 лет. С окончанием Кавказской войны потребность в казачьих полках уменьшалась, и в 1863 г. общие сроки службы сокращались до 22 лет.

Экстенсивный принцип всеобщей службы казаков исчерпал ресурсы их использования для роста боеготовности вооруженных сил России. Поэтому по предложению военного министра Д.А. Милютина готовилась реформа воинской службы и перевода казачества в «регулярное состояние», учитывавшая преимущества всеобщей воинской повинности, обеспечивавшей эффективную мобилизационную систему Германии в ходе франко-прусской войны (1870-1871 гг.). Идеи такого своеобразного расказачивания не были реализованы, хотя на казаков согласно «Уставу о воинской повинности Донского казачьего войска» (1875 г.) распространялось действие закона «О всеобщей воинской по-

винности».¹ Также сокращался общий срок службы казаков до 20 лет и вводился новый норматив ротации офицеров и казаков на службе и «льготе».

Ротационный принцип организации службы позволил сохранить высокую мобилизационную готовность казачьих войск при одновременном увеличении доли мужчин, получивших «льготу» от полковой службы. Поэтому у казаков появилась возможность более полного использования имевшихся привилегий природопользования и землевладения. «Шире пошло хозяйство благодаря свободе большинства мужских рук; с большим успехом стали развиваться земледелие и скотоводство и вообще улучшаться быт казачьего населения и в материальном, и в нравственном отношениях»².

Но даже при указанном сокращении сроков службы ее несением занималась часть казаков, несоизмеримо большая по сравнению с другими социальными группами. Так, в 1901 г. из 3144 тыс. человек войскового сословия (2,4% от общей численности населения Империи) непосредственно на службе находилось 3% казаков и офицеров, а из всего остального населения Империи - 120 млн. человек - служил только 1%.³ Продолжительность службы и ее условия для других групп населения согласно закону «О всеобщей воинской повинности» также были более выгодными.

Кроме того, действовали сословные ограничения прав казаков на свободный выход из станичных общин и изменение местожительства, получение гражданского образования и профессий. Только в 1866 г. казакам, состоящим в неслужилом разряде, было разрешено без выхода из казачьего сословия выезжать из станиц для занятий научной, административной и иной деятельностью.

Привилегии и льготы казаков не использовались в полной мере. Из-за постоянной занятости иррегулярной воинской службой в начале XX в. на территории области Войска Донского, например, казаки самостоятельно обрабаты-

¹ См.: Полное собрание законодательства: Собр. второе. - Т. XLIX. Отд. первое. - № 52983; Рукосуев Е.Ю. Казачество: права и обязанности сословия // Вопросы истории. - 1998. - № 5. - С. 141.

² Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696-1896 гг.) / Составил того же полка подьесаул В. Толстов / Репринтное изд. - Ставрополь, 1992. - С. 28.

³ См.: Рукосуев Е.Ю. Казачество: права и обязанности сословия // Вопросы истории. - 1998. - № 5. - С. 142.

ли только 56% паевых земельных участков, а остальные земли сдавали в аренду домовитым, зажиточным казакам и «иногородцам». С ростом численности населения, проживавшего на войсковых территориях, и развитием промышленности в казачьих областях сокращались земельные пай казаков в станичных юртах, что приводило к увеличению числа казаков, неспособных самостоятельно снарядиться на службу. Так в Астраханском войске, например, 35% казаков, выходявших на полковую службу, снаряжались за счет станичных ссуд.¹ Аналогичным было положение и в других казачьих областях.

В начале XX в. казачество представляло собой гетерогенное полупривилегированное военно-служилое сословие. Такой социальный состав и статус казаков были обусловлены исторически сложившейся в предшествующие годы спецификой их профессиональной военно-служилой деятельности. Казачество вобрало в себя многие социальные компоненты, выполнявшие аналогичные государственные и общественные функции, и интегрировало, ассимилировало материальную и духовную культуру других народов, части которых на разных этапах пополняли его. Наличие в социальной структуре казачества представителей неславянских народов, неправославных конфессий и лиц, освобожденных от воинской службы, не было значительным и не нарушало славянскую, православную, военно-служилую доминанты, которые закреплялись казачьей культурой и специфической общинной формой казачьего социального контроля. Особенности военно-служилой жизнедеятельности казаков способствовали формированию у них специфической культуры и менталитета, особого уклада жизни.²

Разработка и внедрение в практику новых видов вооружений, особенно мобильной дальнобойной артиллерии, автоматического оружия, авиации, автомобилей и бронетехники в начале XX в. радикально изменили военно-тактическое значение легкой кавалерии. Вследствие этого уменьшались по-

¹ См.: Там же.

² См. об этом также: Заключение ведущих специалистов Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая Российской академии наук П.И. Пучкова, И.В. Власовой, Т.В. Таболиной по вопросу о донских казаках // Таболина Т.В. Казачество: формирование правового поля. – М., 2001. – Т. 2. – С. 392

требности государства в казачьих войсках, и правительство приняло меры для их сокращения. С мая 1909 г. срок службы казаков сокращался до 18 лет, и в мирное время в полках находилось только 10% казаков призывного возраста.

В русско-японской войне казачьи кавалерийские части использовались мало из-за ландшафтных особенностей театра боевых действий. Поэтому в начале XX века создавались объективные предпосылки радикального реформирования казачьей службы, экономических основ жизнедеятельности казачьих общин. Но они не были реализованы из-за начавшейся Первой мировой войны, в которой казачьи войска активно участвовали с первых дней. Казачье население, насчитывавшее 4434 тыс. человек обоего пола (2,6% от общей численности населения Империи), мобилизовало в действующую армию 363 тыс. казаков призывного возраста (более 8% от общей численности казачьего сословия). Только в 1914 г. на службу призывалась 221 тыс. казаков, из которых 195 тыс. казаков и казачьих офицеров сразу же направлялись на фронт как наиболее подготовленные для боевых действий. Из служилых казаков первой очереди было сформировано 54 полка, в том числе: гвардейских – 3, донских – 17, оренбургских – 6, уральских – 3, кубанских – 11, забайкальских – 4, терских – 4, сибирских – 3, астраханских – 1, семиреченских – 1, амурских – 1. Впоследствии из казаков второй очереди сформировались 9 казачьих дивизий, а из казаков третьей очереди – 2 казачьи дивизии.

Таким образом, казачество, имевшее двойственную природу происхождения – служилую и «вольную», - претерпело значительные сущностные изменения под управляющим воздействием царской администрации в Московской Руси и Российской империи. Пополнение казачьих общин разнородными социальными элементами изменяло антропологические черты «вольного» казачества, особенности автохтонных генотипов.

В Российской империи казачество являлось объектом государственно-правового регулирования и управлялось царской администрацией на основе законодательства, нормативно-правовых актов органов государственного управления и местного казачьего самоуправления.

Административное управление Российского государства охватывало своим влиянием все сферы жизнедеятельности казачества: предметами государственно-правового управления являлась иррегулярная воинская служба, военное и гражданское управление областями казачьих войск и местное патриархальное общинно-круговое демократическое самоуправление, специфическая казачья экономика (сочетала общинные и частнособственнические формы землевладения и землепользования), духовная сфера. Но значительный объем социальных отношений в казачьих обществах оставался предметом их корпоративного нормотворчества, обычного права и корпоративного самоконтроля, которые имели как официальные, формальные, так и неформальные патриархальные социальные нормы, выработанные и закреплённые казачьей культурой.

Большая часть казачьих формирований выполняла военно-экономические функции колонизации новых территорий, их защиты от внешних и внутренних врагов. Для пополнения казачьих формирований использовались методы добровольного и принудительного причисления подданных Российской монархии к казачьему сословию, оказачивания гражданского населения и расказачивания, независимо от этнической принадлежности и вероисповедания.

В начале XX в. в России имелось 11 казачьих войск, к которым было приписано более 3,9 млн. казаков и членов их семей¹, а к 1917 г. численность войскового населения (казаков) увеличилась до 4,4 млн. человек. Казаками, в основном, формировалась легкая кавалерия, в которой казачьи части составляли в мирное время 45%, а в военное – 75%.²

Российское казачество представляло собой гетерогенную полиэтничную социальную общность с доминирующим славянским, великоросским компонентом. Поэтому сохранялась славяно-русская сущность казачества.³

Основным системообразующим фактором казачества являлась специфическая многолетняя иррегулярная казачья служба. Принадлежность к казачеству

¹ См.: Энциклопедический словарь товарищества «В.А. и И. Гранать и Ко». - М., 1913. - Т. 23. - С. 100.

² См.: Там же. - С. 622.

³ См.: Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003. – С. 23.

ву закреплялась сословными обязанностями и льготами, обеспечивалась казачьими общинами.

Казачество имело административно закрепленные места компактного проживания и несения службы в форме областей казачьих войск и округов, в которых оно обеспечивало военное и гражданское управление.

Несоответствие социально-экономического положения казаков объективным процессам модернизации российского общества, его экономики, армии и других сфер общественной жизни заставляло представителей казачества во всех четырех составах дореволюционной Государственной думы добиваться изменения условий службы и жизнедеятельности казачества. Попытки реализации таких намерений предпринимались в марте-октябре 1917 года.

Однако вопрос о сущностных изменениях казачества с начала XX века до настоящего времени также остается малоизученным. Как отмечалось на Международной научной конференции «Казачество в истории России» (1993 г.), «казачество начала XX века представляло очень сложное развивающееся этносоциальное и культурное явление, которое было мало понято не только политиками и обывателями, но и учеными того времени»¹.

Важнейшими событиями начала XX века, кардинально изменившими условия жизнедеятельности казачества, стали Февральская и Октябрьская революции 1917 года. Они вызвали скачкообразные радикальные трансформации в социетальной системе российского общества. Казачья социальная общность, являющаяся его составной частью, была детерминирована макрополитическими, экономическими, социальными и духовными факторами трансформации российского общества. Эти факторы имели объективный характер, так как в начале XX века системообразующие условия сословно-служилого образа жизни и общинного ведения хозяйства вступали в противоречия с реальным состоянием экономики, вооруженных сил, науки, образования и других отраслей общественной жизни, сдерживали их развитие в областях компактного проживания казаков. Льготы по налогообложению казаков не компенсировали их за-

¹ Тикиджьян Р.Г. Казачество России: история и современность // Социально-политический журнал. - 1994. - № 3-6. - С. 217.

траты на приобретение обмундирования и вооружения, содержание строевых лошадей, которых нельзя было использовать в качестве рабочего скота. Казаки продолжали нести долговременную 18-летнюю воинскую службу, регулярно призывались на лагерные сборы, выполняли различные войсковые и станичные обязанности. Они были ограничены в правах выхода из станичных общин, перемены местожительства и выбора рода занятий.

Казачество было неоднородным. Оно дифференцировалось по признакам принадлежности к казачьим войскам, этничности и вероисповеданию, уровню культуры. Образовательный уровень войскового населения был низким. Например, в 1910 г. только 47% казаков Терской области умело читать и писать.

Но более значительной была дифференциация казачества по имущественным признакам. Она практически полностью соответствовала стратификации по «чиновному» признаку, так как действовали неравные условия распределения войсковых земельных и иных угодий между казачьими офицерами, войсковыми чиновниками и рядовыми казаками: земельные паи рядовых казаков были в 5-10 раз меньше поместий офицеров, имели меньшую ценность и были менее доходными. В Терском казачьем войске из-за недостатка пахотных земель некоторые казаки получали пахотные земли и иные угодья на удалении до 70 верст от станиц, что было экономически невыгодным.

Казачество использовалось как силовой институт государственной внутренней политики. Так, в 1905-1906 гг. казаки второй очереди были мобилизованы для борьбы с революционными выступлениями, охраны общественного порядка, административных учреждений, промышленных предприятий, помещичьих усадеб и других объектов. Для выполнения этих функций от всех казачьих войск выставлялось 45 полков и 60 сотен.¹ Вынужденные пресекать массовые беспорядки, провоцируемые революционерами, казаки стали идентифицироваться с государственным репрессивным аппаратом и получили порочащие их прозвища «сатрапов царизма», «нагаечников» и т.п., которые использовались революционерами, а впоследствии и советскими идеологами для обоснования репрессий в отношении казачества. В годы гражданской войны Л.

¹ См.: Ауский С. Казаки. Особое сословие. – М. - СПб., 2002. - С. 11.

Троцкий доказывал, что «у казачества нет заслуг перед русским народом и государством. У казачества есть лишь заслуги перед темными силами русизма. По своей боевой подготовке казачество не отличалось способностями к полезным боевым действиям.... Стомиллионный российский пролетариат не имеет никакого нравственного права применить к Дону великодушие... Дон необходимо обезлошадить, обезоружить и обезнагаить. На всех них революционное племя должно навести страх, ужас, и они, как евангельские свиньи, должны быть сброшены в Черное море!».¹

Недовольство казаков их социальным, политическим, экономическим положением использовалось революционными партиями для антисамодержавной пропаганды. Под влиянием идеологов реформации среди казаков распространялись идеи «расказачивания», которые предполагали отмену долговременной казачьей службы и равенство воинской повинности с другими группами населения, распределение воинских земель и иных угодий среди казаков в постоянное пользование, свободу выхода из казачьего сословия и т.п.

Первая мировая война обострила социально-экономические противоречия в казачестве. В результате массовой мобилизации казаков на войну многие семьи остались без мужчин и не могли обрабатывать свои земельные участки. В 1916 г. из общего количества казаков, получивших наделы в станичных юртах, «отсутствующими» (не обрабатывавшими земли более 3-х лет) числилось 12% казаков, а более 21,4% сдавали земли в аренду невоинскому населению или неслужилым казакам. Около 17 % казаков вынуждены были батрачить из-за отсутствия рабочего скота, инвентаря и по другим причинам.

В ходе Первой мировой войны казачьи части, составлявшие 75% кавалерии вооруженных сил России, не смогли эффективно противостоять тяжелой коннице противника и действовать против танков, авиации, пулеметов и т.п. нового вооружения. Поэтому казачьи части спешили для выполнения пехотных задач. Отлучение казаков от личных строевых лошадей, отводимых в ближние тылы действующей армии, нарушало вековые традиции казачьей кавалерийской службы. Кроме того, ведя окопные позиционные бои, казачьи час-

¹ Цит. по: Смольняков А., Касперский Э. Расказачивание // Казачий Терек. - 1999. - № 1.

ти испытывали недостатки в боеприпасах, обмундировании, продовольственном и ином снабжении. Эти обстоятельства также вызывали негативное отношение казаков к командованию и правительству. Поэтому казаки на фронте и в тылу с одобрением восприняли Февральскую революцию.

С отречением Николая II от Престола закончилась многовековая служба казаков Российской империи, продолжавшаяся с 1570 г. С февраля 1917 года начался новый этап истории казачества.

В революциях 1917 г. и последующей Гражданской войне решался основной вопрос – вопрос о праве землевладения. Большинство казаков были чужды интересам как дворянства, имевшего большие поместья и создававшего «белое» движение для восстановления монархии и власти земельной аристократии, так и пролетариата, от имени которого большевики добивались ликвидации частной собственности на землю и ее передела. Поэтому казаки, имевшие земли и другие природные ресурсы в общинно-станичном и войсковом пользовании, хотели получить ее в частное пользование и поддерживали организацию демократических республик на территориях казачьих областей и округов в составе России.

Противниками казаков в вопросе о земле было невойсковое население (иногородцы и горцы), которое претендовало на равномерное перераспределение войсковых и станичных земель между всеми сельскими жителями. По этой причине они поддерживали любые политические силы, обещавшие распределить казачьи земли в их пользу. Этот фактор значительно усложнял положение казаков, проживавших в полиэтничном и поликонфессиональном социальном окружении. Так, в Терской области казаки и члены их семей составляли 18,2 % от общей численности населения и из-за своей малочисленности не могли только своими силами оказывать эффективное противодействие иногородцам и горцам, враждебно настроенным по отношению к ним. Для решения проблем долговременной обороны казачьи формирования опирались на гарнизоны крепостей и других военных опорных пунктов, имевших многочисленные хорошо вооруженные воинские части.

После Февральской революции большая часть казачества занимала выжидательную позицию, пыталась самостоятельно решать проблемы организации демократической власти в казачьих областях в соответствии с постановлением Временного правительства от 4 марта 1917 г. «О возложении обязанностей губернаторов и уездных исправников на председателей губернских и уездных земских управ и сохранении на местах старого административного аппарата».¹ Поэтому в казачьих областях продолжали действовать органы военного и гражданского управления, учрежденные еще Российской империей, что обеспечивало преемственность государственного и местного управления.

Для объединения сил всех казаков предпринимались попытки создания единой общероссийской казачьей организации. 23-27 марта 1917 г. в Петрограде проводился Общеказачий съезд. Он избрал Временный Совет Союза казачьих войск. В условиях нарастающего политического кризиса Временный Совет оказался настолько эффективным органом решения казачьих проблем, что 1-13 июня 1917 г. в Петрограде был проведен II-ой Общеказачий съезд для формирования постоянного общероссийского казачьего органа. Новый Совет Союза казачьих войск был признан единственной казачьей общественно-политической организацией, решения которой должны были неукоснительно исполняться всеми казаками. Съезд признал законность Временного правительства, выступил за сохранение целостности России и за войну с Германией до победного конца.

Совет Союза казаков добивался улучшения материально-технического, продовольственного и иного снабжения казачьих частей, находившихся на фронте, увеличения компенсационных выплат казакам за погибших лошадей и за пришедшую в негодность форменную одежду и амуницию.

С марта 1917 г. в казачьих областях создавались новые органы казачьего управления, восстанавливалась практика выборов войсковых атаманов из числа потомственных казаков, что было запрещено казакам с 1723 года.

¹ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы. – М., 1977. – С. 422.

Так, 14-17 марта 1917 г. в г. Владикавказе проводился Большой круг Терского казачьего войска, который избрал войсковым атаманом и председателем войскового правительства известного общественного и политического деятеля депутата Государственной думы, историографа казачества, подьесаула М. А. Караулова.¹

Терская область отличалась многонациональным составом населения и относительной малочисленностью казаков. С 1914 г. на территории области оставалось незначительное количество служилых казаков, так как их большая часть находилась на фронте или на внутренней службе. Поэтому казачество пошло на союз с иногородцами, которые дифференцировались на старожилов и новопришлых, ограниченных в выборных и иных правах.

После Февральской революции 1917 г. во Владикавказе был образован «Союз горцев», который объявил территории национальных округов Терской области самостоятельным государством, независимым от России.

Пытаясь прекратить политическое противостояние на Тереке, атаман М.А. Караулов заключил союз с горцами, выступавшими за сохранение Северного Кавказа в составе России. Благодаря этому союзу была образована Терско-Дагестанская республика, которой до начала 1919 г. руководили войсковой атаман и войсковой круг (правительство).

Политическую ситуацию в Терской области осложняли оставшиеся на ее территории деморализованные воинские части, не желавшие отправляться на западный фронт. Справиться с кризисом власти местное правительство не могло без поддержки казачьих частей, находившихся на фронте.

В июне 1917 г. в атаманы казачьих войск юга России - Войска Донского А.М. Каледин, Кубанского войска А.П. Филимонов, Терского войска М.А. Караулов – провели конференцию, на которой договорились о взаимодействии в

¹ В IV Государственной думе М.А. Караулов возглавлял непартийную казачью фракцию, выступал за реформы государственной политики в отношении казачества. После Февральской революции он входил в состав Временного комитета Государственной думы и был направлен в качестве представителя Временного правительства на Терек для организации новых органов государственной власти. М.А. Караулов погиб 26 декабря 1917 г. в неравном бою с «революционными» солдатами на станции «Прохладная».

борьбе против разложения армии и за укрепление государственной власти на местах.

21 октября 1917 г. конференция представителей Астраханского, Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, а также калмыков и Союза кавказских горцев и народов Дагестана приняла решение об образовании «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» для борьбы с большевизмом на территории членов Союза и доведения России до Учредительного собрания. Конференция избрала объединенное правительство Союза, в которое входили по два представителя от каждого войска и четыре представителя от Союза кавказских горцев и народов Дагестана. Центром Союза становился Екатеринодар, а затем – Ростов-на-Дону.

Впоследствии к Союзу присоединились Войско Уральское и Войско Оренбургское. Желание сотрудничать с Юго-Восточным Союзом выражало правительство Украинской Республики до победы Советов на ее территории.¹

Образование такого политического союза усиливало влияние казачества на политическую жизнь России и создавало реальные предпосылки для создания казачьего государства на обширной территории областей казачьих войск.

Казачество испытывало политическое давление Временного правительства, которое, с одной стороны, было заинтересовано в участии надежных казачьих частей в продолжавшейся войне и требовало их сохранения на фронте, а с другой стороны, под давлением представителей радикальных партий в Государственной думе пыталось изменить вековые основы службы и жизнедеятельности казачества, осуществить его «расказачивание». Реализуя такие намерения, в апреле 1917 г. Временное правительство упразднило Главное управление казачьих войск и подчинило казачьи войска Военному министерству.

¹ Члены Союза выступили за сохранение единого российского государства в форме федеративной республики. Объединенное правительство Союза начало разработку конституции. Намеченные реформы не были реализованы из-за Октябрьской революции и Гражданской войны. В начале 1918 г. правительство Союза прекратило свою деятельность. Южно-Восточный Союз возрождался на непродолжительное время в 1919-1920 гг. при поддержке Белого движения.

Изменения традиционных форм службы, а также недостатки боевого и материального обеспечения вызывали у казаков негативное отношение к Временному правительству. Учитывая эти обстоятельства, ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов предложил Совету Союза казачьих войск войти в его состав на правах коллективного члена, но получив отказ, организовал в своем составе казачью секцию, которая заняла враждебную позицию по отношению к Союзу казачьих войск. В результате антиправительственной пропаганды, развернутой большевиками в казачьих частях на фронте, казачество дифференцировалось по политическим признакам: отношению к Временному правительству и партиям.

25 октября (7 ноября) 1917 г. после объявления на II-ом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов о свержении Временного правительства и передаче всей государственной власти в России Совету народных комиссаров (СНК) атаман Войска Донского генерал от кавалерии А.М. Каледин в телеграфном обращении призвал казачьи войска не признавать СНК, а государственную власть в казачьих областях сосредоточить в руках войсковых правительств. Его поддержали атаманы Кубанского, Терского и других казачьих войск. Такие публичные заявления явились инцидентом, переводившим в открытую форму конфликт Советов и органов управления казачьими войсками. В этом инциденте казачество открыто заявило о своей оппозиции органам Советской власти. С этого начался новый этап в истории казачества – период конфронтации его значительной части с советским государством.

Для политической работы с казаками 4 (17) ноября 1917 г. ВЦИК образовал Казачий комитет, преобразованный позднее (25 января 1918 г.) в Комиссариат по делам казачества.¹

10 (23) ноября 1917 г. СНК принял декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», который отменил правовые основы особого социального положения казаков, а, следовательно, – особые условия наделения их землей и другими угодьями. Казаки лишались основного формального признака их идентификации – сословности.

¹ Комиссариат был упразднен в январе 1920 г.

Для разъяснения отношения Советов к казачеству СНК 22 декабря 1917 г. издал обращение «Ко всему трудовому казачеству». В нем излагались основные принципы государственной политики в отношении «трудового» казачества, противопоставляемого «верхам» казачества. Таким образом советские органы осуществляли меры для идейно-политического раскола казачьей элиты и «рядового» казачества.

Декретом СНК от 9 (22) декабря 1917 г. отменялись обязанности многолетней иррегулярной воинской службы казаков, которая заменялась краткосрочной воинской подготовкой в станицах; ликвидировались ограничения на свободу выбора места жительства казаков. Эти нормативные документы также разрушали многовековые основы военно-служилой и территориальной идентификации и самоорганизации казаков.

Революции 1917 г. привели к расколу казачества на две антагонистические части – «красное» (поддерживало власть Советов и радикальные реформы советского правительства) и «белое» (выступало против Советской власти и проводимых ею реформ) казачество.

В конце 1917 г. под руководством генерала Алексеева, затем – генерала Корнилова на Дону сформировалась Добровольческая (Белая) армия, состоявшая в основном из офицеров, юнкеров. Так как Добровольческая армия вела боевые действия на территориях казачьих областей, то мобилизованные казаки составляли в ней более 50%.

Если до октября 1917 г. в отношениях с автохтонными этносами казачьи войска занимали доминирующее положение как полномочные представители государства, то после Октябрьской революции невойсковое население стало активно выступать против льгот и привилегий казаков. Антиказачьи выступления особенно активизировались в предгорной зоне Северного Кавказа, на территории национальных округов и казачьих отделов Терской области, где казаки составляли только 18,2% населения. В условиях радикальной трансформации политической системы России казаки, лишённые государственной поддержки, пытались самостоятельно сдерживать агрессию «революционного» невойско-

вого населения, которое требовало «справедливого», равномерного раздела войсковых и станичных земель между всем населением области.

Используя недовольство казацкого населения неравномерным распределением земель в Терской области и другими негативными последствиями национальной политики царского правительства, Советская власть привлекла на свою сторону автохтонное горское население. В ноябре 1917 г. «революционные» горцы нападали на станицы Фельдмаршальскую, Воздвиженскую, Кахановскую, Ильинскую, город Гудермес, добились изгнания всего русского населения из Хасав-Юртовского округа.

После гибели М.А. Караулова в декабре 1917 г. ситуация на Тереке осложнилась, войсковое правительство не сумело консолидировать казачье и невойсковое население, из-за чего власть перешла к Советам, которые учредили Терскую советскую республику. Действия Советов и Красной Армии в Предкавказье руководил чрезвычайный комиссар Юга России Г.К. Орджоникидзе. По его указанию из революционных солдат и «красных горцев» создавались специальные отряды, которые в феврале 1918 г. принудительно выселяли казачьи семьи из станиц предгорной зоны, а на их места переселяли горцев. Выселяемые казаки разоружались и в пути следования подвергались нападениям отрядов горцев, которые грабили и убивали переселенцев.

По инициативе Советов 22-29 мая 1918 г. прошел III Съезд народов Терек, который принял решение о выселении казаков из четырех станиц Сунженского отдела. Попытки большевиков реализовать это решение вызвали антисоветское восстание, которое возглавлял Г. Бичерахов. В его «армии» состояло около 5 тыс. терских казаков и горцев.

20-23 июня 1918 г. в г. Моздоке прошел Съезд казачьих и иногородних депутатов, принявший решение о борьбе с большевиками. Отряды восставших насчитывали более 12 тыс. казаков и иногородцев из станиц Грозненской, Ермоловской, Романовской, Прохладной, Курской, Сунженской, Котляревской, Боргустанской. Терцы установили связь с Добровольческой армией и Кубанским казачьим войском. Их совместными усилиями в январе 1919 г. восстанавливалась Терско-Дагестанская республика.

Части Красной Армии были осаждены в гг. Владикавказе, Кизляре и Грозном, обороной которого руководил Г.К. Орджоникидзе. Под его командованием находилось около 3 тыс. «красных чеченцев» и 3 тыс. «трудовых» казаков Сунженской линии из станиц Карабулакской, Троицкой, Фельдмаршальской, Солдатской, Калиновской, Незлобной, Горячеводской. 26 июня 1918 г. Советская власть на Тереке пала. 20 ноября 1918 г. белогвардейские части заняли Ставрополь. В январе 1919 г. от Советской власти освобождались Кубанская и Терская области, а также Ставропольская губерния. Ожесточенные бои, сопровождавшиеся большими потерями, продолжались еще семь месяцев.

С января 1919 г. большевики стали применять свою тактику «расказачивания», суть которой определила секретная директива Оргбюро ЦК РКП (б) от 24 января 1919 г. Эта директива предписывала всем комиссарам, «...учитывая опыт года Гражданской войны с казачеством, признать самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо: 1) провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти; 2) конфисковать хлеб, заставить ссыпать все излишки в указанные пункты. Это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам; 3) принять все меры по оказанию помощи переселяющейся бедноте, организовав переселение, где это возможно; 4) уравнивать пришлых и иногородних с казаками в земельном и во всех других отношениях; 5) провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи; 6) выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.... Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казацкие земли».¹

¹ Цит. по: Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. – М., 1999. – С. 129-130.

Указанная директива признавалась ошибочной и отменялась пленумом ЦК РКП (б) от 16 марта 1919 г., но репрессии советских органов в отношении казаков продолжались в соответствии с идеями «расказачивания», которым большевики придали новый смысл - физическое искоренение казачества и устранение условий для его традиционной жизнедеятельности. Согласно положению от 18 марта 1920 г. ревтрибуналы применяли в отношении казаков самые жестокие меры, расстреливали больше группы военнопленных за их отказ служить в Красной Армии.

Не получив широкой народной поддержки, белогвардейцы отступили в Крым. Вместе с ними уходили казаки, мобилизованные в Добровольческую армию, а также часть гражданского населения.

15 ноября 1920 г. закончилась эвакуация армии генерала Врангеля из Крыма и Гражданская война на юге России была, в основном, закончена победой Советской власти. Но антисоветское партизанское движение продолжалось и в последующие годы, активизировалось в связи с коллективизацией и другими принудительными мерами социалистического строительства.

С 1920 г. происходила новая дифференциация российского казачества на две большие группы по их местожительству и отношениям с советской государственной властью – на казаков-эмигрантов и казаков, оставшихся в России.

В результате Первой мировой и Гражданской войн, массовых репрессий советского расказачивания российское казачество понесло массовые потери, которые продолжались и в последующие годы.

Значительная часть участников антисоветского Белого движения эмигрировала за рубеж.¹ Только в ноябре 1920 г. под командованием генерала Врангеля из Крыма на 126 судах отплыло 146 тыс. человек, среди которых было около 100 тыс. донских, кубанских и терских казаков.

Для сохранения боеспособности строевых частей они организованно размещались в Турции, в лагере на полуострове Галлиполи и в четырех лагерях

¹ Подробнее о казачестве в эмиграции см., например, Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921-1945 гг.) // Вопросы истории. - 1996. - № - 10. - С. 3-18 и др.

Чаталджинского района, расположенных в 75-100 км от Константинополя, и на греческом острове Лемнос в Эгейском море.

Заботу о русских эмигрантах брало на себя французское правительство, но условия жизни в лагерях были тяжелыми, вызывали голод и эпидемии. В поисках работы эмигранты уезжали в Грецию, Болгарию, Бразилию, Румынию, поступали на службу во французский Иностраный легион. В октябре 1921 г. около 1 тыс. казаков организованно выехали на работы в Чехословакию.

Правительство Франции организовало отправку казаков из Лемносского лагеря в разные государства: в Бразилию – 1029 человек, в Югославию – 4807 человек, в Болгарию – 6089 человек, в Грецию – 2450 человек, в Турцию – около 1300 человек. Так расширялся ареал расселения потомственных российских казаков в государствах Европы, Азии, Америки, Африки, Австралии. В конце 30-х гг. за рубежом насчитывалось около 60 тыс. казаков, которые были организованы в землячества, поддерживавшие православные культурные традиции, решавшие проблемы трудоустройства и материальной поддержки эмигрантов.

Для координации деятельности казачьих землячеств в январе 1921 года был учрежден Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека, состоявший из войсковых атаманов и председателей войсковых правительств, избранных казачьими войсками еще в России, а в 1924 г. в Париже казачьи станицы зарубежья учредили Казачий Союз. Он обеспечивал взаимодействие казачьих землячеств, помогал им решать экономические, культурные и иные проблемы. Используя принципы взаимопомощи, казаки создавали артели, кооперативы, строительные и промышленные организации, в которых работали в основном эмигранты из России.¹

Своеобразно складывалась жизнь в эмиграции казаков из Сибирского и других казачьих войск, располагавшихся вдоль южных границ России от Волги

¹ Подробнее об этом см., например, Антропов О.О. Астраханские казаки в эмиграции // Вопросы истории. - 1997. - № 11. - С. 137-143; Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920-1939 гг.): Учеб. пособие. – Краснодар. 1997 и др.

до Сахалина. В конце гражданской войны в Китай, Манчжурию эмигрировала значительная группа офицеров и рядовых казаков из этих войск.¹

Некоторые эмигранты возвратились в советскую Россию. Только в 1921-1925 гг. реэмигрировало около 40 тыс. казаков. Многие из них сразу же подверглись репрессиям.

Принципиальный раскол среди казаков-эмигрантов произошел в связи с нападением Германии на СССР. Многие казаки вступали в армию или в отряды антигитлеровского сопротивления. Но некоторые казаки стали служить в немецкой армии, командование которой с 1941 года формировало особые казачьи части для выполнения вспомогательных комендантских функций на оккупированной территории СССР и других государств. Для службы в казачьих частях помимо добровольцев принудительно набирались военнопленные и жители бывших казачьих областей. На Украине из украинских националистов было сформировано семь казачьих полков.

Командирами казачьих частей назначались немецкие офицеры. В казачьих воинских частях СС собственно казаками было не более 60% личного состава. Так, в 1 кавалерийской дивизии, сформированной в Польше в сентябре 1943 г., из 18 тыс. военнослужащих было свыше 5 тыс. немецких солдат, из 550 офицеров немцами были 330, то есть каждый третий «казак» был немцем.²

В начале 1943 г. в немецкой армии служило 25 тыс. казаков. Из них было сформировано двадцать казачьих полков и отдельные специальные команды.

С 1943 г. в Подолье, а с 1944 г. в центральных районах Белоруссии действовала казачья воинская группировка «Казачий стан», состоявшая из 18 тыс. казаков и членов их семей, ушедших с немецкими войсками с территории Северного Кавказа. В мае 1945 г. за счет объединения с другими казачьими частями численность «Казачьего стана» увеличилась до 30 тыс. человек, включая женщин и детей. 8 мая 1945 г. «Казачий стан», отступивший в Австрию, сдался английским войскам.

¹ Подробнее об этом см., например, Малышенко Г.И. Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Омск: ОГПУ, 2001.

² См.: Решина Л. «Казачи» со свастикой // Родина. - 1993. - № 2. - С. 71, 75.

25-29 мая 1945 г. англичане выдали командованию 3-го Украинского фронта 1475 казачьих офицеров. Большинство из них было расстреляно.

В конце мая – начале июля 1945 г. англичане дополнительно передали Советской Армии 17,7 тыс. казаков и членов их семей из «Казачьего стана» и 4 тыс. военнопленных из других немецких частей. В советской оккупационной зоне в плен попали 970 донцов, 273 терца, 550 кубанцев, также служивших в немецкой армии. Они были отправлены в спецпоселения на Урале, Сибири и в Кузбассе, на свинцовые рудники острова Вайгач на Баренцевом море. Так расширялся ареал расселения казаков на территории Советского Союза.

После Второй мировой войны казаки-эмигранты проживали в Австралии, Аргентине, Канаде, Китае, США, Турции, Чили и во всех европейских государствах. Они в значительной степени ассимилировались в социальных системах соответствующих государств, но многие из них ревностно сохраняют социокультурные признаки идентификации с русским народом, казачеством. Как показало наше включенное наблюдение за участниками 1-ого Всемирного конгресса казаков (г. Новочеркасск, 23 августа 2003 г.) и изучение публикаций зарубежной прессы, казаки, проживающие за рубежом, следят за возрождением российского казачества, возвращают войсковым казачьим обществам реликвии – знамена, клейноды и другие казачьи святыни, которые их предки вывезли в эмиграцию и бережно сохраняли.

Процессы строительства социализма и коммунизма в России и СССР детерминировали жизнедеятельность казаков, оставшихся в России.

В феврале 1920 г. I Всероссийский съезд Трудовых казаков под влиянием В.И. Ленина принял резолюцию, в которой указывалось, что «казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа.¹ Поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, тесно спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи...».²

¹ В такой формулировке по идейно-политическим соображениям казачеству отказывалось в праве на признание нацией, субэтносом.

² Цит. по: Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. – М., 1999. – С. 244-245.

Решения съезда Трудовых казаков использовались СНК для обоснования декрета от 25 марта 1920 г. о повсеместном введении централизованной системы советских учреждений, что окончательно разрушило традиционные основы местного казачьего общинного самоуправления.

После установления Советской власти в бывших казачьих областях войсковые и станичные пахотные земли и другие угодья перераспределялись среди «трудовых», голутвенных казаков и неказачьего населения, служившего социальной опорой государства диктатуры пролетариата. Это привело к утрате казаками традиционных экономических основ их общинной жизнедеятельности. Для их окончательного разрушения советские государственные органы принудительно переселяли казаков из мест их традиционного проживания, несмотря на решение пленума ЦК РКП (б) от 16 марта 1919 г. о признании ошибочными репрессий в отношении казаков.

18 ноября 1920 г. ВЦИК принял постановление № 483 «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях», согласно которому земли казачьих войск перераспределялись среди всего местного населения, а «неблагонадежные» казачьи семьи выселялись из станиц на северные рудники, лесоразработки, угольные шахты и в другие места принудительных работ.

В опустошенные станицы переселялись «красные» горцы, среди которых распределялось имущество казаков.

Репрессии руководства Горской республики вызвали ответное антисоветское партизанское движение. Одно из последних восстаний казаков станицы Зольской в 1926 г. было жестоко подавлено.

Советские органы учитывали многочисленность казачества и в борьбе с «белоказачеством» опирались на поддержку «красных», «трудовых» казаков, которые определялись, в основном, по имущественному положению. Советы считали своими союзниками голутвенных, бедных казаков. Такие казаки были полноправными гражданами, а домовитые, зажиточные казаки и участники «белого» движения поражались в правах. Например, в Терской области избирательных прав лишалось 2,4% населения, но среди казаков «лишенцами» было около 30%.

28 марта 1920 г. президиум ВЦИК РСФСР амнистировал рядовых казаков-белогвардейцев в возрасте старше 35 лет. По месту жительства они ставились на особый учет.

8 августа 1923 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР о создании территориальных воинских частей на принципах казачьей иррегулярной службы без отрыва от постоянной работы в течение 5 лет посредством ежегодных воинских сборов продолжительностью по 1,5–2 месяца. «Переменщики» являлись на службу на собственных строевых лошадях. В начале 30-х гг. казаки составляли 57% личного состава стрелковых и 70 % кавалерийский территориальных дивизий Северо-Кавказского военного округа. Амнистированные рядовые белогвардейцы составляли более 50% личного состава территориальных частей. Казаками комплектовались 4-я и 6-я кавалерийские дивизии Белорусского военного округа и 5-я Ставропольская кавалерийская дивизия.

В апреле 1925 г. Пленум ЦК РКП (б) осудил принудительные меры борьбы с казачьими традициями. В наименования Советов, действовавших в местах традиционного проживания казаков, включались слова «и казачьих депутатов».

Согласно данным переписи населения 1926 г., 25,7 % жителей Северо-Кавказского края¹ идентифицировали себя с казачеством, поэтому согласно постановлению исполкома Северо-Кавказского края «О работе Советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края» от 26 августа 1925 г. казакам предоставлялось право службы в территориальных воинских формированиях. Для усиления идентификационного сходства с местным населением работникам советских учреждений предписывалось носить традиционную казачью одежду.

Приказом Реввоенсовета СССР от 4 июня 1926 г. № 302 казакам, служившим в территориальных частях, разрешалось ношение казачьей форменной одежды и шашек, приобретаемых за свой счет. На покупку строевых лошадей переменщикам выдавались кредиты до 200 тыс. рублей.

Репрессии в отношении казаков возобновились в ходе массовой коллективизации. За «срыв» завышенного плана хлебозаготовок в 1927 г. из Северо-

¹ В то время Северо-Кавказский край включал территории современных Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, республик предгорной зоны Северного Кавказа, кроме Дагестана.

Кавказского края дополнительно выселялись на Север и Урал 10,5 тыс. семей (51,5 тыс. человек).

В 1933 г. казаки, заподозренные в срыве коллективизации, исключались из территориальных воинских частей, поражались в правах, выселялись. Для устранения социальной базы антисоветского движения в начале 40-х гг. на Урал и в другие регионы европейской части было выселено 38 тыс. семей.

Но без казаков территориальные воинские части не имели необходимого мобилизационного резерва, поэтому ограничения были отменены, и казаки вновь стали призываться на службу. В кавалерийских частях Северо-Кавказского военного округа казаки составляли 57,7 % личного состава.

20 апреля 1936 г. ЦИК СССР отменил ограничения по службе казаков в Красной Армии, а приказом НКО от 23 апреля 1936 г. № 67 некоторые кавалерийские части переименовывались в «казачьи». Для этих частей устанавливалась форма парадной одежды, подобная традиционной для Кубанского и Терского казачьих войск, - черкески, бешметы, папахи и т.д.

Территориальные и регулярные части комплектовались из призывников, переменщиков всех национальностей, кроме горцев, которые служили в отдельном кавалерийском полку. Территориальные принципы формирования кавалерийских частей привели к тому, что с казаками стали идентифицироваться не только потомственные казаки, но и те, кто не имел с ними кровнородственных генетических связей, однако, проживая на землях, ранее относившихся к казачьим войсковым территориям, призывались на службу в казачьих частях Красной Армии. Так среди казаков оказались не только «природные», «антропологические», «автохтонные» казаки, но и те, кто участвовал в репрессиях органов советской власти против казачества и был поселен в казачьих станицах вместо выселенных казаков. Эти обстоятельства еще более ослабили традиционные основополагающие признаки идентификации казаков и усложнили структуру казачьей социальной общности, усилили ее гетерогенный характер.

Большинство казаков призывного возраста принимали активное участие в защите Родины от немецко-фашистских захватчиков. Только в Северо-Кавказском военном округе в июле-декабре 1941 г. было сформировано 15 ка-

валерийских дивизий. Большую часть их личного состава составляли казаки, прошедшие военную подготовку в территориальных иррегулярных частях.

Казаки, оставшиеся в тылу, обеспечивали поставки продовольствия, боеприпасов, техники в действующую армию, а после Победы активно участвовали в восстановлении народного хозяйства, развитии Отечества.

В последующие годы массовые репрессии в отношении казаков не проводились, но и реальные меры для восстановления казачьей социальной общности, ее институционализации не принимались.

Утрата казачеством территориальных факторов идентификации наглядно прослеживается на примере Терского казачьего войска, которое обеспечивало военное и гражданское управление Терской областью.

В 1917 г. Терская область состояла из 4 казачьих отделов и 6 национальных округов. На их территории проживало 1360 тыс. человек, из которых 255 тыс. (18,8%) были казаками. Станичные казачьи общины были закрытыми. Во всех 70 казачьих станицах иногороднее, «неказачье» население составляло только 17%. Казаки преобладали среди населения Пятигорского (58,5%), Моздокского (67,9%), Сунженского (86,5%), Кизлярского (52,4%) отделов.

После окончания Гражданской войны административно-территориальное устройство северокавказского региона неоднократно изменялось. Например, на бывшей территории Терской области в настоящее время размещаются республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Чечня и часть Ставропольского края.

Подобные административно-территориальные изменения областей Донского, Кубанского и иных казачьих войск осложняли идентификацию казаков по признаку «территории (места) компактного проживания».

Таким образом, в процессе развития казачества до 1917 г. выделяется период эволюционного саморазвития «вольных» казачьих общин, период их политической институционализации в Московской Руси и Российской империи на основе единых системообразующих факторов воинской службы, а также период деинституционализации казачества и устранения его системообразующих

основ в условиях Советского государства. Выявленные сущностные трансформации российского казачества были детерминированы характером отношений казачества с государством, на территории которого оно компактно проживало.

Изучение политических аспектов генезиса казачества обнаружило прямую зависимость его трансформации от характера политических отношений с государством: в Московской Руси и Российской империи казачество реорганизовывалось из разрозненных «вольных» казачьих общин и служилых формирований городских казаков в социально-политический институт, выполнявший делегированные государством военно-служилые и иные функции, а в Советском государстве в результате репрессий расказачивания казачество было деинституционализировано. Попытки государственных органов заменить «дореволюционное» казачество «советским», сформированным из «трудовых» казаков, были непоследовательными и не обеспечили реинституционализацию казачества вследствие разрушения генетических, экономических, культурных и иных основ преемственности.

Утратив в Советском государстве системообразующие основания собственного институционального бытия, казачество не могло консолидировано артикулировать свои корпоративные интересы и добиваться государственной поддержки в их реализации. До 80-х гг. XX в. российское казачество представляло собой территориально разобщенную гетерогенную и поликонфессиональную социальную общность, не имевшую юридически определенных идентификационных признаков, а его группообразующим фактором служила исторически предопределенная общность культурных традиций. Поэтому современное российское казачество в антропологическом, организационном и культурном отношениях не является прямым преемником казачества Российской империи.

По этой причине восстановление института казачества являлось объективной социально-политической проблемой, которая не решалась Советским государством по идеологическим соображениям.

2.2. Социально-политические факторы институционализации казачества

Социально-политические факторы институционализации казачества вырабатываются политической системой, гражданским обществом и самим казачеством в конкретно-исторических условиях с целью обеспечения этого процесса или противодействия ему. Такие факторы определяют место казачества в иерархично организованной структуре гражданского общества, политической системе, а также политические и иные средства, полученные казачеством для реализации корпоративных интересов, имеющих общественное значение.

Институционализация казачества детерминирована состоянием политической системы, режимом власти и другими политическими факторами. Так, при тоталитаризме политическая система имеет минимальное количество формализованных социальных институтов, участвующих в политике, а при демократии их численность значительно возрастает.

В условиях тоталитарной политической системы Советского Союза развитие институтов гражданского общества существенно ограничивалось коммунистической идеологической доктриной, игнорировавшей альтернативные социальные интересы, поэтому политическая система имела закрытый характер, препятствовавший институционализации социальных общностей, имевших самостоятельные, альтернативные интересы. Это снижало возможности артикуляции различных интересов граждан, их политической агрегации и создания политических условий для их реализации, что, в свою очередь, вызывало в обществе рост негативного отношения к коммунистической политической системе и желание модернизировать ее в направлении демократизации и большего представления интересов граждан.

Последствия недостаточной институционализации социальных общностей остро проявились в условиях кризиса, симптомы которого в конце 70-х - начале 80-х гг. XX в. проявились во всех сферах жизнедеятельности советского

общества. Несмотря на попытки преодоления кризиса коммунистической политической системой, он приобретал долговременный социетальный деструктивный характер. Объективные потребности модернизации советской политической системы, частично реализованные в 1982-1985 гг., оказались малорезультативными. Поэтому по инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в 1985 г. была начата радикальная реформа политической системы, названная перестройкой. Оценивая перестроечные процессы в СССР, известный американский политический деятель, политолог З. Бжезинский писал, что «развязанные Горбачевым силы превращают разрыв исторической преемственности в более вероятное явление, нежели сохранение ее» и указывают на эрозию коммунистической идеологии и практики.¹ И если в первые годы перестройки представлялось возможным преодоление кризиса посредством сосредоточения политических усилий в экономике, то «в 1988 г. выяснилось, что межнациональные отношения являются одной из главных проблем перестройки»².

Трансформация советского политического режима из тоталитарного в демократический открыла возможности для роста и проявления социально-политического потенциала разнообразных конфликтогенных противоречий, которые создавали реальную угрозу утраты лидирующего положения для доминирующей в Советском Союзе русской нации.³

Своеобразными катализаторами политизации национальных проблем, стимуляторами перерастания национального сознания в националистическое во многих случаях служили неполитические – экономические, социальные, духовные и иные предпосылки. В связи с этим политолог Е.С. Гундарь отмечала, что для многих современных конфликтов характерен межнациональный аспект,

¹ Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинтэссенция: Философский альманах / Сост. В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. – М., 1990. – С. 269.

² См.: На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / Под общ. ред. В.В. Журавлева. – М., 1990. – С. 352.

³ Такое состояние полиэтничных государств ранее обнаруживалось в Канаде в конфликтах анго- и франко-говорящих жителей, в Бельгии в конфликте фламандцев и валлонов и в других государствах, находившихся в кризисном состоянии.

почти во всех случаях конфликт имеет одновременно черты политического, национального, экономического.¹

Перестройка способствовала изменению менталитета граждан, трансформации их политического сознания из подданнического типа в активистский. Поэтому «даже несущественное ослабление репрессивного механизма, первые шаги по созданию элементарных демократических свобод нарушили неустойчивое равновесие, сложившееся в эпоху застоя, и обнажили многие скрытые линии общественного раскола, в том числе и этнического.»² При этом и в нашей стране проявились три основные стадии «национального пробуждения», выявленные Э. Геллнером: 1) осознание нацией несоответствия, несовпадения национальной и политической единиц социальных формирований; 2) трансформация национального самосознания в националистическое³; 3) образование национальных движений, обеспечивающих артикуляцию и защиту национальных интересов.⁴

Одновременно в годы перестройки повышался социально-политический и духовный потенциал наций и других социальных общностей, которые публично артикулировали свои интересы и настойчиво требовали их реализации. Но «административно-командная система, нуждающаяся в предельно централизованных единообразных структурах, чем дальше, тем больше игнорировала потребности национального развития... Постепенно размывалось заложенное в Конституции 1924 года разграничение компетенции Союза и республик, суверенитет которых стал во многом формальным».⁵ Вследствие этих обстоя-

¹ Толерантность как основа социальной безопасности / Под ред. Н.П. Медведева. – М., 2002. – С. 105.

² Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: В 2 ч. – Ставрополь, 1996. – Ч. 2. – С. 15.

³ Под националистическим сознанием понимается осознание нацией своего превосходства над другими нациями и народностями. Оно обнаруживается в готовности реализации собственных национальных интересов за счет эксплуатации других народов.

⁴ См.: Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991. Подробнее о трансформации национального сознания в националистическое см., например, Багдасарова А.Б. Механизм перерастания национального сознания в националистическое // Этнические проблемы современности: Материалы науч. конф. – Ставрополь, 1999. – Вып. 4. – С. 79-83.

⁵ Национальная политика партии в современных условиях: Платформа КПСС // Правда. – 1989. – 24 сент.

тельств за годы Советской власти «источник, питающий национальную неудовлетворенность, не иссяк..., и искусно подогретые национальные чувства как бы накладываются на реально существующие проблемы»¹, что, в свою очередь, породило новые социально-политические противоречия и конфликты.

Требования этносов о решение их проблем в острых формах выражались в программных заявлениях национальных движений, национально-культурных и национально-политических объединений, и их реализация (или противодействие им) заняли одно из центральных мест во внутренней политике Советского государства. В силу неоднозначной артикуляции и агрегации антагонистических национальных запросов они реализовывались в острых формах.

Динамика развития кризиса советской политической системы и политизации его неполитических факторов выявлялись при изучении демографических процессов и этнических конфликтов на Северном Кавказе.² В частности, профессор В.С. Белозеров отмечал, что в 60-80-х гг. в горной зоне Северного Кавказа произошел «демографический взрыв», который проявлялся значительным естественным приростом численности автохтонных горских народов. Он порождал значительный рост плотности населения, «обострил аграрное перенаселение... и вызвал в 1970-1980 гг. интенсивный исход некоторых народов Кавказа в степное Предкавказье, в Поволжье и в другие регионы»³. Одновременно из сельской местности на востоке равнинного Предкавказья (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края) русское население массово мигрировало в города. Их место занимали мигранты из числа менее урбанизированных горских народов⁴. «Территориальная экспансия северокавказских на-

¹ Михайлов В.А. Межнациональный конфликт – что за ним? // Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 10. - С. 123-124.

² См., например, Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь, 2000; Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: В 2 ч. – Ставрополь, 1996 и др.

³ Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь, 2000. - С. 11

⁴ См.: Белозеров В.С. Динамика этнической структуры населения Северного Кавказа // Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран: Тезисы международ. науч. конференции, 11-16 сентября 2001 г. – М. – Ставрополь, 2001. - С. 71.

родов сравнительно быстро, к концу 80-х гг., привела к смене этнической структуры населения значительной части равнинного Предкавказья, особенно на востоке Ставропольского края и Ростовской области. Здесь наблюдалось сокращение ареала с доминированием русского населения и расширение ареала с их преобладанием».¹ Эти демографические, миграционные процессы вызывали рост напряженности в межнациональных отношениях, повышение их конфликтности, способствовали развитию защитных центробежных тенденций в национальном сознании коренных и новопоселенных жителей. В общественном сознании получили распространение иллюзии и мифы о возможности решения актуальных экономических, социальных и иных проблем наций посредством политической суверенизации национально-территориальных административных образований, их выхода из Советского Союза, РСФСР, а затем и из Российской Федерации и создания самостоятельных национальных государств на «исконных национальных» территориях.² При этом обнаружилось, что идеологии национализма и сепаратизма способны оказывать доминирующее воздействие на общественное сознание без научного обоснования их программ на основе активной эксплуатации национальной психологии.

Национальные движения активно использовали национальные и националистические мифологемы, существенно в пользу «своего народа» приукрашивавшие национальные достоинства и преимущества перед «чужими народами», обращались к остаточным проявлениям национальных предрассудков и архаичных ценностно-ориентационных стереотипов. Это также стимулировало трансформацию национального сознания в националистическое. По мнению профессора А.В. Авксентьева, у большинства наций и народностей, населяющих Россию, эйфория «суверенитета» закончилась только в последние годы

¹ Там же.

² Под «исконно национальными» понимаются, как правило, территории максимального расселения этносов или распространения их политической власти даже в течение коротких сроков успешного ведения захватнических войн.

XX в.¹, но ее последствия сохраняются в общественном сознании, продолжают влиять на социально-политические отношения и в начале XXI века.

Идеи национального сепаратизма придавали деструктивный характер массовым общественно-политическим движениям, которые во многих случаях становились мононациональными по составу². С одной стороны, национальные движения свидетельствовали о росте национального самосознания и органично вписывались в процессы демократизации советского общества, повышения социально-политической активности граждан, развития гражданского общества, но, с другой стороны, - в них взращивались агрессивно-деструктивные сепаратистские идеи и осуществлялась мобилизация наций, этносов на их противодействие унитарному советскому государству и «чужим» этносам, так как «политическая культура нашего общества такова, что отстаивание собственных национальных интересов не всегда сопровождается уважением национальных требований других народов»³.

В таких сложных социально-политических условиях формировались предпосылки для самоорганизации казачьей социальной общности, ее институционализации. Они развивались согласно общим тенденциям генезиса национальных движений, но с заметным отставанием от них на 2-3 года и меньшей интенсивностью. Это было связано с тем, что для национальных движений нормативно-правовые основы создавались советским законодательством с 1989 г.⁴, а по отношению к казачеству их не было до принятия в 1991 г. закона «О реабилитации репрессированных народов».

¹ См.: Авксентьев А.В. Северный Кавказ сегодня: сегодняшние реалии и опыт этнополитического прогноза // Этнические проблемы современности: Материалы науч. конф. – Ставрополь, 1999. - Вып. 4. - С. 17.

² См.: О мерах по реализации резолюции XXVIII съезда КПСС «Демократическая национальная политика – путь к добровольному союзу, миру и согласию между народами»: Пост. ЦК КПСС от 28 августа 1990 г. // Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 10. - С. 11-12.

³ См.: На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / Под общ. ред. В.В. Журавлева. – М., 1990. - С. 352-353.

⁴ В ноябре 1989 г. Верховный Совет СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», а в августе 1990 г. был издан указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х гг.».

Репрессии расказачивания и естественные миграционные процессы привели к дисперсному расселению казаков и их потомков практически по всей территории СССР, Российской Федерации, что также усложняло консолидацию казачьей социальной общности. У казачьих организаций не было и необходимой материально-финансовой поддержки, подобной той, которую получали национальные движения от российского и иностранных государств, отечественных и зарубежных диаспор и отдельных спонсоров.

Формальные идентификационные основы самоорганизации казачьей социальной общности были ликвидированы Советской властью в предшествующие годы: в 1917 г. специальным декретом отменялось сословное деление общества, и казачество утратило государственный идентификационный признак - сословность, с 1920 г. неоднократно реорганизовывались области казачьих войск, упразднялись войсковые органы административно-территориального управления и традиционного местного казачьего общинного самоуправления, а после 1926 г. упоминание о казачьем происхождении исключалось из социально значимых признаков при проведении переписей населения и других социально-идентификационных мероприятий.

Так, в результате ликвидации Советской властью традиционных организационно-политических, экономических, военно-служилых, культурных, психологических и иных основ жизнедеятельности казаков утрачивались признаки их социальной идентификации.¹ Их устранение делало невозможной непосредственную передачу «казачьего уклада жизни» из поколения в поколение, и многие казачьи семьи утратили культурно-историческую связь с предками.

Подчеркивая негативную роль таких обстоятельств, современные исследователи казачества А. Венков, А. Дедков, А. Захаревич, Г. Марченко, А. Скорик, Т. Таболина, В. Тикиджьян, А. Трут сделали выводы о том, что современ-

¹ Под идентификацией понимается процесс выявления социальным институтом, организацией, индивидом и др. субъектами у социальной общности, индивида или др. объекта конкретных признаков (индикаторов идентификации), указывающих на идентичность (тождественность) объекта нормативной модели, выработанной субъектом для анализа социальной структуры или иных целей изучения объекта.

ное казачество в физическом отношении не является прямым преемником традиционного казачества, не вписывается в рамки четкой дефиниции и однолинейной идентификации.¹

Основой процесса самоорганизации и институционализации казачьего движения в конце XX – начале XXI в в. является определение базовой для социально-политического института социальной общности на основе выявления ее идентификационных критериев.

При анализе идентификационных процессов обнаруживается, что их субъектами могут являться казачья социальная общность, осуществляющая самоидентификацию, а также государство и другие социальные институты, которые проводят идентификацию казачества с «внешних» позиций.

Самоидентификация членов казачьей социальной общности строится на основе определения родственных и иных связей потомков казаков с их предками. Она зависит от состояния механизмов и содержания социализации, формируется под влиянием социального окружения, семейных и иных социально-групповых традиций, ценностей, ориентаций. Самоидентификация может обходиться и без формализованных идентификационных признаков, которые в таких случаях подменяются нормами обычного права и поддерживаются традициями в ритуально-обрядовых формах. Основой самоидентификации служит самосознание, личное определение гражданами их принадлежности к казачьей социальной общности и представление о единстве исторической судьбы ее членов. Осознание такого единства порождает национальное сознание, являющееся необходимым фактором этногенеза² и социально-политической институционализации.

¹ См.: Казачество России: Информационно-справочные материалы. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 12-13.

² Развитие такого представления о национальных основах казачества приводит некоторых исследователей к представлению казачества нацией, которая всегда стремится к своей государственности, а, следовательно, по их мнению, и казачество должно стремиться к организации своего казачьего государства Казакии (Козакии).

По отличиям критериев самоидентификации можно выявлять неоднородность сознания граждан, считающих себя казаками. Они отличаются различным отношением к движению за возрождение казачества.

В первую группу можно включать граждан, которые при идентификации особо выделяют государственно-служилый признак казачества, характерный для него с января 1570 г. до марта 1917 г. – со времени поступления донских казаков на регулярную службу царской России до ее прекращения. Большинство граждан, идентифицирующих себя с казачеством по такому признаку, заявляет о готовности выполнять государственную службу, организует казачьи общества, включаемые в государственный реестр Российской Федерации в соответствии с действующим законодательством. В таких казачьих обществах состоят коло 650 тыс. казаков, каждый третий из которых выражает готовность нести государственную службу.¹

Другие граждане, самоидентифицируемые с «вольным» казачеством, выступают за независимость от государства, характерную для «вольных» казачьих общин до их поступления на регулярную государственную службу и полностью утраченную в 1835 г. после введения в казачьих войсках порядка назначения наказных атаманов.

Среди граждан, признающих такой самоидентификационный признак казачества можно выделить несколько подгрупп, различающихся по формам влияния их самосознания на социально-политическую деятельность.

В первую подгруппу включаются граждане, создающие казачьи общественные организации. В отличие от казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, общественные организации казаков руководствуются федеральным законом «Об общественных объединениях» и пользуются поддержкой политической элиты в Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Чечне и некоторых других субъектах Федерации. В 2001

¹ См.: Сведения о численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации по состоянию на 1 января 2003 г. // Делопроизводство управления Президента России по вопросам казачества. - 2003 г.

г. органы Министерства юстиции России в 83 субъектах Федерации зарегистрировали около 800 общественных объединений, имевших «казачьи» наименования.¹ Их численность не поддается точному подсчету в связи с нестабильным составом.

Вторую подгруппу представляют граждане, не участвующие в деятельности казачьих обществ и объединений, но сохраняющие традиционные формы общинной самоорганизации. К этой подгруппе относятся, например, казаки-некрасовцы, которым советское государство в 1962 г. обеспечило реэмиграцию из Турции и компактное общинное поселение в Левокумском районе Ставропольского края. Общины Казаков-некрасовцев с XVIII в. сохраняют неизменными принципиальные основы их идентификационных отличий в субкультуре и старообрядческой вере. Некрасовцы не участвуют в движении за возрождение казачества.

К третьей подгруппе относятся члены неформальных казачьих обществ, которые не имеют общественно признанных идентификационных признаков, поэтому их численность не определяется государственными органами и не принимается во внимание при организации политической работы с казачеством.

В четвертую подгруппу вошли граждане, осознающие родственные связи с казачеством, но из осторожности или из других соображений не участвующие в деятельности казачьих обществ, объединений и общин.

Процесс самоидентификации потомков казаков усложнен в семьях, утративших «дух казачества» и не учитывающих исторические традиции предков-казаков по ряду причин, среди которых особо отметим следующие:

- политические репрессии расказачивания вызывали в индивидуальном и групповом сознании казаков защитные реакции, среди которых была оправданная реальными условиями предшествующего исторического периода осторож-

¹ Сведения о численности казачьих общественных организациях в Российской Федерации на 1 января 2001 г. // Делопроизводство Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. - 2002 г.

ность в выражении принадлежности к казачеству, за которую их предки подвергались массовым репрессиям;

- традиционный казачий образ жизни основывался на сельской общинной форме жизнедеятельности, и естественная или принудительная миграция казачьих семей из мест традиционного сельского проживания прекращала аграрную деятельность и лишала казачьи семьи материальных основ продолжения оседлого военно-служилого, аграрно-общинного казачьего уклада жизни;

- строго регламентированная государственная поддержка казачьей культуры обеспечивала ее трансформацию в разновидность фольклорного творчества, которое представлялось архаизмом на фоне модернистских направлений песенного, танцевального и иного советского творчества. Очевидно, смещение акцентов в ценностных ориентациях мешало молодежи адекватно оценивать величие традиционной культуры своих предков, что, в свою очередь, нарушало духовно-культурную преемственность у поколений казачества.

Неорганизованное множество потомков российских казаков представляет социальную базу для значительного численного роста казачьих обществ и организаций, так как, по оценкам экспертов, численность граждан, считающих себя казаками, в России составляет около 4,5 млн. человек¹.

Особое место в структуре казачьей социальной общности занимают потомки казаков, проживающие за границей России. По нашим наблюдениям, ее представители на 1-ом Всемирном конгрессе казаков (г. Новочеркасск, 22-23 августа 2003 г.) категорически возражали против их наименования «казаками-эмигрантами» на основании того, что они идентифицируют себя с дооктябрьским «традиционным казачеством». Многие казаки, проживающие за границей, внимательно следят за ходом возрождения российского казачества, выражают готовность к сотрудничеству с казачьими обществами и организациями при условии обнаружения у них идентификационных признаков «традиционного российского казачества», под которым понимается дореволюционное казачество. Но в связи с тем, что такие признаки в современном казачьем движении пока не

¹ См.: Российский обзор. - 1992. - № 1-2. - С. 14.

имеют четкого устойчивого проявления, казаки, проживающие за границей России, воздерживаются от активного сотрудничества и возвращения, например Терскому войсковому казачьему обществу, знамен и других реликвий Терского казачьего войска, вывезенных за рубеж в конце Гражданской войны.

Отсутствие устойчивых, эмпирически воспринимаемых идентификационных признаков у современной казачьей социальной общности создало предпосылки появления в ее структуре так называемых «приписных казаков». Они идентифицируют себя с казачеством в связи с проживанием в бывших казачьих населенных пунктах и вступают в казачьи организации из романтических, патриотических соображений или для достижения карьерных, экономических и иных целей. После принятия федеральных документов о причислении казачества к репрессированным народам и его реабилитации¹ в казачьи организации вступали люди, рассчитывавшие на корпоративные компенсации, связанные с реабилитацией. Не получив их, они агрессивно выступали против органов государственной власти и других общественных объединений, чем усиливали дестабилизацию социально-политической обстановки в местах своей деятельности.

Структура казачьей социальной общности усложнялась и в последующие годы. Так, в 1996 году в Терское войсковое казачье общество (ТВКО) организовано вступили члены Аланского казачьего войска², преимущественно состоявшего из осетин-христиан. Они стали основой Аланского республиканского казачьего общества, которое имеет статус округа в составе ТВКО. В 2000 г. в ТВКО также организовано вступила группа абазин и черкесов, признающих свою историческую связь с казачеством. Их общество, действующее в Карачаево-Черкесии, на правах подотдела включено в Минераловодское отдельское казачье общество Ставропольского окружного казачьего общества ТВКО.

¹ См., например, О реабилитации репрессированных народов: Закон РСФСР от 26 апр. 1991г. № 1107-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. - 1991. - № 18. - Ст. 572.

² Это военизированное общественное объединение было создано в период осетино-ингушского территориального конфликта и представляло собой своеобразную форму местного ополчения.

В состав других казачьих обществ России также вошли представители автохтонных неславянских народов. Они исповедуют традиционную для их этносов религию, сохраняют своеобразную субкультуру, совмещающую как этнические, так и казачьи элементы. Это также усложняет выработку единой системы идентификационных признаков российского казачества.

Выявленные в структуре современного казачества группы имеют еще и внутреннюю дифференциацию, основанную на идентификации наших современников с предками по их местожительству, принадлежности к традиционнороссийским казачьим войскам, а также к «рядовым казакам» или к «казачьему дворянству» и т.п. подгруппам, отмеченным в структуре казачества на предшествующих этапах его развития.

Таким образом, структурирование современного казачества может строиться на основе различных мотивов самоидентификации, которые в реальных условиях сложно комбинируются, выделяя в качестве императивов разные идентификационные основания. Многочисленность и разнообразие субъектов самоидентификации значительно усложняет структурирование современного казачества, выработку единой модели социально-политического института казачества.

Субъектами внешней идентификации являются государство и другие политические институты, организации, а также граждане, не являющиеся казаками.

Внешняя идентификация необходима не только ее субъектам для обнаружения казачества в структуре общества, но и самому казачеству для формирования его самосознания, которое, по определению Г.В.Ф. Гегеля, «состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах».¹ Такое «созерцание» порождает в сознании социальных общностей дифференциацию общества на «своих» и «чужих». Чтобы общество могло «созерцать» и выделять казаков в социальной структуре, казачество должно постоянно демонстрировать отличительные качества во «внешних» атрибутивных формах: специфической госу-

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права // Полн. собр. соч. – М., 1990. – Т. 3. – С. 480.

дарственной и общественной деятельности, символике, одежде, ритуалах, песенно-танцевальном и ином творчестве. Эти идентификационные признаки адаптировались к изменяющимся социально-политическим условиям, модернизировались в процессе исторического развития казачества.

Внешняя общественная идентификация представляет собой процесс восприятия субъектом (обществом) и фиксации в общественном сознании фактов, подтверждающих или опровергающих соответствие качеств, наблюдаемых у идентифицируемого объекта, нормативной модели казачества, выработанной субъектом. При этом проявляется всеобщий характер закономерности, установленной Г.В.Ф. Гегелем, - общественное сознание фиксирует (признает) только те народы, которые доказывают свою самостоятельность.¹ Применительно к казачьей социальной общности, эта закономерность требует постоянной демонстрации казачеством таких устойчивых идентификационных качеств, которые доказывают его «самостоятельность» и обеспечивают закрепление в общественном, групповом и индивидуальном сознании этого представления в течение длительного времени под воздействием обучения, воспитания, других социализирующих факторов.

В Советском Союзе решалась идеологически определенная задача создания однотипной структуры общества, вследствие чего устранялись существенные отличия казачества и других социальных групп от усредненной (среднестатистической) модели советского человека. Посредством идейно ангажированной литературы, системы марксистско-ленинских наук, политической пропаганды и агитации обществу навязывались идеологизированные стереотипы представления о казачестве как архаичном сословии, выполнявшим в царской России функции порабощения трудящихся. Последствия таких идейно-воспитательных воздействий наглядно проявлялись на всех этапах советского периода истории государства и обнаруживаются в высказываниях некоторых представителей современной политической элиты.

¹ См.: Там же.

Например, в 1996 г. при обсуждении в Государственной Думе РФ проекта федерального закона о казачестве подобные негативные идентификационные признаки приписывал казачеству заместитель председателя Государственной Думы РФ М. Юрьев так аргументировал отказ в принятии обсуждавшегося законопроекта: «Глубоко порочная сущность сословности, отгораживающая казаков от остального народа, ведет к превращению значительной части казачества в своеобразные агрессивные люмпенские элементы с символом первоизданного сословного назначения – с плетью».¹

Структурный анализ общественного сознания выявил носителей, различного отношения к казачеству, выработавших разные модели его идентификации.

Опрос, проведенный в августе 1992 г. Российской социологической службой «Мониторинг» в Краснодарском крае, обнаружил, что самоидентификация и внешняя идентификация казаков не имеет безусловно совпадающих идентификационных признаков, поэтому численность казаков на Кубани определялась в широком диапазоне от 18 до 27 % от общей численности населения края.²

31 мая 2003 г. во время телепередачи «26-ой регион» Ставропольской телевещательной кампании «АТВ», посвященной проблемам казачьего движения, проводился интерактивный опрос. Телезрителям предлагали ответить на вопрос «Что такое казачество?». С вариантом ответа «Казачество - это сословие» согласились 364 респондента (30,0% от общего количества), с вариантом «Казачество - это национальность» - 502 (41,4%), с вариантом «Казачество- это исторический клуб» - 347 (28,6%).³

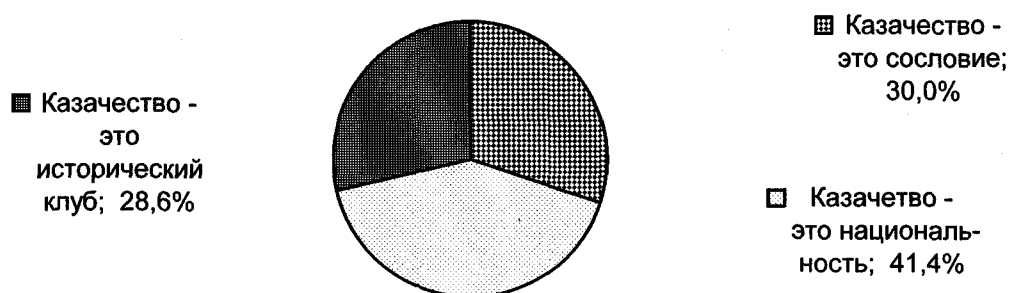
¹ Цит. по: Письмо заместителя Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации М.З. Юрьева председателю комитета Государственной Думы по делам Федерации и региональной политике Л.А. Иванченко от 1 июля 1996 г. № 1.8-12/43 // Таболина Т.В. Казачество: Формирование правового поля: В 2 т. – М., 2001. - Т. 2. - С. 42.

² См.: Андреев А.П., Панасюк Е.В. Казачье движение // Политические исследования. - 1993. - № 3. - С. 57.

³ Результаты интерактивного опроса носят ориентировочный характер из-за случайного состава респондентов.

Распределение ответов респондентов интерактивного опроса наглядно представляется на диаграмме.

График 1. Распределение ответов респондентов интерактивного опроса «Что такое казачество?»

Распределение ответов респондентов интерактивного опроса показывает, что за десять лет в общественном сознании не были выработаны четкие признаки, идентифицирующие казачество с каким-то одним конкретным типом социального учреждения.

Неоднозначность идентификационных моделей казачества обнаруживается не только в массовом, но и в научном сознании, так как интеллигенции свойственно опережающее осознание интересов социальных общностей.¹

Во второй половине 80-х гг. большой вклад в формирование социально-психологических предпосылок самоидентификации и самоорганизации казачьей социальной общности внесла научная и творческая интеллигенция. Но при тотальном идеологическом контроле КПСС, продолжавшемся до августа 1991 г., такая деятельность интеллигентов-энтузиастов не имела необходимых правовых и материальных основ, поэтому не была массовой и сосредоточивалась, в основном, в исторической науке и культуре.

12-13 ноября 1980 г. в г. Черкесске Карачаево-Черкесской автономной области прошла Всесоюзная научная конференция «Казачество в Великой Ок-

¹ Подробнее о роли интеллигенции в формировании национального самосознания см., например, Авксентьев А.В. О долге ученых в гармонизации межэтнических отношений в регионе // Этнические проблемы современности. – Ставрополь, 1999. - Вып. 5. - С. 8-16; Каширин В.И. Человек в информационной Галактике // Этнические проблемы современности. – Ставрополь, 2000. - Вып. 6. - С. 112-123 и др.

тябрьской социалистической революции и гражданской войне»¹, а 9-11 сентября 1986 г. там же была проведена вторая Всероссийская научная конференция «Казачество в революциях и гражданской войне»². Эти конференции привлекли внимание общественности к истории казачества, придали гласности некоторые ранее «закрытые» факты. Так научная и творческая интеллигенция прорвала завесу идеологического запрета на критическое осмысление и обсуждение проблем российского казачества, его истории, культуры.

Но до настоящего времени не выработаны четкие идентификационные признаки внешней общественной, в том числе и научной, идентификации казачества. Это приводит к тому, что гуманитарные науки по-разному оценивают потенциальную численность казачества в нашей стране. Так, антропологи считают, что в России 5 млн. потомков казаков, социологи – 10 млн. человек³, а МВД России - 2 млн. человек.⁴

Некоторые ученые пытаются доказать природную конфликтность казачества.⁵ Стереотипы представления казачества военно-колонизаторским словом, поработившим «вольные» автохтонные народы на их «исконных землях», навязывают общественному сознанию националистические движения, например, т. к. Конфедерация горских народов. Эта Конфедерация активно действует в местах компактного проживания терских, кубанских казаков в предгорной зоне северокавказского региона и провозглашает казачество своим основным врагом.⁶

Отмечая наличие гносеологических проблем исследования российского казачества, авторы фундаментального научно-справочного издания «Россий-

¹ См.: Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне: Материалы Всесоюз. науч. конф. – Черкесск, 1984.

² См.: Казачество в революциях и гражданской войне: Материалы второй Всесоюз. науч. конф. – Черкесск, 1988.

³ См.: Российский обзор. - 1992. - № 1-2. - С. 14.

⁴ См.: Справка о структуре казачьих обществ в Российской Федерации на 1 января 2002 г. // Делопроизводство Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. - 2002 г.

⁵ См., например, Рязанцев.С.В. Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Социологические исследования. - 2002. - № 1. - С. 77.

⁶ См., например, Касперский С. Ваххабистский спрут // Казачий Терек. - 2002. - № 7-8; Нам объявлен священный джихад // Там же. - 2003. - № 1-2 и др.

ское казачество» писали, что «о сущности такого уникального феномена, как казачество, по крайней мере, с первой половины XX в., ведется научная дискуссия. Одни исследователи рассматривают казаков как несколько обособленную часть русского народа, субэтническое образование внутри него, другие же считают возможным признать его самостоятельной этнической общностью, отдельным славянским народом. И хотя первая точка зрения выглядит в свете имеющихся в настоящее время данных более убедительной, точку в этом деле ставить пока рано, поскольку серьезных научных исследований в этой области не проводилось».¹ Поэтому при рассмотрении проблемы определения сущности казачества «следует исходить из уже сформировавшегося в обществе представления, согласно которому казачество рассматривается как исторически сложившаяся общность людей, консолидированная и самоорганизованная часть российского общества, судьба которой неразрывно связана с Россией, прежде всего русского и других народов..., современное казачество - не просто список отдельных лиц, занесенных в реестр, а и определенная территория, на которой проживает исторически сложившаяся общность людей со своей спецификой, менталитетом, традициями и обычаями, действующих по принятому Уставу и соблюдающих законы государства и субъекта Федерации, на территории которого они проживают».² Но такое определение казачества не содержит его точных идентификационных признаков, поэтому их научный поиск продолжается.

Гносеологические проблемы порождают альтернативные представления о сущности казачества, которые, в свою очередь, приводят ученых к выработке различных систем его идентификационных признаков как нации, этноса, субэтноса, суперэтноса, сословия, этносоциума, этнокультурной группы и т.п.

Некоторые современные ученые и политики, руководствующиеся автономной парадигмой описания истории казачества, представляют казачью социальную общность самостоятельным народом. Вследствие этого казачья общность получает чрезвычайно широкое определение, которое не позволяет четко выявлять ее тип и, как следствие, разрабатывать и реализовывать конкретные

¹ Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003. - С. 20.

² Там же. - С. 62.

меры для социально-политической институционализации казачества. Политическое признание правомочности претензий казаков называться народом закономерно требует его территориальной реабилитации в соответствии со статьей 3 федерального закона «О реабилитации репрессированных народов».¹ Но до 1917г. ареал жизнедеятельности казачества не ограничивался областями казачьих войск, а в советские годы социальную диффузию усилили репрессии, массовое насильственное переселение казаков на «черные» и другие малоосвоенные земли, неоднократное «перекраивание» внутренних и внешних границ государства и иные меры расказачивания. Поэтому предложения о возвращении потомков казаков на «историческую родину» представляются потенциально конфликтогенными. Как известно, принудительное переселение терских казаков в Предкавказье в 20-30-е гг. XX в. вылилось в их массовое физическое истребление. Новые идеи переселения казаков уже активно используют сепаратисты, националисты в республиках Северного Кавказа для вытеснения русских, казаков из горной зоны в степное Предкавказье и центральные регионы России.

В свою очередь, отрицание претензий казачества на его причисление к народам будет, во-первых, несправедливым ущемлением интересов социальной общности, члены которой подвергались массовым репрессиям из-за принадлежности к казачьему сословию. Как показал опрос участников Большого круга казачьих войск России (Ставрополь, 25 мая 2003 г.), 69,1 % казаков считают основной причиной возрождения казачества потребности его реабилитации.

Во-вторых, потребуются многочисленные изменения законодательной базы возрождения казачества, которая насчитывает уже более 200 законов и других федеральных правовых актов, огромный массив нормативных документов субъектов Федерации, местных органов власти и самоуправления, принятых после 1990 г. Такой «законодательный обвал» может иметь негативные последствия - активный протест значительного числа сторонников казачества и нежелательный рост социально-политической напряженности.

¹ См.: О реабилитации репрессированных народов: Закон РСФСР от 26 апр. 1991 г. № 1107-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. - 1991. - № 18. - Ст. 572.

Для научно обоснованной идентификации с нацией или этносом казачья социальная общность должна обладать определенными признаками, которые являлись предметом философского анализа, проведенного ставропольским этноконфликтологом В.А. Авксентьевым. На основе сравнительного исследования лингвистических форм определения сущности «наций», «народов», «этносов» он доказал, что многообразие интерпретаций этих понятий в отечественной научной литературе затрудняет их адекватное восприятие, и предложил точнее использовать научные категории в их первоначальном значении.¹

В целях повышения валидности характеристик казачества представляется целесообразным более широкое применение термина «этнос», который введен в научный оборот в 1965 г. антропологом Л. Мэйр и успешно используется в этнологии и других гуманитарных науках.

Характеристики казачества как этноса могут осуществляться согласно дефиниции «этноса», сформулированной Ю.В. Бромлеем. Он определял «этнос» как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую во многих поколениях совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме).²

Перечисленные отличительные признаки были присущи доминирующей части российского казачества до 1918 г. - начала Гражданской войны и массового расказачивания. До этого периода большинство казачьих семей сохраняло устойчивые этнические идентификации с предками, даже пройдя через несколько исторических эпох и изменений мест обитания. Это обеспечивало устойчивость принципов организации иррегулярной воинской службы, общинной аграрной экономики, культуры, самосознания казачества во многих поколениях. При помощи механизма социального контроля казачество отбирало из практики и закрепляло в групповом сознании, морали, этике, традициях и ри-

¹ См.: Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. - С. 22-35.

² См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. - С. 57-58.

туалах особенности «казацкого уклада жизни». Однако постоянное пополнение казачьих войск «иностранцами» и влияние других деструктивных социально-экономических, культурных и иных факторов препятствовало завершению этногенеза казачьей социальной общности, выработке у нее всех необходимых этнических качеств. Вследствие этого российское казачество не достигло состояния, необходимого для его признания самостоятельным этносом.

Не достигло оно и уровня самоорганизации, соответствующего нации, так как попытки создания самостоятельного казачьего государства оказались безуспешными.

По идейно-политическим соображениям негативное отношение к идентификации казачества с самостоятельной нацией высказывали некоторые политики. Так, в заключительной резолюции 1-го Всероссийского съезда трудовых казаков (февраль 1920 г.), принятой при участии В.И. Ленина, указывалось, что «казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа».¹ Эта позиция была обусловлена реальной угрозой выделения из состава РСФСР казачьих областей для создания самостоятельного казачьего государства в форме Союза казачьих войск Юга России в 1918-1920 гг.

Хотя российское казачество всегда было полиэтничной и поликонфессиональной общностью, некоторые казачьи идеологи обосновывают призывы к образованию самостоятельного государства Казакии (Козакии) для возрождения «казачьей нации», которой, якобы, казачья общность была до 1917 г.² Но при этом скрывался тот факт, что с XVIII в. этническим стержнем, основой всего российского казачества служили славяне - великороссы и малороссы. Они участвовали в формировании казачества не только на Северном Кавказе, но и на Яике (Урале), Сибири, Забайкалье и в других регионах.

Несомненно, русская нация, системообразующая в российском государстве, вбирала в себя другие многочисленные этносы России, ассимилировала их, формировала особенную социальную общность – народ России, в котором

¹ Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. – М., 1999. – С. 244-245.

² См., например, Казакия // Вестник Великого братства казачьих войск. - 2002. - № 2 (12).

доминировала русская основа. Поэтому российское казачество, как часть народа России, также имело очевидные признаки русской нации, ее субэтноса. Но особенности профессиональной деятельности – воинской службы, экономики и культуры, корпоративной психологии дают основания для признания казачества социальной общностью с признаками многокомпонентного субэтноса в составе народа России.

Выделение военно-служилого фактора профессиональной государственной службы в качестве главной группообразующей доминанты казачества порождает у некоторых ученых и политиков идеи восстановления в современных условиях военно-служилых обязанностей, выполнявшихся казачеством до 1917 г. Так, на основе анализа последствий прекращения специфической казачьей иррегулярной воинской службы философ А.Н. Дубинин доказывал, что «ликвидация воинских традиций казачества, связанных с его воинской службой, – есть ликвидация самого казачества как субэтноса».¹ Поэтому автор утверждал, что для возрождения казачества необходимо восстановить традиции воинской службы казаков. Однако до 1917 г. традиции, а точнее – нормы казачьей службы, утверждались государственно-правовыми актами Российской империи. Они требовали безусловного выполнения всеми мужчинами, приписанными к казачьим войскам, обязанностей долговременной иррегулярной воинской службы.

Идеи восстановления принципов и традиций казачьего военно-служилого сословия строятся на признании доминирующей роли «служилого» казачества в его генезисе даже до XVIII в.² Но социально-политические основы сословного структурирования российского общества объективно отмирали при индустриализации России еще в конце XIX в. Даже тогда казачья социальная общность была социально неоднородной. В ее структуре выделялись дворяне (преимущественно, генералы и офицеры), торговые казаки (купцы), духовенство, а также другие профессиональные группы. Процессы «естественного расказачи-

¹ См.: Дубинин А.Н. Социально-философский анализ воинских традиций казачества: Дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 1997. – С. 80.

² До 1570 г. все «вольные» казачьи общины несли службу в составе княжеских дружин и других государственных воинских формирований на договорной основе.

вания»¹ искусственно сдерживались царским правительством.² Возрождение таких традиций может привести к формированию корпоративно замкнутой социально-профессиональной общности, подобной военно-служилому сословию, каким было казачество до Октябрьской революции 1917 г. Сословный принцип дифференциации общества ограничивал права и свободы подданных Российской империи, закреплял наследуемые обязанности конкретных видов профессиональной деятельности. Для казачества такие обязанности многопрофильной иррегулярной воинской службы строго контролировались командным составом воинских частей, войсковой администрацией, духовенством и станичными обществами.

В современном постиндустриальном обществе представляется несвоевременным социальным анахронизмом политическая реанимация традиционного для царской России сословного деления общества, поэтому этносоциумная модель казачества не вызывает практического интереса.

Для разработки современной модели российского казачества важно выявить у казачества такие идентификационные качества, которые обусловлены реализацией казачьими обществами обязанностей государственной службы и других общественно необходимых функций. Их выполнение способствует социально-политической институционализации казачества, формированию его идентификационных признаков – государственно-служилых, экономических, культурных и других.

Для определения политико-правового статуса социальной общности и ее политической институционализации первостепенное значение имеет государственная идентификация. Она основана на выявлении у идентифицируемых социальных общностей устойчиво проявляемых признаков, которые характеризуют их государственные и иные статусы, а также общественно-значимые

¹ Под «естественным расказачиванием» понимается естественно-эволюционное устранение из социальной практики условий служебной, экономической и иной деятельности казаков, которые не соответствовали реальным изменениям в обществе, вступали с ними в антагонистические противоречия и устранялись, «отмирали» эволюционным путем.

² См.: Мужухоева Э.Д. Всем ходом истории // Казачество юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Доклады и сообщения на научно-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 2001. - С. 23.

функции. При этом члены социальной общности могут выявляться в обществе по наличию или отсутствию у них этнических, экономических, культурных и других качеств, служащих основанием для причисления их к определенной общности или исключения из нее.

Основы государственной идентификации формируются и фиксируются в государственно-правовых документах, содержащих нормативную модель (образ) исследуемого социального института, организации, общности, группы. Так как социальные институты имеют устойчивую систему идентификационных качеств, то государство, в основном, фиксирует их отличительные признаки в нормативных документах. Царская администрация, например, законодательно закрепляла идентификационные признаки казачьей социальной общности. В 1723 г. казачество юридически определялось как особый военно-служилый народ, а с 1835 г. – как военно-служилое сословие. Согласно такому государственно-правовому определению, основным признаком принадлежности к казачеству признавались общие для всех мужчин военно-служилые обязанности, за выполнение которых им предоставлялись некоторые экономические привилегии.

До 1917 г. принадлежность к казачьему сословию фиксировалась в официальных документах и контролировалась государственными органами и казачьими обществами, которые не допускали свободного выхода казаков из казачьих общин, изменения их местожительства и строго регламентировали другие условия жизнедеятельности всего сословия.

Таким образом, сущность государственной идентификации казачества и казаков, как ее отдельных представителей, сводится к определению уполномоченными государством органами и учреждениями наличия или отсутствия у социальных институтов, организаций, индивидов и других объектов идентификации качественных и количественных признаков, соответствующих конкретной нормативной модели (образу), выработанному государственными органами и закреплённому в законодательстве и иных государственных нормативных документах.

Утрата формальных государственных идентификационных признаков в результате советского «расказачивания» привела к тому, что принадлежность к казачьей социальной общности главным образом определялась на основе самоидентификации потомков казаков. Так, во время Всесоюзной переписи населения 1926 г. в переписных листах принадлежность к казачеству фиксировалась на основе личных устных заявлений опрашиваемых, после определения их национальности. Причем «само определение национальности было установлено на основании племенного происхождения..., к какой народности причисляет себя опрашиваемый»¹. Согласно полученным инструкциям, переписчики старались избегать указания «русской» национальности и дополнительными вопросами, разъяснениями склоняли опрашиваемых к самоидентификации с великороссами, малороссами и другими «племенами». Поэтому на основе данных Всероссийской переписи населения 1926 г. в социальной структуре общества казачество определялось не как отдельный народ или нация, а как многоплеменная социальная группа, состоявшая из представителей разных народностей.²

Из-за отсутствия документированных идентификационных показателей советские государственные органы осуществляли внешнюю идентификацию казаков по социокультурным фольклорным признакам. Согласно официальной коммунистической доктрине, устранялись социокультурные отличия всех членов общества на основе единства содержания различных по форме культур наций и других социальных групп населения СССР. При тотальном контроле ВКП (б), КПСС идентификационные различия оказывались опасными. Казаки, испытавшие массовые репрессии расказачивания, основанные на идентификационном признаке их сословной принадлежности, проявляли осторожность в самоидентификации и самоорганизации даже в конституционно разрешенных пределах. Вследствие этих обстоятельств в социально-политической структуре Советского Союза казачество не было институционализировано и не имело всех признаков особой социальной организации или общности.

¹ См., например, Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. – Ростов-на-Дону, 1926. - С. 1.

² См.: Там же.

Очевидно, в 80-х гг. XX в. в процессах идентификации членов казачьей социальной общности ведущую роль играло индивидуальное самосознание, обеспечивавшее самоидентификацию казаков. На его основе формировались групповое и общественное сознания, которые фиксировали наличие сходных и отличительных признаков тождественности индивида или социальной общности и казачества. Но самоидентификация казаков без их формальной социальной организации была недостаточной для формирования социально-политического института и выражения защиты его корпоративных интересов. Поэтому в 1980-х гг. неформальные казачьи организации стали артикулировать запросы на их государственное признание и политико-правовое оформление в виде землячеств, военно-исторических клубов и т.п. неполитических объединений.

Реализуя такие запросы, законодательные органы Российской Федерации и ее субъектов предпринимали попытки выявления и законодательного закрепления идентификационных признаков современного казачества.

Так, Верховный Совет РСФСР заимствовал из уставных документов Союза казаков самоидентификационное определение казачества как «этнокультурной общности»¹ и в статье 2 федерального закона «О реабилитации репрессированных народов»² законодательно закрепил государственное признание казачества репрессированным народом³. Эта идентификационная модель соответствовала состоянию российского казачества в Советском Союзе и в начальный период его возрождения. Тогда основой самоидентификации казаков служила их духовность, общность культурных традиций, а внешняя идентификация членов казачьей социальной общности осуществлялась на основе фольклорно-культурных показателей. Другие идентификационные признаки не име-

¹ См.: Андреев А.П., Панасюк Е.В. Казачье движение // Политические исследования. - 1993. - № 3. - С. 57.

² См., например, О реабилитации репрессированных народов: Закон РСФСР от 26 апр. 1991г. № 1107-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. - 1991. - № 18. - Ст. 572.

³ См.: Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. - М., 1997. - Вып. 2. - С. 52-63.

ли устойчивого эмпирического проявления и не могли использоваться при государственной, общественной идентификации.

Кроме того, известная поспешность редактирования указанного законопроекта в условиях быстротечного обсуждения¹ привела к появлению в его тексте терминов, имеющих низкую валидность: «Репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например, казачество), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпереселения»².

Казачество соответствует зафиксированным в законе идентификационным признакам репрессированных народов. Но сложная лексическая форма определения допускает его произвольную интерпретацию, вследствие чего казачество может ошибочно причисляться ко всем перечисленным типам социальных общностей – нациям, народностям, этническим группам, историческим культурно-этническим общностям.

Последующие правовые документы не содержали более четкого определения идентификационных признаков казачества. В частности, в указе Президента России «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» оно названо исторически сложившейся культурно-этнической общностью.³ Особое выделение

¹ По свидетельству атамана Терского войскового казачьего общества казачьего генерала В.П. Бондарева, бывшего в то время народным депутатом РСФСР, по поводу включения казачества в проект закона «О реабилитации репрессированных народов» шла острая борьба между представителями традиционных казачьих регионов и депутатами от республик Северного Кавказа.

² О реабилитации репрессированных народов: Закон РСФСР от 26 апр.1991 г. № 1107-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. - 1991. - № 18. - Ст. 572.

³ О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества: Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1992г. № 632 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1992. - № 25. - Ст. 1429.

в такой формулировке культурного компонента соответствовало политическим целям ограничения духовной сферой претензий казачества на его реабилитацию без решения экономических, административно-территориальных и иных проблем. Несмотря на запросы казаков и обещания Президента России, федеральный закон о полной реабилитации казачества не был принят, а дополнения и изменения федерального закона «О реабилитации репрессированных народов» установили такие ограничения, которые сделали практически невозможной корпоративную (сословную, социально-групповую и т.п.) реабилитацию казачества и индивидуальную реабилитацию потомственных казаков.¹

Уклонилось от конкретного определения основ идентификации казачества и правительство России, которое назвало его «специфической частью российского народа» в Основных положениях концепции государственной политики по отношению к казачеству², хотя, как представляется, научно обоснованное определение идентификационной модели казачества в этом документе должно было послужить исходной позицией для последующих конкретных социально-политических мероприятий по институционализации российского казачества.

Острые дебаты вызывали формулировки определения понятия «казачество» в законодательстве и в последующие годы. В 1995-1997 гг. в федеральных органах одновременно обсуждалось не менее десяти «казачьих» законопроектов. Один из проектов федерального закона «О казачестве» (предлагался депутатами Государственной Думы Российской Федерации Л.А. Иванченко, А.Г. Мартыновым, С.В. Сычевым, В.П. Зволинским) так характеризовал казачество: «Исторически сложившаяся общность граждан, имеющих определенные терри-

¹ См., например, О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий»: Закон Российской Федерации // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1992. - № 28. - Ст. 1624; О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий»: Закон Российской Федерации // Там же. - 1993. - № 1. - Ст. 21; О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» // Там же. - 1993. - № 32. - Ст. 1230 и др.

² О концепции государственной политики по отношению к казачеству: Пост. Правительства Российской Федерации от 22 апр. 1994 г. № 355 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 3. - Ст. 210.

тории проживания, самобытные традиции культуры, традиционные хозяйственный уклад и взаимоотношения с государством»¹. Такая формулировка не учитывала естественные и принудительные миграции казаков из мест исторического размещения их войск и позволяла произвольно трактовать «традиционные отношения с государством» в диапазоне от верноподданнических (при царизме) до антагонистических (в периоды «вольных» общин, антиправительственных восстаний служилых казаков, начальный период Советской власти).²

В альтернативном законопроекте «О российском казачестве», внесенном в Государственную Думу Президентом России в июне 1996 г., казачество вновь называлось исторически сложившейся культурно-этнической общностью³. Это показывало, что в федеральной политической элите укоренилась точка зрения о доминирующем влиянии культуры на институционализацию казачества, придававшем этому процессу неполитический социокультурный характер.

«Использовать применительно к термину «казачество» понятия «историческая общность», «этническая общность», «культурно-этническая общность», «народ» как равноправные» было предложено в проекте федерального закона «О казачьих обществах и гарантиях обеспечения их деятельности на территории Российской Федерации», подготовленном правлением Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» в 2001 г.⁴ Но отождествление разнохарактерных категорий еще больше усложняло идентификацию, поэтому не получило всеобщего одобрения политологов, этнографов, лингвистов и других ученых.

В проекте федерального закона о казачестве, который Управление Президента России по вопросам казачества в 2002 г. предлагало обсудить в казачьих обществах, приводится определение: «Казак – член казачьего общества». Такая лаконичная формулировка предоставляла большую свободу субъектам

¹ См.: Таболина Г.В. Казачество: формирование правового поля. – М., 2001. – Т. 2. – С. 46-47.

² Эти и другие неудачные формулировки впоследствии использовались для критики законопроекта и его отклонения.

³ См.: Материалы научно-практической конференции «Казачество в России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве». – Ростов-на-Дону. – 2001. – С. 1.

⁴ См.: Там же. – С. 3.

идентификации в определении критериев правомочности граждан именоваться казаками.

В октябре 2003 года Администрация Президента России направила в казачьи общества для рассмотрения и представления предложений по содержанию так называемый предварительный проект федерального закона «О государственной службе казачества»¹. 29 октября 2003 г. на расширенном заседании Комитета по социальной политике, науке, курортам, работе с общественными организациями и казачеством Государственной Думы Ставропольского края этот законопроект представлял советник Президента России Г.Н. Трошев.²

В законопроекте предлагалось следующее определение казачества: «Казачество - исторически сложившаяся культурная общность граждан, проживающих на определенных территориях, имеющих самобытные культурные традиции, традиционную форму одежды и хозяйственный уклад»³. Приведенный вариант определения сущности современного казачества не содержал главного системообразующего признака казачьей социальной общности – государственной службы. Но повторяющийся вновь культурно-этнический признак идентификации уже не соответствует изменившейся сущности казачьих обществ, которые активно институционализировались при подготовке к зачислению в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

Острую критику вызвали положения законопроекта, определявшие в качестве идентификационного признака форму одежды, которая неоднократно изменялась, адаптировалась к социальным, экономическим, природно-климатическим и иным условиям казачьей службы и быта.

Очевидно, диффузное расселение потомков казаков по всей территории России приводит к утрате и другого признака, выделенного в законопроекте как «определенные территории», так как казачьи общества, внесенные в госу-

¹ См.: Письмо руководителя Администрации Президента Российской Федерации А. Волошина от 3 октября 2003 г. № 2003 г. № А4-11706П // Текущий архив атамана Терского войскового казачьего общества. - 2003 г.

² См.: Службе казачества – поддержку закона // Казачий Терек. - 2003. - № 11.

³ Проект федерального закона «О государственной службе российского казачества», представленный на обсуждение казачьих обществ в октябре 2003 г. // Текущий архив Отдела по взаимодействию с казачеством аппарата правительства Ставропольского края. - 2003 г.

дарственный реестр, зарегистрированы в 56 субъектах Федерации, а казачьи общественные организации – в 83 субъектах. Следовательно, из 11 административно-территориальных образований, где казачество компактно проживало до 1917 года, оно распространилось практически по всей территории Российской Федерации.

Выработка идентификационной модели казачества по второстепенным признакам критиковалась участниками обсуждения в Ставрополе и в других регионах. Критические замечания по поводу законопроекта были высказаны и автором диссертации.¹ Впоследствии они направлялись в Администрацию Президента России. Но, вопреки ожиданиям, данное в предварительном варианте законопроекта определение казачества не редактировалось, а было полностью изъято из документа, вследствие чего в статье 2 проекта федерального закона «О государственной службе казачьих обществ российского казачества» сохранилось только описание понятия «казачье общество», под которым понимается «добровольное объединение граждан – некоммерческая организация казаков, которая образована в соответствии с федеральным законодательством, включена в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и члены которой в установленном порядке взяли на себя обязательства по несению государственной и иной службы».²

Так как закон о казачестве не принят, то официальная государственная идентификация основывается на различных признаках, сформулированных в законе «О реабилитации репрессированных народов», указах Президента и постановлениях правительства России.

Отсутствие четких оснований государственной идентификации казачества заставляет законодательные органы субъектов Федерации самостоятельно вырабатывать их. Так, в мае 1996 г. Государственная Дума Ставропольского

¹ См.: Службе казачества – поддержку закона // Казачий Терек. - 2003. - № 11.

² Проект федерального закона «О государственной службе казачьих обществ российского казачества», представленный на обсуждение казачьих обществ в ноябре 2003 г. // Текущий архив Отдела по взаимодействию с казачеством аппарата правительства Ставропольского края. - 2003 г.

края утвердила "Положение о казачестве в Ставропольском крае"¹. В пункте 1 этого документа определено, что «казачество – исторически сложившаяся культурно-этническая общность людей в составе населения Ставропольского края, имеющая самобытные традиции, обычаи, культуру, хозяйственный уклад, православную религию и строящая взаимоотношения с органами государственной власти Ставропольского края на основе индивидуального и коллективного выполнения обязательств по несению различных видов государственной службы»². Положение признавало, что «казаками в Ставропольском крае являются граждане Российской Федерации, относящие себя к прямым потомкам казаков, а также граждане, добровольно вступившие в установленном порядке в казачьи общества»³.

В статье 2 закона Ставропольского края «О казачестве в Ставропольском крае» дано аналогичное определение казачества: «Казачество – исторически сложившаяся культурно-этническая общность граждан в составе населения Ставропольского края, имеющая самобытные традиции, культуру, хозяйственный уклад и строящая взаимоотношения с органами государства на основе индивидуального и коллективного выполнения обязательств по несению государственной и иной службы; казак – гражданин Российской Федерации, относящий себя к прямым потомкам казаков, или гражданин Российской Федерации, добровольно в установленном порядке вступивший в казачье общество»⁴. В такой правовой форме получило закрепление сочетание принципов самоидентификации потомков казаков с их участием в государственно-служебной деятельности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр России.

Закон Краснодарского края «О реабилитации Кубанского казачества» предусмотрел возможность самоидентификации с казачеством коренных жителей края, но «принадлежность к кубанскому казачеству для лиц, прибывающих

¹ См.: О Положении о казачестве в Ставропольском крае: Пост. Государственной Думы Ставропольского края от 30 мая 1996 г. № 370-29 ГДСК // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1996. - № 6. - С. 13-19.

² Там же. - С. 14.

³ Там же.

⁴ О казачестве в Ставропольском крае: Закон Ставропольского края от 1 авг. 2003 г. № 29-КЗ // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 2003. - № 17 (119). - 15 сент. - С. 21-25.

на территорию Краснодарского края для проживания, подтверждается в судебном порядке».¹ Такое положение противоречит статье 4 этого же закона, которая устанавливала, что «кубанскими казаками признаются граждане Российской Федерации и других государств, относящие себя к прямым потомкам кубанских казаков».²

Положения закона о судебном признании принадлежности граждан к кубанскому казачеству оказалось нереальным из-за того, что идентификационные признаки не определены в политико-правовых документах, а многие потомки казаков не могут предоставить бесспорные документы о генеалогических связях с предками, служившими в казачьих войсках.

Различные идентификационные признаки казачества и казаков также содержатся в соответствующих законах Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Приморского края, Волгоградской, Оренбургской и Ростовской областей.

Отступления от традиционных идентификационных качеств казачьей социальной общности в нормативно-правовых актах наглядно прослеживаются на примере закона Республики Калмыкия «О казачестве Калмыкии». В ст. 4 этого закона записано: «Буддизм и православие - основные религиозные конфессии, традиционно исповедуемые членами казачьего войска Калмыкии». Это положение республиканского закона не соответствует историческим фактам: буддизм никогда не был традиционным для российского казачества, да и само Казачье войско Калмыкии – сугубо современное явление, так как крещеные калмыки до 1917 года входили в состав некоторых казачьих войск на правах их подразделений.

Очевидно, российские политики оказываются «заложниками» понятийного аппарата, созданного в предшествующие годы и содержащего в государственно-правовых документах многовариантные определения казачества. Вероятно, представляя сложность политических последствий уточнения спорных формулировок, законодатели не рискуют давать новые, более конкретные и

¹ О реабилитации Кубанского казачества: Закон Краснодарского края от 9 окт. 1995 г. № 15-КЗ // Кубанские новости. - 1995. - № 189. - 17 окт.

² Там же.

четкие дефиниции без их надежного научного обоснования, которое пока не было подготовлено учеными.

Последствия неточных формулировок нормативно-правовых актов, по мнению Э. Дюркгейма, порождают аномию и аномические девиации поведения.

Для наведения порядка в учете российских казаков казачьи общества пытались использовать возможности Всероссийской переписи населения 2003 г. Для этого предлагалось выделить в переписных листах отдельную графу о самоидентификации граждан с казачеством. Но инициативе казачьих обществ противодействовали органы Госкомстата РФ, и в ходе Всероссийской переписи населения 2003 г. заявления граждан об их принадлежности к казачеству не всегда фиксировались как «дополнительные сведения» после самоопределения национальности респондентов. Применение сложной многоступенчатой методики регистрации самоидентификации граждан с казачеством не позволило репрезентативно определить реальную численность граждан, относящих себя к казачьей социальной общности.

Таким образом, структурирование современной казачьей социальной общности строится на основе различных мотивов самоидентификации, которые в реальных условиях сложно комбинируются, выделяя в качестве императивов разные идентификационные основания. Вследствие этого проведенный автором диссертационного исследования опрос участников Большого круга казачьих войск России (Ставрополь, 25 мая 2003 г.) выявил различное понимание казаками сущности современного российского казачества: 48,5% респондентов считают казачество самостоятельным народом, этносом; 37,4% - субэтносом; 10,1% - сословием; 1,7% - культурно-этнической общностью; 2,6% - самостоятельным народом и сословием одновременно.

Наглядное представление о распределении ответов участников Большого круга казачьих войск России дает диаграмма.

ваться в политический институт свидетельствуют также запросы «реестровых» казачьих обществ на выполнение государственно-значимых функций. Нормативные основы для этого создают правовые документы федеральных государственных органов и большой массив нормативно-правовых документов субъектов Федерации, органов местного самоуправления, принятых в отношении казачества, которые будут рассматриваться ниже.

Идентификационные признаки других общественных формирований, имеющих «казачьи» наименования, не имеют устойчивого проявления, поэтому не признаются государством и другими общественными формированиями. Вследствие этого сущность движения за возрождение казачества можно определять как процесс реконструкции, реставрации социально-политического института казачества по признакам, характерным для разных этапов его генезиса. Таким образом, социально-политические факторы институционализации казачества вызваны ростом самосознания российских граждан, объективными потребностями развития институтов гражданского общества, обеспечивающих артикуляцию и агрегацию запросов членов казачьих объединений на получение политико-правового статуса и функций, достаточных для удовлетворения их основных корпоративных потребностей. Дополнительные предпосылки для самоорганизации и политической институционализации казачества создают межнациональные конфликты, условия проживания казаков в полиэтничных и поликонфессиональных социально-территориальных общностях республик Российской Федерации, в которых они могут реализовать свои корпоративные и личные интересы только консолидированно, при реальной поддержке органов государственной власти и муниципального управления.

2.3. Государственно-правые основы социально-политической институционализации казачества

Правовые основы жизнедеятельности казачества в Московской Руси и Российской империи формировали договоры, законы, указы, регламенты, положения и другие государственно-правовые акты, юридически закреплявшие его сословное социально-политическое положение и функции.

Советское государство, отказавшись от преемственности политико-правовой системы Российской империи, ликвидировало правовые основы казачества как сословия, выполнявшего делегированные государством общественно-значимые функции военного и гражданского управления регионами, закрепленными за казачьими войсками. В ходе Гражданской войны и в последующем периоде партийные и советские государственные органы обосновали массовые репрессии в отношении казаков, оказавших сопротивление радикальным реформам Советской власти. Одновременно некоторые политико-правовые документы декларировали формирование «красного», «трудового» казачества путем создания иррегулярных территориальных воинских частей на принципах казачьей полковой службы, организации фольклорных коллективов и т.п. методами, оказавшимися недостаточными для реинституционализации казачества.

Перестроечные реформы (1985-1991 гг.) создали правовые предпосылки для самоорганизации казачества в неполитические военно-исторические, патриотические и иные общественные объединения, деятельность которых до августа 1991 г. регламентировалась документами партийных органов.

Однако под влиянием демократических общественных движений 14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»¹, а 13 августа 1990 г.

¹ См.: О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав: Декларация Верховного

Президент СССР издал указ «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50 гг.». Но в этих документах казачество не упоминалось среди репрессированных народов, хотя соответствовало определениям граждан и социальных групп, репрессированных по политическим мотивам.

22 ноября 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Декларацию прав и свобод человека и гражданина, которая соответствует Всеобщей Декларации прав человека, утвержденной и провозглашенной Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Декларация расширила правовые гарантии гражданских инициатив, связанных с самоорганизацией общественных объединений, выражающих их интересы.

Гражданские права и свободы, декларированные политико-правовыми документами государственных органов СССР и РСФСР, активно использовались национальными движениями репрессированных народов для получения материальных ресурсов на цели реабилитации, повышения политического статуса. Этническая мобилизация способствовала формированию землячеств, диаспор, а также национально-патриотических, национально-культурных фронтов, союзов и других национально-ориентированных общественных объединений. Среди этих движений были и националистические организации, подобные радикально настроенной Конфедерации чеченского народа.¹ Они оказывали сильное воздействие на органы государственной власти и управления России с целью получения дополнительных средств для решения местных проблем в условиях нарастающего социального кризиса. Политическая элита России отреагировала на такие требования принятием закона РСФСР от 26 апреля 1991 г.

Совета СССР от 14 нояб. 1989 г. № 772-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. - 1989. - № 23. - Ст. 449.

¹ См., например: Евдокимов П. Чеченский календарь // Спецназ России. - 2000. - № 12; Попов С. Национальная политика на Северном Кавказе // Казачий Терек. - 1999. - № 2; Зорин А. Что поседем... // Там же. - 1999. - № 7; Ильин В. Если не мы, то кто... // Там же. - 2001. - № 1; Хоперская Л., Денисова Г. Современная национальная политика на Северном Кавказе (попытка анализа) // Этнополитический вестник. - 1995. - № 6; Пуляев В.Т. Этнос и национальные интересы народов России // Социально-гуманитарные знания. - 2002. - № 1 и др.

«О реабилитации репрессированных народов».¹ В этом законе казачество определялось как этнокультурная общность и впервые причислялось к народам, репрессированным Советским государством.

Закон содержал принципиально важные политические оценки депортации народов из мест их традиционного проживания и декларировал намерения государства осуществить мероприятия для их полной реабилитации по пяти направлениям: восстановление политического, территориального, культурного и социального статуса, а также возмещение материального ущерба от незаконных репрессий. Для реализации таких мер федеральные органы государственной власти и управления приняли около 200 нормативных актов.

Политико-правовой статус казачества как репрессированного народа также закрепили указ Президента России «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества»² и постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества»³. Несмотря на декларативный характер, названные документы привлекли внимание государственных органов и общественности к проблеме возрождения казачества, деятельности казачьих организаций.

Однако единая государственная политика в отношении казачества не была выработана, вследствие чего отмечались диспропорции при выделении государством материально-финансовых ресурсов на цели реабилитации репрессированных народов. Так, на мероприятия по реабилитации крымских татар из федерального бюджета в 1992 г. предоставлялось более 500 млн. руб., в 1993 г. российским немцам - 5,4 млрд. руб., балкарцам - 1,3 млрд. руб., а Министерство России по делам национальностей и региональной политики получило из

¹ См.: О реабилитации репрессированных народов: Закон Российской Федерации от 26 апр. 1991 г. № 1107-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. - 1991. - № 18. - Ст. 572.

² См.: О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества: Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 г. № 632 // Российская газ. - 1992. - 22 июня.

³ См.: О реабилитации казачества: Пост. Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. № 3321-1 // Российская газ. - 1992. - 23 июля.

федерального бюджета только 53 млн. руб. на разработку программы возрождения российского казачества.

Не были выполнены законодательно гарантированные меры по восстановлению упраздненных в советский период традиционных административно-территориальных образований – Областей Донского, Кубанского, Терского и других казачьих войск.

Так, в начале 1990-х гг. движение за возрождение российского казачества саморазвивалось без необходимой законодательной основы, что превращало первоначальную институционализацию российского казачества в спонтанный, импровизационный процесс.

Активная массовая поддержка казачьими объединениями Президента России в кризисных ситуациях 1991 и 1993 гг. вызвала обратную реакцию их поддержки правящей политической элитой: указы Президента России и постановления правительства РФ создавали политико-правовую базу для вовлечения казачества в механизм государственной власти посредством организации воинской, пограничной, правоохранительной и иной службы казаков, развития экономики, культуры, образования. Но отсутствие специального федерального закона о казачестве заставляло Президента России реагировать на запросы казачества посредством издания указов для нормативно-правового обеспечения государственной службы казаков в пограничных и внутренних войсках, решения других актуальных проблем казачьего движения, оказавшего ему поддержку в «августовском путче» (1991 г.) и политическом кризисе 1993 года. В частности, в целях укрепления законности и правопорядка, повышения престижности воинской службы казаков в марте 1993 г. был издан указ Президента Российской Федерации «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества»¹. Он установил, что граждане, относя-

¹ См.: О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северокавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке каза-

щие себя к потомкам казаков и выразившие желание совместно восстанавливать и развивать традиционные для казачества формы хозяйствования, культуры и быта, проходят военную службу, как правило, в казачьих соединениях и частях Вооруженных Сил России, в Пограничных войсках, специальных казачьих моторизованных воинских частях и частях оперативного назначения Внутренних Войск МВД России в соответствии с федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», общевойсковыми уставами Вооруженных Сил Российской Федерации.

Задачи организации воинского учета и подготовки казаков к воинской службе, призыва на военную службу и учебные сборы поручалось решать органам федеральной исполнительной власти, местного самоуправления и военного управления на местах с участием представителей казачества.

Указ Президента России создал и некоторые дополнительные условия экономической мотивации государственной службы казаков. Правительству России поручалось совместно с Советом Министров Республики Калмыкии–Хальмг-Тангч и главами администраций краев и областей северокавказского региона до 1 мая 1993 г. разработать Положение о земельных отношениях с казаками, проходящими военную службу, и особом режиме землепользования в казачьих обществах, предусмотрев в нем передачу земель на территории проживания членов казачьих обществ в частное, коллективное и общинное пользование, создание льготных условий для сельскохозяйственного производства при выполнении казачьими обществами обязательств по продаже государству сельскохозяйственной продукции.

В указе Президента России предусматривались и другие меры для решения актуальных проблем, связанных с разработкой устава российского казачества и нормативных основ местного казачьего самоуправления, созданием

чества: Указ Президента Российской Федерации от 15 марта 1993 г. № 341 // Российская газ. - 1993. - 23 марта; Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. - 1993. - № 12. - Ст. 993.

Межведомственной комиссии по делам казачества при Совете Министров – Правительстве Российской Федерации и т.п.¹

Нормотворчество федеральных органов государственной власти и управления имело тенденцию к повышению активности в 1994-1997 гг. и в 1997 г. достигло максимума: за год было принято более 20 государственно-правовых документов федерального значения. Рост нормотворческой активности Президента России в области государственно-казачьих отношений в тот период объясняется конструктивной деятельностью Главного управления казачьих войск при Президенте России. Оно не только инициировало подготовку новых правовых документов, но и самостоятельно готовило и «продвигало» на утверждение многие проекты документов, соответствовавших запросам казачьих организаций.

Одной из важных причин нормотворческой активности накануне выборов Президента России являлась борьба за электоральную поддержку казаков. В частности, указ о создании Главного управления казачьих войск Президент России Б.Н. Ельцин подписал в 1996 г. во время предвыборной поездки в Краснодарский край в присутствии многочисленных представителей казачьих организаций и прессы.²

Другой актуальный документ - проект федерального закона «О российском казачестве» - и сопроводительное письмо о его направлении на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Президент России Б.Н. Ельцин публично подписал 11 июня 1996 г. во время предвыборной встречи с казаками в г. Новочеркасске.³

Документом, радикально изменившим нормативно-правовую базу возрождения казачества, стал указ Президента России «О государственном реестре

¹ См.: Там же.

² См.: Агафонов О.В. Казачьи войска России во втором тысячелетии. – Киров, 2002. - С. 366.

³ См.: Там же.

казачьих обществ в Российской Федерации»¹, утвердивший Временное положение о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации. Оно определило порядок регистрации в государственном реестре хуторских, станичных, городских, окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ, члены которых принимали на себя обязательства по несению государственной и иной службы. При этом особо оговаривалось, что казачьи общества не имеют права создавать в своем составе военизированные объединения и вооруженные формирования.

Процедура включения казачьих обществ в государственный реестр Российской Федерации регламентировалась многочисленными конкретными нормами, которые создавали правовые основы принципиально новых, законодательно обоснованных отношений государственных органов с казачьими обществами. Временное положение предусматривало возможность включения в государственный реестр только тех войсковых казачьих обществ, которые являются самостоятельными объединениями хуторских, станичных, городских и окружных (отдельских) казачьих обществ, имеющих определенную численность, организационную структуру и принимающие на себя обязанности несения государственной и иной службы.

Особо оговоренное во Временном положении условие создания войсковых казачьих обществ в пределах территории двух и более субъектов Российской Федерации выводило органы войскового управления из структуры субъектов Федерации на федеральный уровень, «замыкало» их на специализированное структурное подразделение Администрации Президента России, которым в то время являлось Главное управление казачьих войск, а впоследствии – Управление по вопросам казачества. Вследствие такого порядка создавались правовые предпосылки всероссийской интеграции казачества и превращение

¹ О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 9 авг. 1995 г. № 835 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 33. - Ст. 3359.

его в фактор консолидации российского общества, преодоления тенденций региональной дезинтеграции казачьих обществ и их использования местными политическими лидерами в качестве собственных военизированных общественно-политических формирований.

Жесткие требования Временного положения создали конкуренцию отбора между казачьими организациями, во-первых, за признание соответствия созданных казачьих формирований государственно-правовым требованиям по уровню организованности, дисциплины и иным параметрам, во-вторых, — за право иметь наименование соответствующего традиционного казачьего войска.

Анализ содержания государственно-правовых документов и практики их применения государственными органами показывает, что с середины 1990-х гг. государство стало больше внимания уделять взаимодействию с казачьими обществами, внесенными в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. Именно такие казачьи общества стали организационной основой дальнейшего процесса институционализации российского казачества.

Возникшая при формировании казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, новая форма корпоративной общинной ответственности стала использоваться органами государственной власти для управления современным казачеством. Ограниченные государственно-правовыми нормативами «реестровые» казачьи общества стали отвечать перед государством за дисциплину и организованность казаков, результаты их служебной деятельности.

Некоторые лидеры казачьих обществ, не удовлетворенные таким изменением характера отношений с государством, отказались реорганизовывать руководимые ими казачьи общественные организации к включению в реестровые казачьи общества. Это привело к четко верифицируемому внутреннему расщеплению казачьего движения на сторонников и противников «реестрового механизма» организации казачества. Оно обнаруживается в недружелюбных взаимоотношениях атаманов казачьих обществ, внесенных в государственный

реестр Российской Федерации, и общественных объединений граждан, идентифицирующих себя с казачеством. Однако на местном, первично-бытовом уровне рядовые члены казачьих обществ, организаций и неорганизованные потомки казаков взаимодействуют, в основном, спокойно, бесконфликтно, совместно решают общие местные проблемы.

На основании личных наблюдений диссертант пришел к выводу о том, что декларированный во многих политических документах «развал казачества» на «реестровых казаков» и «казаков-общественников» носит надстроечный, командно-атаманский характер и на первичном уровне обозначается только формами организации членов казачьей социальной общности, которые имеют разную степень организованности, формализации, институционализации.

В прямой зависимости от типа казачьего объединения – общества, внесенного в государственный реестр РФ, или общественного объединения - они имеют разный политико-правовой статус и полномочия: на казачьи общества распространяется действие всех правовых актов о «реестровом» казачестве, а на казачьи общественные организации – документов, соответствующих федеральному закону «Об общественных объединениях». Это привело к дополнительному делению казачьих объединений по признаку нормативно-правовых основ их деятельности.

Указы Президента России, постановления правительства РФ, нормативные документы министерств и ведомств с 1995 года создавали предпочтительные нормативно-правовые и организационно-политические условия для развития системы казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации.

Механизм ведения государственного реестра казачьих обществ в Российской Федерации позволяет государству через «реестровые» казачьи общества оказывать управляющее воздействие на казачье движение для его приведения в соответствие с актуальными потребностями общества, государственными целями и задачами.

Однако отсутствие федерального закона о казачестве ставит казачьи общества в положение, плохо защищенное от местной бюрократии, пытающейся управлять казачьим движением по своему усмотрению, использовать его в качестве инструмента политической власти при решении межэтнических, территориальных, имущественных и других конфликтов.

В свою очередь, из-за отсутствия федерального закона органы государственной власти и местного самоуправления не всегда могут эффективно влиять на деятельность казачьих обществ, которые проявляют независимость в выборе форм и методов реализации своих обязанностей государственной и иной службы казаков.

Порядок организации государственной и иной службы казаков устанавливало положение «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе».¹ Оно предусматривало, что члены казачьих обществ «несут военную службу в порядке, установленном федеральным законодательством; привлекаются к охране государственной границы Российской Федерации в составе общественных формирований; производят и поставляют сельскохозяйственную продукцию, сырье и продовольствие для нужд Вооруженных Сил».² Привлечение казачьих обществ к таким видам службы относилось к компетенции федеральных исполнительных органов.

Положение предоставляло заинтересованным федеральным органам государственной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органам местного самоуправления права на привлечение казачьих обществ к иным видам службы, необходимым для региона, муниципального образования. К иным видам службы относились: охрана общественного порядка и объектов, находящихся в государственной и муниципальной собственности; сопровождение грузов; участие в мероприятиях, связанных с

¹ См.: О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе: Положение о привлечении членов казачьих обществ к государственной службе: Указ Президента Российской Федерации от 16 апр. 1996 г. № 563 // Российская газ. - 1996. - 24 апр.

² См.: Там же.

ликвидацией последствий стихийных бедствий и оказанием помощи пострадавшим; служба в таможенных органах Российской Федерации; участие в егерской, природоохранной и экологической службе, контроле за использованием земель; охрана лесов от пожаров, вредителей и болезней; производство, закупка и поставка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для федеральных и региональных нужд; охрана объектов обеспечения жизнедеятельности населения. Всего в документе называлось одиннадцать видов государственной и иной службы.¹

Положение заложило основу организационно-политического механизма управления казачьими обществами, внесенными в государственный реестр Российской Федерации, регламентировало порядок деятельности государственных органов и казачьих обществ, организаций в разных условиях.

Так, если на территории субъекта Российской Федерации действуют два и более казачьих обществ, не внесенных в государственный реестр, то организаторскую работу по подготовке казачьих обществ к несению государственной и иной службы возглавляет атаман того казачьего общества, которое получает на это полномочия Главного управления казачьих войск при Президенте России. Представление по этому поводу должны делать руководители органов исполнительной власти соответствующих субъектов Российской Федерации². Если в течение четырех месяцев казачье общество не включается в государственный реестр, то полномочия на реорганизационные мероприятия передаются атаману другой казачьей организации.

Для управления процессом формирования «реестровых» казачьих обществ Положение предусматривало участие в этой работе органов исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов, а также органов местного самоуправления в пределах их полномочий³.

¹ См.: Там же.

² Так атаманы и другие члены казачьих обществ ставились в непосредственную зависимость от этих государственных органов.

³ См.: Там же.

Дополнительные меры для мотивации более активного привлечения казаков к государственной и иной службе определял указ Президента России «Об экономических и иных льготах, предоставляемых казачьим обществам и их членам, взявшим на себя обязательства по несению государственной и иной службы»¹.

В целях реализации поручений Президента России, Правительство Российской Федерации утвердило Положение о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и режиме его использования², а также определило размеры безвозмездной финансовой помощи на строительство (покупку) индивидуальных жилых домов и выплат на первоначальное обзаведение хозяйством членов казачьих обществ³. Конкретная финансовая помощь оказывалась правительством России Енисейскому и Уссурийскому войсковым казачьим обществам, войсковому казачьему обществу «Всевеликое войско Донское»⁴.

В 1999 г. правительство России пыталось ввести практику разработки Федеральных целевых программ государственной поддержки казачьих обществ, включенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской

¹ См.: Об экономических и иных льготах, предоставляемых казачьим обществам и их членам, взявшим на себя обязательства по несению государственной и иной службы: Указ Президента Российской Федерации от 16 апр. 1996 г. № 564 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 17. - Ст. 1955.

² См.: Об утверждении Положения о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и режиме его использования: Пост. Правительства Российской Федерации от 8 июня 1996 г. № 667 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 3023.

³ См.: О размерах безвозмездной финансовой помощи на строительство (покупку) индивидуальных жилых домов и выплат на первоначальное обзаведение хозяйством членам казачьих обществ: Пост. Правительства Российской Федерации от 17 июля 1996 г. № 885 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 31. - Ст. 3738.

⁴ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 марта 1998 г. № 353-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 11. - Ст. 1344.

Федерации¹. Впервые такая программа, рассчитанная на 1999-2001 гг., была утверждена правительством России 21 июля 1999 г.² Основные цели Программы: разработка и реализация комплекса организационных и нормативно-правовых мер, обеспечивающих привлечение казачьих обществ и их членов к несению государственной и иной службы в сочетании с экономической деятельностью этих казачьих обществ, осуществляемой на основе традиционных для казаков форм самоуправления и хозяйствования, а также улучшение социально-экономического положения членов казачьих обществ, включенных в государственный реестр Российской Федерации, обеспечение межэтнической и социально-экономической стабильности в приграничных и других регионах России.

Задачи программы заключались в формировании эффективного механизма государственной поддержки казачьих обществ для максимального использования их созидательного потенциала, а также в развитии социальной и производственной инфраструктур на территориях деятельности казачьих обществ, осуществлении комплекса финансово-экономических и нормативно-правовых мероприятий, обеспечивающих принятие казачьими обществами и их членами обязательств по несению государственной и иной службы в сочетании с экономической деятельностью этих обществ на основе традиционных для казачества форм самоуправления, хозяйствования и культуры.

Для реализации основных целей и задач Программы предусматривалось совершенствование организационной структуры казачьих обществ, правовое и иное обеспечение социальной защиты казаков, несущих государственную и иную службу.

¹ См.: О Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ, включенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации на 1999-2001 годы: Пост. Правительства Российской Федерации от 18 янв. 1999 г. № 67 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 4. - Ст. 557

² См.: О Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ, включенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации на 1999-2001 годы: Пост. Правительства Российской Федерации от 21 июля 1999 г. № 839 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 30. - Ст. 3788.

В качестве основных стимулов для реализации Программы предусматривалось предоставление казачьим обществам льготных кредитов и мер социальной защиты, поэтому на финансирование программы планировалось выделить 1653,7 млн. руб. (в ценах 1998 г.), в том числе из федерального бюджета — 155,4 млн. руб., из бюджетов субъектов Российской Федерации и других источников — 1498,3 млн. руб.¹

Правительство полагало, что реализация Программы придаст движению за возрождение казачества целенаправленный, организованный характер, будет способствовать стабилизации социально-экономического положения и межнациональных отношений в регионах компактного проживания казаков.

Основными исполнителями мероприятий Программы назначались федеральные министерства и ведомства, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на территории которых казаки привлекались к служебной деятельности, а также казачьи общества, включенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

Для повышения ответственности исполнителей за реализацию Программы государственным заказчикам поручалось в бюджетных заявках на очередной год показывать отдельной строкой ассигнования на поддержку казачьих обществ, обеспечивать контроль за целевым использованием отпущенных средств. Устанавливалась ежеквартальная периодичность отчетов исполнителей за реализацию запланированных мероприятий по конкретным критериям оценки эффективности их результатов. Основными критериями оценки выполнения Программы должен был служить рост численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. В частности, если в период разработки Программы в государственный реестр было внесено 10 войсковых и 5 отдельных окружных казачьих обществ, которые насчитывали более 490 тыс. человек, проживавших на территории 46 субъектов Российской Федерации, то мероприятия Программы должны были

¹ См.: Там же.

обеспечить к 2001 г. увеличение состава казачьих обществ до 670 тыс. человек, не считая членов семей казаков, и привлечение к государственной и иной службе не менее 180 тыс. членов казачьих обществ.

Но в необходимом объеме целевые средства на реализацию программы из бюджета Российской Федерации и ее субъектов не выделялись, вследствие чего эта правительственная программа не выполнялась.

В целях государственной поддержки казачьих обществ, взявших на себя обязательства по производству и поставке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд, правительство России в ноябре 2000 г. дополнительно приняло постановление¹, предусматривавшее меры для обеспечения казачьих обществ автотракторной техникой, оборудованием, племенным и рабочим скотом, средствами защиты растений, удобрениями и другие.

Однако организационно-политический механизм реализации принятых правовых актов в области хозяйственной и иной деятельности казачьих обществ не был создан. Для систематизации государственной политики в отношении казачества объективно требовался специальный федеральный закон. Он должен был устранить нарастающие противоречия новых законодательных актов и ранее принятых нормативно-правовых актов о казачестве, создать нормативно-правовые, организационно-политические и иные предпосылки несения казаками государственной и иной службы.

Один из десяти вариантов законопроекта «О казачестве», внесенный в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в июне 1996 г. депутатами Л.А. Иванченко, А.Г. Мартыновым, С.В. Сычевым, В.П. Зволинским, Государственная Дума Российской Федерации принимала за основу, отклонив варианты Президента России и других участников законотворче-

¹ См.: О государственной поддержке казачьих обществ, взявших на себя обязательства по производству и поставке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд: Пост. Правительства Российской Федерации от 27 нояб. 2000 г. № 894 // Российская газ. - 2000. - 6 дек.

ского процесса. Несмотря на возражения Президента и правительства России, Совета атаманов при Главном управлении казачьи войск при Президенте России, «депутатский» вариант принимался Государственной Думой Российской Федерации в трех чтениях 20 февраля, 11 июня и 20 июня 1997 г.¹, но был отклонен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 4 июля 1997 г.² Согласительная комиссия палат посчитала нецелесообразной доработку этого варианта законопроекта со ссылкой на его концептуальную несовместимость с Конституцией и другими федеральными законами Российской Федерации³. Поэтому была начата подготовка нового законопроекта, устраняющего отмеченные недостатки. На заседании Координационного совета по делам казачества при полномочном представителе Президента России в Южном федеральном округе (Ставрополь, 24 апреля 2001 г.) начальник Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества П.С. Дейнекин докладывал, что новый законопроект «согласован на совете атаманов. Готовили его на Дону, он будет, безусловно, подвергаться изменениям, потому что будут самые видные юристы и Государственной Думы, и Совета Федерации, и Правового управления Президента над ним работать... У нас есть надежда, что при активном нашем участии этот закон может быть принят уже в этом году»⁴. Однако до настоящего времени новый проект закона о казачестве Государственной Думой Российской Федерации не рассматривался.

Наглядное представление о динамике издания Президентом и Правительством России государственно-правовых актов для обеспечения социально-

¹ См.: Государственная Дума Российской Федерации: Стенограмма заседаний. - М., 1997. - Бюллетень № 79 (221). - 20 февр. 1997 г. - С. 31-38; Государственная Дума Российской Федерации: Стенограмма заседаний. - М., 1997. - Бюллетень № 104 (246). - 11 июня 1997 г. - С. 47-48; Государственная Дума Российской Федерации: Стенограмма заседаний. - М., 1997. - Бюллетень № 109 (251). - 20 июня 1997 г. - С. 20.

² См.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Заседание двадцать второе. - М., 1997. - Бюллетень № 2 (131). - 4 июля 1997 г. - С. 9-11.

³ См.: Таболина Т.В. Государство и казаки: опыт взаимодействия. - Ростов-на-Дону, 2001. - С. 18-19.

⁴ Повышать удельный вес казачества в охране границы и общественного порядка // Казачий Терек. - 2001. - № 5.

правовой институционализации российского казачества дают таблица 1 и построенная на ее основе гистограмма.

Таблица 1. Количество нормативно-правовых документов, принятых Президентом и Правительством России, Верховным Советом РСФСР, Государственной Думой Российской Федерации для обеспечения социально-правовой институционализации российского казачества¹

Наименование показателей	Количество документов, принятых в течение соответствующего года												
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Общее количество принятых документов	2	2	3	5	7	19	24	12	11	9	3	3	3
в т.ч. указов и распоряжений Президента России	1	1	2	2	4	14	15	9	6	8	3	3	3

¹ Составлена на основе данных, опубликованных в: Нормативно-правовые акты Президента России, Правительства Российской Федерации в отношении казачества. – М., 2002.

Анализ показывает, что формирование нормативно-правовой базы возрождения казачества велось с разной степенью активности, с переменной динамикой. Так, в 1991–1994 гг. федеральные органы издали 12 правовых актов о казачестве, в том числе 6 указов и распоряжений Президента России, за 1995–1998 гг. – 62 и 42 соответствующих документа, а за 1999–2003 гг. – 29 государственно-правовых актов.

С 1998 г. наблюдается резкое снижение количества законодательных актов, принимаемых федеральными органами в отношении казачества.

В пределах своей компетенции формированием нормативной базы для решения проблем привлечения казачества к государственной и иной службе занимались федеральные министерства и ведомства.

Во исполнение указов Президента России, постановлений правительства РФ и по собственной инициативе они издавали ведомственные приказы, постановления и распоряжения, рекомендации, направленные на создание предпосылок и факторов организации государственной и иной службы членов казачьих обществ. В частности, Федеральная пограничная служба РФ разработала пакет документов о проведении экспериментов по привлечению казачьих обществ к охране Государственной границы России.

Министерство внутренних дел России стало активно развивать взаимодействие с казачеством в связи с указом Президента России «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной или иной службе»¹. В нем участие казаков в охране общественного порядка приравнивалось к государственной службе и определялись основные направления сотрудничества органов внутренних дел с казачьими обществами, внесенными в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

Организуя выполнение указа Президента России, МВД России подготовило и в июне 1994 г. направило министерствам внутренних дел республик в

¹ О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной или иной службе: Указ Президента Российской Федерации от 16 апр. 1996 г. № 563 // Российская газ. -1996.- 24 апр.

составе Российской Федерации, ГУВД, УВД краев и областей, управлениям внутренних дел на транспорте письмо «Об участии казачества в обеспечении общественного порядка». В нем признавалось, что «потенциал казачества в охране общественного порядка и борьбе с преступностью используется не в полной мере. Нередко работа органов внутренних дел в этом направлении проводится лишь эпизодически. Самостоятельные же действия казачества по обеспечению правопорядка зачастую носят элементы самоуправства, приводящие к нарушениям законности, ущемлению прав и свобод граждан»¹.

До принятия федеральных законов, регламентирующих участие граждан в охране правопорядка и борьбе с преступностью, органам внутренних дел предписывалось при взаимодействии с казачеством руководствоваться исключительно действующим федеральным законодательством, а любые казачьи формирования к охране правопорядка привлекать лишь на основании решений местных органов власти. Категорически запрещалось оснащать казачьи формирования оружием и специальными средствами, не предусмотренными законодательством.

МВД России поручало МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации совместно с органами казачьего самоуправления разработать и внести на утверждение соответствующих органов государственной власти проекты нормативных документов о формировании и деятельности добровольных казачьих дружин, отрядов содействия милиции, работающих на безвозмездной или договорной основе. На руководителей служб милиции общественной безопасности соответствующего уровня возлагалась персональная ответственность за привлечение казачьих обществ к охране общественного порядка, подготовку необходимых предложений по совершенствованию форм их участия в правоохранительной деятельности.²

¹ См.: Об участии казачества в обеспечении общественного порядка: Письмо Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 июня 1994 г. № 1/2899 // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 89.

² См.: Там же. – С. 89–90.

Ведомственные приказы МВД России переводили инициативы отдельных руководителей местных органов внутренних дел по привлечению казаков к охране общественного порядка в русло целенаправленно организованной и одобряемой государством деятельности.

В совместных документах Главного управления казачьих войск при Президенте Российской Федерации и МВД России отмечалось, что, несмотря на положительные тенденции сотрудничества казачьих обществ и милиции, не преодолены противоречия в представлении модели конкретных форм участия казаков в охране общественного порядка. По данным ВНИИ МВД России, восемь из десяти опрошенных казаков выразили желание участвовать в охране общественного порядка независимо от милиции¹.

Учитывая сложившуюся практику, МВД России предлагало министерствам внутренних дел республик в составе Российской Федерации, ГУВД и УВД краев и областей, УВДТ, наряду с мерами привлечения казачьих обществ к охране общественного порядка, незамедлительно реагировать в предусмотренном законодательством порядке на все факты самоуправства казаков, нарушения прав населения, другие нарушения законности казаками или против них².

Вопросами организации государственной и иной службы казаков занимались также Министерство сельского хозяйства и продовольствия, Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, другие министерства и ведомства.

В связи с несовершенством федерального законодательства, его отставанием от актуальных запросов казачества разработку нормативной правовой базы в пределах собственной компетенции осуществляли республиканские, краевые, областные органы государственной власти и управления, действующие в

¹ См.: О создании Координационного совета МВД России по взаимодействию с казачьими обществами: Приказ МВД России № 478 от 27 авг. 1996 г. // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 102–105.

² См.: Об участии казачества в обеспечении общественного порядка: Письмо МВД России от 28 июня 1994 г. № 1/2899 // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 89–90.

местах компактного проживания казаков. По сведениям Правительства Российской Федерации, к середине 1999 г. в субъектах Российской Федерации было издано 140 нормативно-правовых актов по проблемам казачества¹. Однако по подсчетам Т.В. Таболиной, этот процесс велся более интенсивно, и с 1991 по 1998 г. органы государственной власти 53 субъектов Российской Федерации приняли 275 нормативно-правовых актов о казачестве².

По полученным нами данным, в последующие годы в субъектах Российской Федерации продолжалась разработка нормативно-правовых актов. Были приняты: закон Карачаево-Черкесской Республики «О реабилитации Баталпашинского казачества Кубанского казачьего войска» (октябрь 2000 г.), закон Волгоградской области «О казачьих обществах, принявших обязательства по несению государственной и иной службы на территории Волгоградской области» (май 2000 г.)³, закон Ставропольского края «О казачестве в Ставропольском крае» (август 2003 г.)⁴ и другие правовые акты субъектов Федерации.

Анализ выявил зависимость нормотворческой активности в сфере институционализации казачества от общественных потребностей в стабилизации социально-политической ситуации в конкретном регионе или субъекте Федерации. Показателем общественного одобрения запросов казачества на государственно-правовое обеспечение процесса его институционализации может служить количество политико-правовых актов о казачестве, принятых законодательными и исполнительными органами субъектов Российской Федерации.

Так, общественно-политическая потребность в возрождении казачества на Северном Кавказе во многом обусловлена необходимостью выдвижения в гражданском обществе таких общественных формирований, которые, подобно

¹ См.: О Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ, включенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации на 1999-2001 годы: Пост. Правительства Российской Федерации от 21 июля 1999 г. № 839 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 30. - Ст. 3788.

² См.: Таболина Т.В. Казачество: формирование правового поля. - М., 2001. - Т. 2. - С. 51.

³ См.: Государственные акты по вопросам российского и донского казачества (1991-2000 гг.): В 2 т. - Ростов-на-Дону, 2001. - Т. 1. - С. 431-441.

⁴ См.: Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. - 2003. - № 17 (119).

традиционному российскому казачеству, консолидируют социально-территориальные общности. Например, в Терское войсковое казачье общество входят казачьи общества, действующие на территории семи субъектов Российской Федерации: Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Северной Осетии–Алании, Чечни, Ставропольского края.

Казачьи общества способны оперативно и эффективно реагировать на реальную угрозу интересам, правам и свободам законопослушного населения, независимо от его национальности и вероисповедания. При условиях внешней агрессии, внутривойсковых беспорядков, социальных кризисов и конфликтов движение за возрождение казачества получает значительную поддержку со стороны конструктивно настроенных органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений «неказачьего» населения.

Отмечаются разные темпы нормотворчества в субъектах северокавказского региона. Как показал анализ, в 1990-1996 гг. государственные органы Ставропольского края активно разрабатывали правовые основы деятельности казачьих организаций с учетом местных условий. В пределах своих полномочий они восполняли недостатки правового поля посредством разработки краевых законов и положений, постановлений главы администрации (губернатора).

29 апреля 1993 г. малый Совет Ставропольского краевого Совета народных депутатов принял решение о пакете нормативно-правовых документов, регламентирующих организацию и деятельность казачества в Ставропольском крае. Этот пакет включал Типовой устав казачьего общества, Временное положение о наделении казачьих обществ землей, Временное положение о местном референдуме по установлению казачьего местного самоуправления в населенных пунктах Ставропольского края, решение об освобождении казачьих обществ от налога в краевой бюджет¹.

¹ См.: О пакете нормативных актов, регулирующих организацию и деятельность казачества в Ставропольском крае: Решение малого Совета Ставропольского краевого Совета народных депутатов от 29 апр. 1993 г. № 40 // ВАПСК, оп. 1, д. 660, л. 12.

Постановлением главы администрации Ставропольского края от 11 ноября 1993 г. «О наименовании органов местного самоуправления в сельских населенных пунктах на территории компактного проживания казачества» предусматривалось, что в населенных пунктах, до 1917 г. являвшихся казачьими станицами и хуторами, органы местного самоуправления переименовываются в станичные (хуторские) круги, а главы органов местного самоуправления называются атаманами¹. Указанное постановление не было выполнено, как противоречащее федеральному законодательству.

Для финансовой поддержки казачьего движения Государственная Дума Ставропольского края в сентябре 1994 г. учредила краевой внебюджетный фонд «Возрождение казачества»², который пока не смог привлечь значительные инвестиции в казачью экономику и не оказал заметную финансово-экономическую поддержку казачьему движению на Ставрополье.

С учетом запросов казачьих обществ и предложений краевых министерств и ведомств, Государственная Дума Ставропольского края разработала и в мае 1996 г. утвердила Положение о казачестве в Ставропольском крае³. По содержанию этот нормативно-правовой акт подобен законам о казачестве, принятым в последующие годы в других субъектах Федерации.

В Положении даны определения понятий «казачество», «казак» и других основных терминов.⁴ Положение предусмотрело возможность создания на территории Ставропольского края системы казачьих обществ, внесенных в государственный реестр и взявших на себя обязательства по несению различных видов государственной службы, для самоорганизации и восстановления этни-

¹ См.: Ведомственный архив Правительства Ставропольского края (далее – ВАПСК), оп. 1, д. 154, л. 11.

² О создании краевого внебюджетного фонда «Возрождение казачества»: Пост. Государственной Думы Ставропольского края от 29 сент. 1994 г. // ВАПСК, оп. 1, д. 341, л. 14.

³ См.: О положении «О казачестве в Ставропольском крае»: Пост. Государственной Думы Ставропольского края от 30 мая 1996 г. № 370-29 ГДСК // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1996. - № 6. - С. 13-19.

⁴ См.: Там же. - С. 14.

ческих связей, обеспечения условий для реализации государственной политики по отношению к казачеству.¹

В Положении дано определение государственной службы казачества: профессиональная деятельность членов казачьих обществ по обеспечению полномочий государственных органов, осуществляемая в рамках взаимоотношений органов государственной власти Ставропольского края и казачьих обществ.²

Политико-правовые предпосылки для более активного привлечения казаков к государственной и иной службе, созданные Положением о казачестве в Ставропольском крае, не были реализованы в полном объеме из-за их недостаточного административно-управленческого, материального обеспечения краевыми и местными органами государственной власти и отсутствия единого организационно-политического механизма разработки и реализации государственной политики в отношении казачества.

В целях создания дополнительных политико-правовых, экономических и иных условий для социально-политической институционализации казачества на Ставрополье было принято специальное постановление Государственной Думы Ставропольского края «О порядке предоставления земельных участков казачьим обществам в Ставропольском крае»³, постановление главы администрации Ставропольского края «О мерах по формированию целевого земельного фонда» и постановление губернатора Ставропольского края «О государственной поддержке казачьих обществ Ставропольского края, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации»⁴.

¹ См.: Там же. - С. 15-16.

² См.: Там же. - С. 17.

³ См.: О положении «О порядке предоставления земельных участков казачьим обществам в Ставропольском крае»: Пост. Государственной Думы Ставропольского края от 30 мая 1996 г. № 370-29 ГДСК // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1996. - № 6. - С. 20-23.

⁴ О государственной поддержке казачьих обществ Ставропольского края, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации: Пост. Губернатора Ставропольского края от 25 марта 1999 г. № 161 // Казачий Терек. - 1999. - № 1.

Для реализации запросов казачества на возрождение традиционных форм местного самоуправления было разработано Временное положение о местном референдуме по установлению местного казачьего самоуправления в населенных пунктах края¹. Его основные положения соответствуют краевым законам «О территориальном общественном самоуправлении в Ставропольском крае»² и «О местном самоуправлении в Ставропольском крае»³. С учетом особенностей местных социально-территориальных общностей они предоставили населению возможность формирования казачьих органов территориального общественного и местного самоуправления в населенных пунктах с компактным проживанием казаков.

Согласно указанным краевым законам готовились «Рекомендации по основным направлениям реформирования структуры органов местного самоуправления с учетом традиций казачества»⁴. В них предусматривались возможности совмещения традиционных для казаков форм самоуправления и требований современного российского законодательства; разрабатывались условия формирования казачьих органов самоуправления в муниципальных образованиях, станицах, поселках и хуторах; определялись формы органов самоуправления и должностные лица: глава казачьего самоуправления – атаман, представительный орган местного казачьего самоуправления – круг, местная администрация – атаманское правление; рекомендовались способы образования руководящих органов и выборов должностных лиц; предлагались основы взаимоотношений между органами государственной власти Ставропольского края и ор-

¹ См.: О пакете нормативных актов, регулирующих организацию и деятельность казачества в Ставропольском крае: Решение малого Совета Ставропольского краевого Совета народных депутатов от 29 апр. 1993 г. № 40 // ВАПСК, оп. 1, д. 660, л. 12.

² О территориальном общественном самоуправлении в Ставропольском крае: Закон Ставропольского края от 31 дек. 1996 г. № 44-КЗ // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1997. - № 1-2 (31-32). - С. 28-37.

³ О местном самоуправлении в Ставропольском крае: Закон Ставропольского края от 31 дек. 1996 г. № 46-КЗ // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1997. - № 1-2 (31-32). - С. 53-81.

⁴ См.: Рекомендации по основным направлениям реформирования структуры органов местного самоуправления с учетом традиций казачества // Казачий Терек. - 1999. - № 2.

ганов местного казачьего самоуправления. Но эти рекомендации также не выполнены, вследствие чего запросы казаков на восстановление традиционных форм местного казачьего самоуправления не реализованы.

Краевые органы государственной власти также разрабатывали правовые документы, регламентирующие привлечение казаков к участию в правоохранительной деятельности.

Большое значение для вовлечения казаков Ставрополя в активную работу по охране общественного порядка имело Временное положение о добровольных казачьих дружинах. В мае 1994 г. его утвердил глава администрации Ставропольского края¹.

Временное положение обеспечивало преемственность правовых актов РСФСР и Российской Федерации, соответствовало действовавшему в то время Положению о добровольных народных дружинах. Оно послужило образцом, который главы администраций городов и районов края использовали для разработки местных положений о казачьих добровольных дружинах и муниципальных казачьих гвардиях.

Положение гарантировало меры социальной защиты казаков, участвующих в охране общественного порядка, в соответствии с федеральным законодательством, которое, однако, до настоящего времени не содержит гарантий государственной социальной защиты гражданских лиц, пострадавших при исполнении общественных правоохранительных функций, как это предусмотрено для лиц, состоящих на государственной службе. Поэтому казаки-дружинники реально оказывались социально незащищенными, что препятствует повсеместному развитию добровольных казачьих дружин и гвардий.

8 августа 1994 г. в райгоротделы внутренних дел края было направлено письмо УВД администрации Ставропольского края № 11/314 «Положение о

¹ Положение о добровольных казачьих дружинах в Ставропольском крае было принято до получения директивы МВД России № 1/2899 от 26 июня 1994 г.

добровольных казачьих дружинах в Ставропольском крае» и примерная программа обучения членов ДКД правовому минимуму.¹

Дополнительные возможности для участия казаков в обеспечении общественной безопасности создавало «Положение о резервных отрядах местной самообороны (общественной безопасности) в Ставропольском крае»². Оно учло геополитические особенности края и предусмотрело меры для привлечения населения, организованного в отряды местной самообороны, к обеспечению региональной и местной безопасности, правопорядка.

Положение определило, что резервные отряды местной самообороны могут: содействовать силам безопасности в обеспечении обороны населенных пунктов от террористических актов и вооруженных нападений; участвовать в охране особо важных хозяйственных объектов по перечню, определенному государственными органами и органами местного самоуправления; оказывать неотложную помощь пострадавшим при совершении террористических актов и вооруженных нападений; участвовать в ликвидации реальных или потенциальных угроз объектам жизнедеятельности и другие.

Отряды самообороны имеют резервный характер, допускающий их привлечение к активным действиям по обеспечению обороны и безопасности в особых случаях. В обычных условиях отряды самообороны (безопасности) осуществляют специальную подготовку и переподготовку их членов. Допускается возможность использования отрядов самообороны для поддержания общественной безопасности в отдельных населенных пунктах или группе населенных пунктов по решению органов местного самоуправления.

При выполнении своих задач отряды самообороны должны взаимодействовать с правоохранительными и надзорными органами, работают под их непо-

¹ ВАПСК, оп. 1, д. 154, л. 98.

² См.: О положении «О резервных отрядах местной самообороны (общественной безопасности) в Ставропольском крае»: Пост. Государственной Думы Ставропольского края от 19 дек. 1996 г. № 496-34 ГДСК // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1997. - № 1-2 (31-32). - С. 23-26.

средственным контролем. В этих целях Положение предписывает обязательное согласование вопросов создания отрядов с государственными органами, обеспечивающими общественную безопасность на соответствующей территории.

Учитывая специфику Ставропольского края, Положение предусмотрело, что в местах компактного проживания казаков отряды местной самообороны формируются на добровольной основе, с привлечением других жителей, годных по состоянию здоровья.

По усмотрению органов внутренних дел для пресечения нарушений общественного порядка и противоправных действий и для выполнения особых задач допускалась возможность вооружения отрядов.

Положение гарантировало социальную защиту членов отрядов самообороны, выполняющих основные задачи. Однако в число этих задач не включалось участие отрядов в повседневной охране общественного порядка. Поэтому действие краевого закона не распространяется на членов отрядов самообороны, занимающихся охраной общественного порядка в повседневных условиях. Члены отрядов самообороны не могут рассчитывать на получение обещанных краевым законом социальных гарантий даже в чрезвычайных ситуациях, внезапно возникающих при несении ими правоохранительной службы. Это обстоятельство снижает мотивацию участия населения в охране общественного порядка в составе отрядов местной самообороны и свидетельствует о недостаточной изученности законодателями проблем повседневной профилактической правоохранительной работы, которую в полном объеме милиция не может выполнять без сотрудничества с общественностью.

По свидетельству В.Ф. Чеботарева, атамана Ставропольского окружного казачьего общества Терского войскового казачьего общества, заведующего Отделом по взаимодействию с казачеством аппарата правительства Ставропольского края, правовое управление Администрации Президента России обнаружило противоречия краевого «Положения о резервных отрядах местной самообороны» российскому законодательству и настаивало на его отмене. Несмот-

ря на это, резервные отряды местной самообороны с 1996 г. используются для привлечения казачьих обществ к сотрудничеству с правоохранительными органами в обеспечении региональной и местной безопасности, правопорядка на территории Ставропольского края. Но эти отряды пока плохо экипированы. Вооруженные в основном охотничьим оружием, они не могут противостоять хорошо вооруженным бандитским формированиям¹. Только в 1999 г. после неоднократных вторжений чеченских экстремистов на территории Ставрополя и Дагестана Министерство обороны Российской Федерации передало ГУВД края для отрядов самообороны 1 тыс. карабинов СКС с незначительным запасом патронов². Но это оружие отрядам не выдавалось, и боеспособность, вооруженность бойцов не была приведена в соответствие с потребностями их личной и общественной безопасности, поэтому многие члены отрядов самообороны прекратили службу в них.

Государственные органы Ставропольского края в пределах своей компетенции создавали правовые основы деятельности добровольных казачьих дружин (гвардий), оставляя ряд не входящих в их компетенцию вопросов на рассмотрение федеральных органов. Но до настоящего времени отсутствуют федеральные законы, обеспечивающие реальную социальную защиту казаков, других членов добровольных правоохранительных формирований. Вследствие этого ссылки краевых законов и других нормативных актов на социальные гарантии, якобы предоставляемые в соответствии с федеральным законодательством, реальной государственно-правовой основы не имеют. В связи с таким положением атаман Терского войскового казачьего общества казачий генерал В.П. Бондарев отмечал, что «сегодня казаки, которые несут службу, практически ничем не защищены. Не дай Бог с ними что случится, семье никаких ком-

¹ См.: Повышать удельный вес казачества в охране границы и общественного порядка // Казачий Терек. - 2001. - № 5.

² Для сравнения: в Республике Дагестан отряды местной самообороны получили около 20 тыс. единиц оружия, в т.ч. и автоматического, для защиты от бандформирований, прорывавшихся на территорию республики из Чеченской Республики.

пенсаций, никакой социальной защиты нет... Нужно более защищенное положение о казачестве».¹

Снижение активности федеральных органов государственной власти в развитии правовой базы решения проблем социально-политической институционализации казачества привело к снижению нормотворческой активности в этой сфере и в субъектах Российской Федерации.

Кроме того, на этот процесс влияли и локальные, местные причины. Так, среди причин снижения нормотворческой активности государственных органов Ставропольского края обнаруживались следующие: сокращение представительства казачьих депутатов в Государственной Думе Ставропольского края, недостаточная поддержка федеральными органами нормотворческих инициатив законодательных и исполнительных органов Ставропольского края, утрата заинтересованности руководителей исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления в развитии казачьего движения, а также спад инициативности и активности казачьих обществ и их лидеров.

В связи с этим примечательно замечание начальника Управления Президента России по вопросам казачества П.С. Дейнекина, высказанное им на заседании Координационного совета по делам казачества при полномочном представителе Президента России в Южном федеральном округе (Ставрополь, 24 апреля 2001 г.): «Там, где атаман и правление не занимаются демагогией, а занимаются делом, им хватает нормативно-правовой базы, которая содержит 120 нормативно-правовых актов и федерального масштаба, и министерств, и ведомств, и субъектов Федерации... Так что вы сами не робейте и не ждите, когда федералы решат... там чиновник не понимает ситуации, которая сложилась на передовой. Он не ползал здесь вдоль Терека, не хоронил казаков ни в Стодеревской, ни в Галюгаевской, не видел перерезанные горла у мирных жителей».²

¹ См.: Повышать удельный вес казачества в охране границы и общественного порядка // Казачий Терек. - 2001. - № 5.

² См.: Там же.

В связи со сложившейся обстановкой Государственная Дума Ставропольского края с апреля 2002 г. разрабатывала проект краевого закона «О казачестве в Ставропольском крае». Ведущим в его подготовке был определен Комитет по социальной политике, науке, курортам, работе с общественными организациями и казачеством (председатель В.И. Лозовой). Наряду с депутатами, в комиссию вошли работники краевого правительства, казаки, ученые.

Диссертант, как член научно-экспертного аналитического совета при Государственной Думе Ставропольского края, был в составе подготовительной комиссии, самостоятельно разработал и внес на ее рассмотрение первый вариант законопроекта, который использовался в качестве основы для дальнейшей работы. В проекте краевого закона учитывалось не только действующее федеральное законодательство, но и опыт подготовки и реализации подобных законов в других субъектах Федерации. Разработчики законопроекта исходили из того, что формирование нормативно-правовых основ возрождения российского казачества и его привлечения к выполнению государственной и иной службы должно соответствовать интересам как казаков, так и неказачьего населения, потребностям и возможностям государства в обеспечении региональной безопасности и общественного порядка, гарантировать защиту прав и свобод всех граждан.

С учетом запросов казачьих обществ и реальных возможностей государства законопроект определял основные направления решения проблем социально-политической институционализации казачества в крае.

В проекте краевого закона особое внимание уделялось правовому регулированию хозяйственной деятельности, землевладения и землепользования казачьих обществ, реализации ими предпосылок и фактов развития казачьей экономики, культуры, системы образования и военно-патриотического воспитания населения, особенно детей и молодежи, подготовки их к воинской службе. Однако после длительного обсуждения некоторые принципиальные положения были исключены из законопроекта под предлогом отсутствия для них

государственно-правовых оснований в федеральном законодательстве. В окончательной редакции закон Ставропольского края «О казачестве в Ставропольском крае» был принят 1 августа 2003 г.¹ Даже в таком виде, не полностью удовлетворяющем запросы казачьих обществ, он служит реальной правовой основой для дальнейшей институционализации казачества в крае. В соответствии с краевым законом разработана и утверждена Губернатором Ставропольского края целевая программа «Государственная поддержка казачьих обществ Ставропольского края на 2003-2005 годы».² Она предусматривает конкретные меры содействия казачьим обществам Ставропольского окружного казачьего общества Терского войскового казачьего общества, обеспечивающего институционализацию казачества в Ставропольском крае.

Но для более эффективного решения проблем дальнейшей социально-политической институционализации казачества и его привлечения к государственной и иной службе требуются соответствующий федеральный закон, оперативное дополнение и изменение действующих государственно-правовых актов с целью их приведения в соответствие с постоянно обновляемым федеральным законодательством и запросами казачьих обществ.

Формирование нормативно-правовых основ социально-политической институционализации казачества и его привлечения к выполнению государственной и иной службы должно учитывать запросы не только казаков, но и неказачьего населения, потребности и возможности государства в обеспечении региональной безопасности и общественного порядка, при гарантированной защите прав и свобод граждан.

Казаки стараются совершенствовать нормативно-правовую базу, приводить ее в соответствие с актуальными потребностями казачества. Так, на науч-

¹ См.: О казачестве в Ставропольском крае: Закон Ставропольского края от 1 авг. 2003 г. № 29-КЗ // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 2003. - № 17 (119).

² См.: О краевой целевой программе «Государственная поддержка казачьих обществ Ставропольского края на 2003-2005 годы»: Пост. Губернатора Ставропольского края от 4 дек. 2003 г. № 595 // Делопроизводство Отдела по взаимодействию с казачеством аппарата правительства Ставропольского края. - 2003 г.

ной конференции «Казачество в России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве» (Ростов-на-Дону, 14 апреля 2001 г.) обсуждались проекты федерального закона «О казачьих обществах и гарантиях обеспечения их деятельности на территории Российской Федерации» и Концепции государственной политики в отношении казачества на 2001-2005 гг.¹, подготовленные правлением войскового казачьего общества «Всевоеликое войско Донское» с участием ведущих ученых Ростовской области.

Анализ показывает, что государственно-правовая база социально-политической институционализации российского казачества ориентирована на взаимодействие государственных органов с казачьими обществами, внесенными в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. При этом на общественные объединения граждан, идентифицирующих себя с казачеством, но не вошедших в государственный реестр, распространяются не все правовые акты, касающиеся возрождения российского казачества. В порядке, установленном для общественных объединений, уставы казачьих организаций, не входящих в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, утверждаются соответствующими республиканскими, краевыми, областными управлениями Министерства юстиции Российской Федерации. Такое положение исключает «нереестровые» казачьи организации из процесса социально-политической институционализации казачества.

Современное российское законодательство не обеспечивает корпоративную, социально-групповую реабилитацию казачества и индивидуальную реабилитацию потомственных казаков.

Не были восстановлены упраздненные советским государством традиционные для Российской империи области Донского, Кубанского, Терского и других казачьих войск. Не обеспечены ресурсы мероприятия, предусмотренные Концепцией государственной политики по отношению к казачеству. По-

¹ См.: Казачество в России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Материалы научно-практической конференции, апрель 2001 г. – Ростов-на-Дону, 2001.

этому процесс социально-политической институционализации казачества не имеет необходимого политико-правового обеспечения. Совместными усилиями государственных органов Российской Федерации, ее субъектов, казачьих обществ должны создаваться и развиваться политико-правовые основы социально-политической институционализации российского казачества, получения казачьими обществами достойного их высокого социального статуса, соответствующего ответственным задачам государственной и иной службы, обязанности выполнения которой казачьи общества, внесенные в государственный реестр Российской Федерации, приняли на себя.

Отсутствие единой идентификационной модели современного казачества сдерживает разработку и реализацию социальной политики государства в отношении этой социальной общности. Поэтому, как сообщил советник Президента России Г. Н. Трошев на Большом круге казачьих войск России (Ставрополь, 25 мая 2003 г.), начата подготовка новой Концепции государственной политики в отношении казачества, в которой предполагается уточнить определение современной сущности российского казачества.¹

Таким образом, проведенный анализ предпосылок и факторов институционализации российского казачества установил, что исторические предпосылки обусловлены генезисом казачества – его институционализацией в условиях Московской Руси и Российской империи, деинституционализацией в Советском государстве. Утратив системообразующие основания собственного институционального бытия, казачество не могло консолидированно артикулировать свои корпоративные интересы и добиваться государственной поддержки в их реализации. До 80-х гг. XX в. российское казачество представляло собой территориально разобщенную гетерогенную и поликонфессиональную социаль-

¹ См.: О состоянии российского казачества и перспективах его дальнейшего развития. Роль и место войсковых и окружных казачьих обществ в структуре общественно-государственного устройства Российской Федерации: Доклад Советника Президента России, Героя России, генерал-полковника Г.Н. Трошева // Казачий Терек. - 2003. - № 6.

ную общность, не имевшую юридически определенных идентификационных признаков, а его группообразующим фактором служила исторически предопределенная общность культурных традиций. Вследствие этого восстановление института казачества являлось объективной социально-политической проблемой, которая не решалась Советским государством по идеологическим соображениям.

Социально-политическая институционализация казачества в условиях трансформации российского общества вызвана ростом самосознания граждан, объективными потребностями развития институтов гражданского общества, обеспечивающих артикуляцию, агрегацию и реализацию требований казаков на получение политико-правового статуса и функций, достаточных для удовлетворения основных корпоративных запросов, не противоречащих общегосударственным интересам и конституционным правам других граждан.

В республиках Федерации дополнительно формируются конфликтогенные факторы, вызывающие потребности социально-политической институционализации казачества для консолидированной защиты корпоративных интересов сохранения русскоязычного населения в местах традиционного проживания.

Государственно-правовыми основами социально-политической институционализации казачества служат законодательство Российской Федерации и ее субъектов, нормативные документы казачьих объединений. Их количественные и качественные изменения соответствуют тенденциям политического процесса трансформации российского общества и совпадают с содержательно-хронологическими этапами институционализации казачества:

- до 1991 г. самоорганизация неполитических казачьих объединений проводилась на основе правовых актов СССР об общественных объединениях;
- в 1991-1994 гг. федеральные государственные органы принимали политико-правовые документы, способствовавшие развитию казачьих общественных объединений как преемников российского казачества, репрессированного

советским государством;

- в 1995-1998 гг. развивалось федеральное законодательство, обеспечивавшее формирование системы казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации;

- в 1999-2003 гг. нормотворческая активность государства в отношении казачества резко снизилась.

Дальнейшее развитие государственно-правовых основ развития современного российского казачества как социально-политического института сдерживает отсутствие специального федерального закона о казачестве, правительственных программ содействия казачьим обществам, а также нарастающие противоречия между правовыми актами, принятыми до 1998 г. федеральными органами государства для нормативного обеспечения деятельности казачьих объединений, и государственно-правовыми документами последующего периода.

Глава 3. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КАЗАЧЕСТВА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

3.1. Организационно-политический механизм институционализации казачества: структура и функции

Реализацию исторических, социальных, политических, государственно-правовых и иных предпосылок и факторов социально-политической институционализации российского казачества в современных условиях обеспечивают органы государственной власти, казачьи общества и организации, другие участники политического процесса. Вступая в упорядоченные, организованные взаимоотношения, они формируют своеобразный механизм реализации их общих целей, который можно именовать «организационно-политическим механизмом социально-политической институционализации казачества».

Понятие «механизм» в широком смысле обозначает внутреннее устройство машины (прибора, аппарата), приводящее ее в действие, или систему (устройство), определяющую порядок какого-либо вида деятельности.¹ Этот термин гуманитарные науки заимствовали из механики для обозначения совокупности взаимосвязанных и взаимозависимых социальных, политических и иных институтов и организаций, обеспечивающих достижение конкретных целей создателей механизма. Для выполнения имманентных функций механизм должен обладать целостностью, иерархичной структурированностью, целенаправленной деятельностью и другими системными качествами. В таком понимании термин «механизм» используется, например, социологией при описании системы социальных связей и отношений индивидов в конкретных условиях места и времени.² В свою очередь, понятие «система» применяется гуманитарными

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. - 20-е изд, стереотип. – М., 1988. - С. 283.

² См., например, Рабочая книга социолога. – М., 1983. - С. 459.

науками с середины XX в. для обозначения совокупности элементов, образующих целостность при их устойчивом взаимодействии, направленном на реализацию конкретных целей.¹

Основания для отождествления понятий «механизм» и «система» дает наличие общих признаков у сущностей, описываемых с их помощью.

В частности, структуры механизма и системы образуют относительно самостоятельные элементы, которые можно вычленять из целого при структурно-функциональном анализе. Все элементы механизма и системы взаимосвязаны совместной деятельностью по реализации общих стратегических целей сохранения определенного состояния объекта воздействия или его преобразования. Для функционирования всего механизма или системы каждый их элемент должен выполнять взаимозависимые имманентные функции. Причем в механизме, равно как и в системе, могут существовать элементы, контролирующие их функционирование и препятствующие их сущностным изменениям.

Деятельность механизма и системы управляется органами, которые учреждены создателями в соответствии с выработанными нормами контроля. Поддержание работоспособности механизма и системы обеспечивают внутренний и внешний контроль, применяющий позитивные и негативные санкции для поощрения точного выполнения всем механизмом, системой и их отдельными элементами предписанных норм функционирования или наказания за их нарушение, вплоть до радикальной замены элементов, порождающих дисфункции механизма, системы.

Однако механизм создается не самостоятельно, а под внешним воздействием. Он не способен к саморегенерации утраченных элементов. Поэтому системные качества могут быть присущи полностью укомплектованному механизму, выполняющему в полном объеме все его имманентные функции.

¹ См., например, Философский энциклопедический словарь / Редколл.: С.С. Аверинцев и др. - 2-е изд. - М., 1989. - С. 584-586; Краткая философская энциклопедия. - М., 1994. - С. 415 и др.

Государство и гражданское общество создают механизм социально-политической институционализации казачества для получения, с одной стороны, институционализированных форм артикуляции, агрегации и реализации корпоративных интересов казачества, и для максимального использования его потенциала в процессе реализации общественных интересов, с другой стороны. Таким образом, в институционализации заинтересовано не только казачество, но и все общество, государство. В демократических политических системах интересы государства и общества совпадают. В противном случае контролирующие органы принимают меры для исключения из механизма тех общественных формирований, которые противодействуют реализации государственных интересов или выдаваемых за них интересов правящей политической элиты. Наглядные примеры применения механизма государственного террора для уничтожения социальных институтов, противодействующих государству, дают гражданские войны, репрессии в отношении оппозиционных правящей элите представителей некоторых классов и социальных общностей. Советское государство также применяло массовые репрессии расказачивания для деинституционализации казачества, как противника его радикальных реформ строительства социализма, и его устранения из политической системы.

Системный подход позволяет представлять организационно-политический механизм институционализации казачества частью социетальной системы России, детерминирующей изучаемый процесс.

Политологический подход исследований политических аспектов института казачества учитывает основные свойства политики: всеохватывающий, всепроникающий характер, инклюзивность, императивность по отношению к другим сферам общества. Эти свойства политики проявляются в политических процессах через многочисленные и разнообразные взаимосвязи с другими явлениями и процессами общественной жизни. Организационно-политический механизм институционализации казачества включен в социетальную систему России, поэтому его сложноорганизованная структура и закономерности функ-

ционирования определяются через эмпирические показатели деятельности казачьих обществ, а также государственных и иных социальных институтов, непосредственно или косвенно влияющих на процесс институционализации казачества.

Например, основными критериями оценки деятельности государственных органов и казачьих объединений по выполнению «Федеральной целевой программы государственной поддержки казачьих обществ, включенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, на 1999-2001годы» служил рост численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.¹

Для изучения организационно-политического механизма институционализации казачества он абстрактно выделен из социетальной системы российского общества, а его количественные и качественные характеристики обнаруживаются благодаря эмпирическим проявлениям их относительной автономности и устойчивым связям с другими элементами механизма. Эти связи обеспечивают работоспособность механизма, взаимодействие всех его частей между собой и с окружающей социетальной средой, способность к реагированию механизма на внешние и внутренние воздействия.

Анализ организационно-политического механизма институционализации казачества ориентирован на выявление в его структуре основных элементов, их конкретных имманентных функций, непосредственных и опосредованных связей-отношений между ними, а также органов управления, норм контроля и санкций, обеспечивающих целенаправленную деятельность механизма.

При институциональном анализе механизм социально-политической институционализации казачества проявляется как совокупность индивидов, ка-

¹ См.: О Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ, включенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации на 1999-2001годы: Пост. Правительства Российской Федерации от 18 янв. 1999 г. № 67 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 4. - Ст. 557

зачьих обществ и организаций, государственных органов, общественных объединений, взаимодействующих в процессе приобретения казачьей социальной общностью качеств социально-политического института.

Структурно-функциональный анализ механизма обнаруживает связи-отношения между его элементами (информационно-коммуникативную систему), а также совокупность государственно-правовых и социальных норм, обеспечивающих социально-политический контроль за деятельностью казачьих объединений и организаций, государственных органов и других участников процесса институционализации казачества (нормативно-регулирующую систему).

Деятельность организационно-политического механизма детерминирована задачами, которые решают государство, общество и казачество в конкретных исторических условиях. Поэтому внешние и внутренние качества организационно-политического механизма институционализации казачества должны трансформироваться синхронно с процессом модернизации политической, экономической, социальной и духовной систем общества.

Так, в результате анализа, обнаруживается сложная, иерархично организованная многоуровневая структура организационно-политического механизма институционализации казачества. В ней имеются многообразные элементы, которые целенаправленно создавались или спонтанно формировались в предшествующие годы.

Очевидно формирование и функционирование организационно-политического механизма детерминировано конкретно-историческим макрополитическим процессом модернизации российского общества, поэтому должно осуществляться синхронно с ним. Однако в реальных условиях импровизационного реформирования политической, экономической, социальной и духовной систем России организационно-политический механизм институционализации казачества формировался также спонтанно.

В конце 80-х гг. XX в. движение за возрождение казачества начиналось стихийно, без общегосударственной концепции и без необходимого политико-правового обеспечения. Поэтому процесс не имел системно организованного характера. Отдельные элементы механизма самостоятельно создавались гражданами, идентифицировавшими себя с казачеством, а также органами государственной власти и местного самоуправления. Этот процесс не всегда осуществлялся в соответствии с государственно-правовыми актами, разработка и принятие которых всегда объективно отстает от реальных потребностей общества. В условиях аномии, вызванной кризисом советской политической системы и радикальной «демократизации» российского общества, запросы казачества на нормативное обеспечение этого процесса побуждали государственные органы к принятию федеральных законов, указов Президента и постановлений правительства России, нормативных актов федеральных министерств и ведомств, законов и других правовых документов законодательных и исполнительных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Однако организационно-политическую работу затрудняла раздробленность казачьих общественных объединений, несогласованность их стратегических целей, задач и методов деятельности. Поэтому в первой половине 1990-х гг. государственная и общественная части механизма социально-политической институционализации казачества не были систематизированы.

Для создания единого общероссийского социально-политического механизма институционализации казачества правительство России в апреле 1994 г. разработало его нормативную модель и представило ее в Концепции государственной политики по отношению к казачеству и Примерной схеме взаимодействия государства с казачьими территориальными объединениями.¹ Эти документы предусматривали конкретные меры для развития взаимодействия государства и казачества. Однако запланированные мероприятия не были реализо-

¹ См.: О концепции государственной политики по отношению к казачеству: Пост. Правительства Российской Федерации от 22 апр. 1994 г. № 355 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 3. - Ст. 210.

ваны, и формирование организационно-политического механизма по-прежнему шло импульсивно, стихийно, в большой зависимости от личностного фактора – желания политических лидеров субъектов Федерации содействовать самоорганизации и социально-политической институционализации казачества, его привлечению к государственной службе. В следствии этого с нарушениями основополагающих положений Концепции на федеральном, региональном и местном уровнях продолжалось формирование различных частей организационно-политического механизма институционализации казачества.

Согласно нормативной модели, представленной в Концепции государственной политики по отношению к казачеству, все элементы организационно-политического механизма должны выполнять функции, конкретно определенные государственно-правовыми документами. Поэтому при проведении анализа элементы механизма группируются по признакам выполнения общих и (или) однотипных функций. Вследствие этого в структуре организационно-политического механизма институционализации казачества выявляются три относительно самостоятельных функциональных системы: институциональная, информационно-коммуникативная и нормативно-регулирующая. Их элементы выполняют имманентные государственные или другие общественно значимые функции, а нарушения в их синхронной и симметричной реализации порождает «слабое звено цепи», из-за которого весь механизм теряет прочность, эффективность, работоспособность.

Институциональная система организационно-политического механизма представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых социальных, политических и иных институтов.

Все элементы механизма имеют большое количество разных по характеру (политических, экономических, культурных и т.п.) «вертикальных» (между уровнями) и «горизонтальных» (на соответствующих структурных уровнях) связей, которые образуют информационно-коммуникативную систему механизма, обеспечивающую взаимосвязь его подсистем и отдельных элементов,

стабилизирующих процесс социально-политической институционализации казачества.

Формирование и функционирование организационно-политического механизма институционализации казачества, развитие связей-отношений между его элементами осуществляется в соответствии с разнообразными по формам и содержанию социальными нормами. Среди них наиболее значимыми являются государственно-правовые акты и корпоративные нормативные документы казачьих обществ и организаций, а также нормы обычного права, выраженные в традициях, ритуалах и других формах правовой культуры. В совокупности они образуют нормативно-регулирующую систему организационно-политического механизма институционализации казачества.

Структурный анализ обнаруживает в организационно-политическом механизме три основных уровня - федеральный, региональный (в регионах и субъектах Федерации), местный, которые соответствуют трем основным уровням политической системы общества. На указанных уровнях элементы механизма имеют соответствующую компетенцию, регулируемые государством и гражданским обществом многочисленные и разнообразные «вертикальные» и «горизонтальные» связи-отношения, а также характерные для каждого элемента методы и формы деятельности.

Основу организационно-политического механизма институционализации казачества составляет институциональная система. Ее элементы – социально-политические институты и организации - непосредственно и опосредованно участвуют в социально-политической институционализации казачества.

В свою очередь, в институциональной системе выявляются государственная и общественная части, секторы.

В государственный сектор входят органы государственной власти Российской Федерации, ее субъектов и местного самоуправления (муниципального управления), участвующие в политической организации процесса социально-политической институционализации казачества. Основные функции этого сектора – интероризация казачества в механизм государственной власти посредст-

вом организации государственной службы членов казачьих обществ и реализации государственно-значимых и общественно полезных запросов членов общества, идентифицирующих себя с казачеством – декларированы в политико-правовых документах государственных органов.¹ Реализация таких целей позволяет государству сокращать социально-политическую напряженность в обществе, вызванную неудовлетворенностью многомиллионной казачьей социальной общности отсутствием у нее высокого социального статуса и ответственных государственных функций.

К государственному сектору институциональной системы относятся законодательные и исполнительные органы: на федеральном уровне - Федеральное Собрание Российской Федерации, включающее Совет Федерации и Государственную Думу; Президент и Правительство России, с подчиненными им министерствами и ведомствами; на региональном уровне субъектов Федерации - президенты республик, губернаторы краев и областей, главы других субъектов Федерации с соответствующими исполнительными органами, а также законодательные органы субъектов Федерации; на местном уровне — органы местного государственного управления (государственные администрации) и самоуправления в муниципальных образованиях. Они имеют компетенцию, которая соответствует их статусу в иерархично организованной институциональной системе и обеспечивает статусные отличия ее отдельных элементов в структуре организационно-политического механизма институционализации казачества и социетальной системе российского общества в целом. Такая структура институциональной системы механизма формировалась в течение длительного времени в соответствии с общими тенденциями модернизации российского общества и его политической системы.

До августа 1991 г. органы государственной власти в отношениях с казачеством руководствовались идейно-политическими установками органов

¹ См., например, О совершенствовании деятельности по возрождению и развитию российского казачества: Указ Президента Российской Федерации от 25 февр. 2003 г. № 249 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 9. - Ст. 850.

КПСС, поэтому лидеры казачьих объединений публично заявляли об их неполитическом характере и создавали казачьи организации в структурах краевых и областных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры¹, при краеведческих музеях и других неполитических культурно-исторических учреждениях.² Это придавало социальный характер процессу институционализации казачества, который сводился к развитию социокультурных, фольклорных факторов самоорганизации граждан, идентифицировавших себя с казачеством.

В начале 1990-х гг., в связи с включением казачества в число репрессированных народов³ и необходимостью его реабилитации, федеральные органы государственной власти создали временные консультативные органы (комитеты и комиссии) из числа представителей государственных законодательных и исполнительных органов, казачьих организаций. Например, такая комиссия была создана Президентом России для подготовки проекта закона РСФСР «О реабилитации казачества».⁴ Рабочая группа формировалась и для подготовки пакета проектов указов Президента России и постановлений правительства Российской Федерации по вопросам государственной поддержки казачества.⁵

В целях улучшения координации деятельности казачьих организаций в июле 1994 г. при Президенте Российской Федерации был образован Совет по

¹ Как сообщают первые организаторы казачьего движения на Ставрополье В. Ходарев и П. Федосов, полномочия на организацию казачьих обществ в Ставропольском крае они получили от президиума Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

² Например, в Астраханской области длительное время лидером движения за воссоздание Астраханского казачьего войска в первой половине 1990-х гг. была сотрудник Астраханского краеведческого музея А.Ф. Милейковская.

³ См.: О реабилитации репрессированных народов: Закон Российской Федерации от 26 апр. 1991 г. № 1107-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. - 1991. - № 18. - Ст. 572.

⁴ См.: О создании комиссии по подготовке проекта Закона РСФСР «О реабилитации казачества»: Распоряжение Президента Российской Федерации от 9 дек. 1991 г. № 113-рп // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. - 1991. - № 51. - Ст. 1819.

⁵ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 дек. 1995 г. № 1740-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 4. - Ст. 317.

делам казачества.¹ На этот консультативный орган, действовавший на общественных началах, возлагались обязанности подготовки Всероссийского (объединительного) казачьего круга. Организационное обеспечение деятельности Совета осуществлял Отдел по взаимодействию с партиями и общественными объединениями Администрации Президента России, а материально-техническое обслуживание - Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политики.²

Основные задачи Совета заключались в следующем: информирование Президента России о процессах, происходящих в казачьем движении; разработка предложений по государственной политике в отношении казачества и участие в подготовке проектов нормативно-правовых актов по этим вопросам; подготовка и проведение Всероссийского (объединительного) казачьего круга. Но ведя большую организаторскую работу на начальном этапе институционализации казачества, общественный Совет объективно не мог выполнять исполнительно-распорядительные государственные функции специального «казачьего» органа в системе исполнительных органов государства, поэтому он оказался недостаточно эффективным и был упразднен³, а в январе 1996 г. было образовано Главное управление казачьих войск при Президенте России (ГУКВ).⁴ Оно являлось самостоятельным подразделением Администрации Президента России и состояло из трех отделов. Основные функции ГУКВ заключались в выработке единой государственной политики возрождения и развития россий-

¹ См.: О Совете по делам казачества при Президенте Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 1994 г. № 1389 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 10. - Ст. 1118.

² См.: Об утверждении Положения о Совете по делам казачества при Президенте Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 1 дек. 1994 г. № 2141 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3333.

³ См.: О признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации в связи с упорядочением системы совещательных и консультативных органов при Президенте Российской Федерации: Указ Президента России от 9 июля 1997 г. № 711 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 28. - Ст. 3423.

⁴ См.: О Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 20 янв. 1996 г. № 67 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 4. - Ст. 266.

ского казачества, создании условий для ее реализации; организации, координации и контроле деятельности созданных на территории России казачьих обществ, включенных в государственный реестр; разработке и реализации программы государственной поддержки казачьих обществ.¹

Несмотря на активную работу ГУКВ, в феврале 1998 г. оно было выведено из структуры Администрации Президента России, но не было включено в систему исполнительных органов федеральной власти.² Созданная таким образом ситуация неопределенного положения ГУКВ в структуре федеральных органов государственной власти устранила из организационно-политического механизма специальный федеральный орган, который эффективно занимался консолидацией казачьих обществ, их подготовкой к внесению в государственный реестр Российской Федерации и организацией государственной и иной службы казаков.

Но процесс социально-политической институционализации казачества к тому времени уже приобрел всероссийские масштабы и стал необратимым.³ Для его политической организации объективно требовался единый федеральный координирующий центр. Без него государство утрачивало организационные возможности управления казачьими обществами, которые были способны самостоятельно создать свой, независимый от государства всероссийский орган управления казачьими обществами, альтернативный малорезультативным государственным учреждениям. Это могло значительно осложнить социально-политическую обстановку в регионах компактного проживания казаков и в России в целом. Понимание этого заставило политическую элиту учредить в

¹ Об утверждении Положения о Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 11 дек. 1996 г. № 1673 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 51. - Ст. 5766.

² См.: О мерах по совершенствованию структуры Администрации Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 12 февр. 1998 г. № 162 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 7. - Ст. 827.

³ См.: Поздняков А. Необратимый характер // Казачий Терек. - 1999. - № 2.

структуре федеральных органов государственной власти Управление Президента России по вопросам казачества (УПКВ)¹.

По сравнению с ГУКВ, объем полномочий нового управления уменьшился, численность аппарата сократилась с 35 до 22 штатных единиц² (фактически работало 16 штатных сотрудников). Функциональные и организационно-штатные изменения объективно снижали возможности Управления в решении проблем роста численности казачьих обществ, совершенствовании их структуры и координации деятельности.

Снижение эффективности деятельности Управления Президента России по вопросам казачества, по сравнению с ГУКВ, вызывало многочисленные претензии к нему со стороны органов казачьих обществ и мотивировало упразднение Управления в феврале 2003 г.³

Так, из федерального уровня институциональной системы организационно-политического механизма был устранен важный федеральный орган, специально уполномоченный заниматься организацией взаимодействия государства с казачьими обществами, разработкой и реализацией государственной политики в отношении казачества, регистрацией казачьих обществ в государственном реестре Российской Федерации, чинопроизводством главных чинов казачьих обществ и другими проблемами российского казачества.

Место упраздненного Управления в структуре организационно-политического механизма институционализации казачества должен был занять специальный советник Президента России. В феврале 2003 г. на эту должность

¹ Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам казачества: Указ Президента Российской Федерации от 7 авг. 1998 г. № 920 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 32. - Ст. 3846.

² См.: Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам казачества: Указ Президента Российской Федерации от 16 нояб. 1998 г. № 1397 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 47. - Ст. 5743.

³ См.: О совершенствовании деятельности по возрождению и развитию российского казачества: Указ Президента Российской Федерации от 25 февр. 2003 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 9. - Ст. 850.

был назначен генерал-полковник, Герой России Г.Н. Трошев.¹ На него возлагались обязанности по координации деятельности аппаратов полномочных представителей Президента России в федеральных округах, обеспечение методического руководства деятельностью казачьих обществ, включенных в государственный реестр Российской Федерации.²

Наши наблюдения и общение с экспертами показали, что казаки связывали с личностными качествами Г.Н. Трошева большие надежды на существенное улучшение положения дел в процессе возрождения российского казачества. Однако повышенные ожидания превышают реальную компетенцию советника Президента России, не обладающего полномочиями федеральных органов исполнительной власти, необходимых для решения актуальных проблем казачьего движения. К настоящему времени деятельность советника Президента России Г.Н. Трошева и его малочисленного аппарата, состоящего из трех работников, не оказала существенного влияния на социально-политическую институционализацию казачества. Более того, реформа федеральных органов, обеспечивавших государственную политику в отношении казачества, привела к полному разрушению федерального уровня государственного организационно-политического механизма и не обеспечила усиление регионального уровня этого сектора, так как указ Президента России от 25 февраля 2003 г. № 249 в части передачи штатных должностей расформированного УПК в аппараты полномочных представителей Президента России в федеральных округах был исполнен с нарушением декларированного замысла - переданные штатные должности замещены работниками, которые не занимаются решением методических и организационных проблем взаимодействия государственных органов и казачьих обществ. Не были выполнены и содержащиеся в указе Президента России поручения правительству Российской Федерации об определении государственных исполнительных органов для обеспечения ведения государствен-

¹ См.: О советнике Президента Российской Федерации: Распоряжение Президента Российской Федерации от 25 февр. 2003 г. № 98-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 9. - Ст. 860.

² См.: Там же.

ного реестра казачьих обществ в Российской Федерации, чиновничества казаков и решения других вопросов, ранее находившихся в ведении Управления Президента России по вопросам казачества.

На федеральном уровне государственного сектора организационно-политического механизма институционализации казачества важную роль играют федеральные органы исполнительной власти – министерства, комитеты, ведомства и т.п.

Для организации взаимодействия с казачьими обществами, их привлечения к государственной и иной службе в некоторых федеральных министерствах, ведомствах учреждались специальные организационные структуры. Так, Государственный комитет России по делам федерации и национальностей продолжительное время был ведущим государственным органом в управлении процессом возрождения казачества, и в его структуре в 1993-1996 гг. действовал Департамент по делам казачества, состоявший из отделов самоуправления и землепользования, государственной службы, культуры.¹ Но к 2001 г. в Министерстве, созданном на основе соответствующего Государственного комитета, оставался отдел в Департаменте по делам национальностей.

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации сотрудничество с казачеством обеспечивал Отдел по взаимодействию с политическими партиями и общественными объединениями, а также Координационный совет по взаимодействию с казачьими обществами.²

Для наращивания структуры государственного сектора организационно-политического механизма институционализации казачества специализированные подразделения создавали Федеральная пограничная служба России, Федеральная служба лесного хозяйства России, Министерство сельского хозяйства и

¹ См.: О структуре Государственного комитета Российской Федерации по делам федерации и национальностей: Пост. Правительства Российской Федерации от 3 июня 1993 г. № 522 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. - 1993. - № 23. - Ст. 2197.

² См.: О создании Координационного совета МВД России по взаимодействию с казачьими обществами: Приказ МВД России № 478 от 27 авг. 1996 г. // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М., 1997. - Вып. 2. - С. 102–105.

продовольствия Российской Федерации, МЧС России и другие федеральные министерства, ведомства, включенные в правительственную программу привлечения казачьих обществ к государственной и иной службе. Однако после 1998 г. такие специализированные «казачьи» структуры в министерствах и ведомствах упразднились.

На региональном уровне связь государственных органов и казачьих обществ координируют общественные советы при полномочных представителях Президента России в федеральных округах. Например, 27 ноября 2000 г. при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе был учрежден Совет по делам казачества.¹

Непосредственное взаимодействие с войсковыми и отдельными окружными (отдельскими) казачьими обществами на региональном уровне и в субъектах Российской Федерации обеспечивают органы государственной власти субъектов Федерации.

Так, в северокавказском регионе взаимодействие Федеральной пограничной службы России с казачьими обществами осуществляло Северо-Кавказское региональное управление ФПС России. Оно конструктивно сотрудничало с действующими в зоне его ответственности войсковыми казачьими обществами «Всевеликое войско Донское», Кубанское и Терское, а также с Отдельным Астраханским окружным казачьим обществом, которые включены в государственный реестр Российской Федерации и взяли на себя обязанности несения государственной службы, в том числе и невойсковой охраны Государственной границы России.

¹ Первоначально он назывался Координационным Советом по делам казачества при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе. См.: Об утверждении Положения о Совете по делам казачества при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе: Распоряжение полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе от 27 нояб. 2000 г. № 161 // Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003. – С. 552-554.

Для оказания организационной помощи казачьим общественным объединениям в их реорганизации в казачьи общества¹ практически во всех субъектах Российской Федерации в 1995 г. были созданы Комиссии по вопросам организации государственной и иной службы казачьих обществ под председательством заместителей глав администрации, заместителей губернаторов, заместителей председателей правительств. Комиссии помогали казачьим обществам устанавливать конструктивные отношения с органами государственной власти, местного самоуправления в деле организации государственной и иной службы казаков, их физического и военно-патриотического воспитания, развития казачьей культуры и системы образовательных учреждений.²

В зависимости от активности казачьих обществ и характера их отношений с политической элитой в субъектах Российской Федерации такие комиссии трансформировались в специальные организационные структуры в аппаратах исполнительных органов субъектов Федерации или утрачивались. Вследствие этого в субъектах Российской Федерации формировались различные административные структуры организационно-политического механизма, обеспечивавшие сотрудничество органов государственной власти и местного самоуправления с казачьими обществами.

Например, правительство Москвы учредило должность уполномоченного по делам казачества для организации взаимодействия с Московским городским казачьим обществом и другими казачьими организациями, действующими в Москве. В Ростовской области должность заместителя Губернатора занимает атаман войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское», казачий генерал В.П. Водолацкий, а в аппарате областного правительства создан Комитет по делам казачества.

¹ См., например, О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 9 авг. 1995 г. № 835 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 33. - Ст. 3359.

² См., например, Информационный бюллетень № 2 по государственной и иной службе казачества. – Ростов-на-Дону, 2000.

Сведения об органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, обеспечивающих взаимодействие с казачьими обществами, приведены в таблице 2.

Таблица 2. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, обеспечивающие взаимодействие с казачьими обществами (по состоянию на 1 июля 2002 г.)¹

Наименование органов	Кол-во	Наименования субъектов РФ, в которых действуют такие органы исполнительной власти
Комитеты, управления, отделы и т.п. органы по казачеству	10	г. Москва, Республики: Калмыкия, Карачаево-Черкесия; Ставропольский край; Ленинградская, Московская, Оренбургская, Ростовская, Челябинская области, Ханты-Мансийский АО
Комитеты, управления, отделы и т.п. по казачеству и другим вопросам	6	Республики: Хакасия; Краснодарский, Красноярский, Хабаровский края; Волгоградская и Омская области
Министерства (комитеты, управления и т.п.) по национальной политике	9	Республики: Алтай, Дагестан, Карелия, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Татарстан, Удмуртия; Калининградская и Тюменская области
Комитеты, управления, отделы, департаменты по другим вопросам	18	Республики: Башкортостан, Коми, Тыва, Алтайский и Приморский края; Архангельская, Владимирская, Воронежская, Иркутская, Калужская, Камчатская, Кемеровская, Липецкая, Магаданская, Новосибирская, Рязанская, Тамбовская, Томская области
Подотделы, секторы и отдельные ответственные работники в министерствах, управлениях, отделах, департаментах, ответственные за работу с казачьими обществами	37	Г. Санкт-Петербург, Республики: Адыгея, Бурятия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Марий Эл, Чечня, Чувашия; Алтайский и Хабаровский края, Амурская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Костромская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Пензенская, Пермская, Псковская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ульяновская, Читинская, Ярославская области; Еврейская АО, Таймырский АО, Ямало-Ненецкий АО
Не имеют специальных органов и ответственных работников	9	Республика Мордовия, Орловская область; Агинский Бурятский АО, Коми-Пермяцкий АО, Корякский АО, Ненецкий АО, Усть-Ордынский Бурятский АО, Чукотский АО, Эвенкийский АО

¹ Составлена на основе: Перечень государственных органов субъектов Российской Федерации, обеспечивающих сотрудничество с казачьими обществами. // Делопроизводство Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. - 2002 г.

Приведенные данные показывают, что государственные органы субъектов Российской Федерации создали разнообразные организационные формы их взаимодействия с казачьими обществами. Это указывает на то, что специализированные организационные структуры в государственных органах субъектов Федерации развиваются несинхронно и несимметрично системе казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

Своеобразный механизм взаимодействия краевых государственных органов и казачьих обществ, организаций сформирован в Ставропольском крае.

В составе краевого законодательного органа - Государственной Думы Ставропольского края - в 1993-1997 гг. работал комитет по законодательству и правам человека, в котором казачьи интересы отстаивал заместитель председателя Комитета, потомственный казак, один из организаторов казачьего движения на Ставрополье А.Я. Месечко. Его активно поддерживали некоторые другие депутаты.

Во втором составе Государственной Думы края (1997-2001 гг.) проблемами казачества по собственной инициативе занимались только отдельные депутаты.

В третьем составе Государственной Думы Ставропольского края, избранной в 2001 г., депутаты стали уделять больше внимания проблемам казачества и поручили их решение Комитету по социальной политике, науке, курортам, работе с общественными организациями и казачеством.¹

Организационные структуры механизма социально-политической институционализации казачества создавались и в исполнительных органах Ставропольского края. В 1991 г. в аппарате администрации Ставропольского края

¹ См.: Положение о комитете Государственной Думы Ставропольского края по социальной политике, науке, курортам, работе с общественными организациями и казачеством: Пост. Государственной Думы Ставропольского края от 21 февр. 2002 г. № 41-Ш ГДСК.

вводилась должность специалиста по работе с казачеством.¹ В 1993 г. в структуре аппарата администрации Ставропольского края был образован Отдел по вопросам казачества. В апреле 1994 г. этот Отдел был упразднен, а его функции переданы Департаменту по делам национальностей и казачества администрации края. В 1997 г. в структуре краевого правительства восстанавливался самостоятельный Отдел по вопросам казачества.² Впоследствии он передавался в структуру аппарата Совета по экономической и общественной безопасности края.³ В мае 2001 г. этот отдел был упразднен, а его функции переданы Отделу по связям с военнослужащими и казачеством Управления по обеспечению деятельности Совета по экономической и общественной безопасности Ставропольского края. В мае 2002 г. этот Отдел упразднялся, и в структуре аппарата правительства края был создан Отдел по взаимодействию с казачеством, имеющий более высокий статус в системе управления.

Для координации деятельности казачьих обществ и государственных органов, разработки предложений по решению проблем возрождения казачества, становления государственной и иной службы членов казачьих обществ на территории Ставропольского края в ноябре 1998 г. при Губернаторе был учрежден Совет атаманов. Он имеет статус общественного консультативного органа.⁴

Однако из-за неоднократных организационно-штатных реформ в Ставропольском крае не создана многоуровневая устойчиво сбалансированная институциональная часть государственной подсистемы организационно-политического механизма институционализации казачества, которая могла бы

¹ См.: ВАПСК, оп. 1, д. 659, л. 12.

² См.: О создании отделов по делам национальностей и по вопросам казачества правительства Ставропольского края: Пост. Губернатора Ставропольского края от 4 марта 1997 г. № 122.

³ См.: О реорганизации краевых органов исполнительной власти: Пост. Главы администрации Ставропольского края от 8 апр. 1996 г. № 206 // ВАПСК, оп. 1, д. 495, л. 56.

⁴ См.: О совете атаманов казачьих обществ при Губернаторе Ставропольского края: Пост. Губернатора Ставропольского края от 12 нояб. 1998 г. № 731 // Казачий Терек. - 1999. - № 1.

обеспечивать эффективное взаимодействие всех ветвей и уровней государственной власти с казачьими обществами.

В общественный сектор институциональной системы организационно-политического механизма входят казачьи общества и общественные объединения, политические партии, другие элементы гражданского общества, которые, помимо государства, но в большой политико-правовой зависимости от него, участвуют в социально-политической институционализации казачества или оказывают на него существенное опосредованное воздействие в качестве групп давления. В этом секторе особо выделяется совокупность казачьих обществ и организаций, созданных ими учреждений, фондов и других общественных объединений, которые нацелены на самореализацию казаками их интересов, в значительной части совпадающих с интересами государства и общества.

В «казачьей» части организационно-политического механизма можно выделить два относительно самостоятельных элемента: систему казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и неупорядоченное множество разнородных общественных объединений граждан, идентифицирующих себя с казачеством. Они формируют многоуровневую систему с элементами, поддерживающими государство («реестровые» казачьи общества, отдельные общественные объединения казаков) или стоящими в оппозиции к нему (некоторые радикальные общественные объединения граждан, причисляющих себя к казачеству).

Основным субъектом общественной части институциональной системы организационно-политического механизма являются казачьи общества, в установленном порядке внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

Казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, действуют в 70 субъектах Российской Федерации, хотя официально зарегистрированы только в 56 субъектах.

Таблица 3. Перечень субъектов Российской Федерации, в которых действуют казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации (по состоянию на 1 июля 2002 г.)

№ п.п.	Наименование казачьего общества	Наименование субъектов РФ, в которых действуют казачьи общества
1	2	3
1.	Волжское	Республики: Марий Эл, Татарстан, Чувашия, Удмуртия; Вологодская, Кировская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Нижегородская, Ярославская области
2.	Сибирское	Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Тюменская области, Ханты-Мансийская АО, Ямало-Ненецкий АО,
3.	Забайкальское	Республики: Бурятия и Саха (Якутия); Читинская область, Агинский Бурятский АО
4.	Терское	Республики: Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания, Чечня; Ставропольский край
5.	«Всевеликое войско Донское»	Волгоградская, Ростовская, Калужская области
6.	Уссурийское	Приморский край, Камчатская и Магаданская области
7.	Енисейское	Красноярский край, Республики Хакасия и Тыва
8.	Оренбургское	Курганская, Оренбургская, Свердловская, Челябинская области
9.	Кубанское	Республики: Адыгея, Карачаево-Черкесия; Краснодарский край
10.	Иркутское	Иркутская область, Усть-Ордынский АО
11.	Отдельное Астраханское окружное	Астраханская область
12.	Амурское окружное	Амурская область, Еврейская АО
13.	Балтийский отдельный казачий округ	Калининградская область
14.	Воронежское отдельное	Воронежская область
15.	Калужское отдельное	Калужская область
16.	Курское отдельное	Курская область
17.	Отдельное Московской области	Московская область
18.	Отдельное Тамбовской области	Тамбовская область

1	2	3
19.	Отдельское Тверской области	Тверская область
20.	Отдельное Сахалинское окружное	Сахалинская область
21.	Отдельное Северо-Западное окружное	Г. Санкт-Петербург, Ленинградская область
22.	Верхнекамский отдельный казачий округ	Удмуртская Республика, Пермская область
23.	Прикамский отдельный казачий округ	Пермская область, Коми-Пермяцкий АО
24.	Отдельское Липецкой области	Липецкая область
25.	Станичное Ивановской области	Ивановская область
26.	Московское городское	Г. Москва

Примечание. В структуру войскового казачьего общества «Центральное казачье войско», документы о внесении которого в государственный реестр подготовлены и проходят экспертизу в Аппарате Президента России, должны войти 8 отдельных окружных (отдельских) казачьих обществ, действующих в Воронежской, Калужской, Курской, Московской, Тамбовской, Тверской, Липецкой и Ивановской областях.

По данным Управления Президента России по вопросам казачества, в составе казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, в начале 2003 г. насчитывалось 655,4 тыс. казаков, из которых 225,6 тыс. казаков выражали желание нести государственную и иную службу.¹

В иерархии казачьих формирований выделяются уровни войсковых, окружных (отдельских), городских, станичных, хуторских обществ. Первичный уровень казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, составляют хуторские, станичные и городские казачьи общества. Они решают вопросы членства граждан в казачьих обществах, организуют не-

¹ См.: Перечень казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, на 1 января 2003 г. // Делопроизводство Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. - 2003 г.

зачьих обществ и органов государственной власти, местного (муниципального) управления. Из первичных казачьих обществ, члены которых приняли на себя обязательства по несению государственной службы и полностью соответствуют требованиям законодательства, формируется система казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации: отдельские, окружные, войсковые.

Важный структурный уровень системы реестровых казачьих обществ занимают окружные казачьи общества. Они создаются, как правило, в одном субъекте Федерации и наиболее тесно связаны с его органами государственной власти.

Для нормативно-правового обеспечения деятельности окружных казачьих обществ специальные краевые или областные законы приняты в Краснодарском, Ставропольском и Приморском краях, Волгоградской области¹. Аналогичные законы готовятся в некоторых других субъектах Федерации.

В противоположность казачьим обществам, внесенным в государственный реестр Российской Федерации, общественные объединения граждан, идентифицирующих себя с казачеством, не образовали единую систему в связи с отсутствием консолидирующей идеологии и устойчивых межорганизационных отношений. Оставшиеся вне государственного реестра казачьи общественные объединения регулярно подтверждают свое соответствие требованиям федерального закона «Об общественных объединениях».

В 2000 г. в 89 субъектах Федерации было зарегистрировано 682 казачьих общества и общественных объединения, имеющих «казачьи» наименования. В

¹ См., например, О казачестве в Приморском крае: Закон Приморского края от 27 нояб. 1997г. № 103 – КЗ // Ведомости Думы Приморского края. – 1997. - № 55. – 1 дек.; О казачестве в Ставропольском крае: Закон Ставропольского края от 1 авг. 2003 г. № 29-КЗ // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 2003. - № 17 (119). - 15 сент.; О привлечении к государственной и иной службе членов казачьих обществ Кубанского казачьего войска в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 5 нояб. 2002 г., № 539-КЗ // Кубанские новости. – 2002. - № 258. – 4 дек.; О реабилитации Кубанского казачества: Закон Краснодарского края от 9 окт. 1995 г, № 15-КЗ // Кубанские новости. - 1995. - № 189. – 17 окт. и др.

их числе было и 73 казачьих общества, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.¹

Численность общественных объединений не поддается строгому учету ввиду их нестабильного состава.²

В 2001-2003 гг. в структуре организационно-политического механизма институционализации казачества самоорганизовалась политическая партия «Казачья Россия». Она была создана по инициативе некоторых войсковых атаманов для компенсации недостатков организаторской работы Управления Президента России по вопросам казачества.³ Однако, несмотря на неразрешенность проблем, остро поставленных казаками на Большом круге казачьих войск России (Ставрополь, 25 мая 2003 г.)⁴, организационно-политический потенциал партии «Казачья Россия» не был использован для политического давления на политическую элиту для решения актуальных проблем казачьих обществ. Партия не проявила себя в ходе выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Президента России.

Другие политические партии и «неказачьи» общественные объединения проявляют интерес к казачьим обществам и организациям в основном накануне выборных и других политических кампаний для привлечения «казачьего электората» на свою сторону разнообразными посулами и эпизодическими агитационными акциями. Поэтому политические партии не имеют значительного влияния на формирование структуры организационно-политического механизма социально-политической институционализации казачества.

¹ См.: Справка о казачьих структурах (обществах, землячествах, союзах) и их численности в Российской Федерации на 15 нояб. 2000 г. // Делопроизводство Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. - 2001 г.

² Подробнее об общественных казачьих организациях см., например, Багатырев В.Д., Изюмов А.И., Матвеев О.В. Союз казаков России: 1990-2000. - М., 2000; Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казачьих войск России и Зарубежья. - Ростов-на-Дону, 2000; Российское казачество: Научно-справочное издание. - М., 2003. - С.495-520.

³ См.: Об отношении казаков к созданию казачьей партии: Доклад войскового атамана Волжского казачьего войска казачьего полковника Гусева Б.Н. // Казачий Терек. - 2003. - № 6.

⁴ См.: Казачий Терек. - 2003. - № 6.

Структурный анализ обнаруживает в организационно-политическом механизме институционализации казачества и другие социальные, экономические, культурно-просветительные, научно-образовательные и иные элементы, относящиеся к государственному или общественному секторам институциональной системы механизма в зависимости от их учредителей.

Информационно-коммуникативную систему организационно-политического механизма институционализации казачества образуют связи-отношения, возникающие между элементами институциональной системы механизма в процессе их деятельности. Элементы механизма обладают определяющими их социальными, политическими статусами и соответствующими функциями, информацию о которых они сообщают другим участникам (элементам) процесса при общении с ними. Такая информация необходима всем элементам институциональной системы для определения принципов, методов и других параметров их взаимодействия, которое обеспечивает устойчивые, многократные, постоянные или эпизодические, фрагментарные, разовые коммуникации, связи-отношения казачьей социальной общности с другими социальными и иными институтами российского общества.

Важная роль в установлении связей государства и казачьих обществ принадлежит специализированным институтам механизма - подразделениям государственных органов, подобных Главному управлению казачьих войск или Управлению Президента России по вопросам казачества, координационным советам при федеральных министерствах и ведомствах, Совету по делам казачества при полномочном представителе Президента РФ в Южном федеральном округе, Отделу по взаимодействию с казачеством аппарата правительства и Совету атаманов казачьих обществ при Губернаторе Ставропольского края.

В прошлые годы государственные органы имели опыт установления эффективных информационно-коммуникативных отношений с казачьими обществами. Например, Координационный совет МВД России готовил аналитические материалы об опыте сотрудничества органов внутренних дел и казачьих

обществ в охране общественного порядка, разрабатывал предложения по совершенствованию форм и методов их взаимодействия. По предложению Координационного совета 5 января 1997 г. принимались совместные рекомендации Главного управления казачьих войск при Президенте России и МВД России «О взаимодействии членов казачьих обществ, внесенных в Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, с органами внутренних дел»¹. В них отмечался положительный опыт совместной деятельности казачьих обществ с органами внутренних дел в некоторых регионах, где использовались такие формы совместной работы, как долгосрочное планирование, проведение совместных семинаров и совещаний по актуальным вопросам, организация правовой подготовки казаков силами сотрудников органов внутренних дел и другие.²

Однако упразднение Управления Президента России по вопросам казачества и других специализированных структурных подразделений, обеспечивавших сотрудничество с казачьими обществами, привело к деструктивным изменениям организационно-политического механизма, нарушениям ранее налаженных связей-отношений между его элементами.

Нормативно-регулирующую систему механизма институционализации составляют законы, подзаконные акты, нормы обычного права, обеспечивающие регулирование (саморегулирование) процесса социально-политической институционализации казачества в современных условиях. Именно эта система определяет допустимые пределы содержания и форм элементов институциональной системы и связей-отношений между ними.

¹ В тот период были подготовлены аналогичные директивные указания и другими федеральными ведомствами, что породило уверенность казаков в их востребованности для государственной службы.

² См.: О взаимодействии членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации, с органами внутренних дел: Совместные рекомендации ГУКВ и МВД России // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 105–107.

По субъектам нормотворчества нормативно-правовые акты можно подразделять на государственные, ведомственные и документы казачьих объединений.

Основу правового регулирования деятельности организационно-политического механизма возрождения казачества – его нормативно-регулирующую систему – создает современное законодательство Российской Федерации. Оно включает нормативно-правые акты, непосредственно и опосредованно регулирующие состояние и деятельность организационно-политического механизма институционализации казачества и обеспечивающие государственный и общественный контроль за ним.

В нормативно-регулирующей подсистеме выделяются уровни компетентного правового регулирования. Такие органы государственной власти и управления, местного самоуправления издают нормативно-правовые акты, обязательные для исполнения всеми гражданами, находящимися на территории, подведомственной нормотворческим органам соответствующего уровня: нормативно-правовые акты, изданные законодательными органами федерального, регионального (в субъектах Российской Федерации) уровней, правомочно действуют соответственно на всей территории Российской Федерации, в ее отдельных субъектах или в конкретных муниципальных образованиях.

Нормативные документы министерств, ведомств и т.п. органов управления регламентируют деятельность только подчиненных им учреждений и организаций на всех уровнях компетентного администрирования.

Нормативные документы, принятые казачьими обществами, внесенными в государственный реестр Российской Федерации, приводятся в соответствие с законодательными актами органов государственной власти и управления, местного самоуправления, на территории или в ведомственной сфере которых действуют казачьи общества. Директивные документы казачьих обществ имеют корпоративный характер и их обязаны исполнять только члены казачьих

обществ. Никто не может быть принужден к выполнению решений казачьих обществ и иных общественных объединений против его воли.

Таким образом, организационно-политический механизм институционализации казачества представляет собой совокупность государственных институтов и общественных объединений, которые взаимодействуют в процессе восстановления в структуре российского общества казачьей социальной общности и обеспечения ее социально-политической институционализации, под которой понимается приобретение казачеством качественных характеристик социально-политического института и имманентных для него функций.

В начале XXI века систематизация организационно-политического механизма институционализации российского казачества не закончена. Нормативная модель российского казачества, разработанная правительством России в Концепции государственной политики по отношению к казачеству¹, не реализована и не соответствует современному состоянию политической системы российского общества. Поэтому в структуре механизма обнаруживаются разнородные, трудно совместимые подсистемы, элементы.

Каждый элемент механизма выполняет имманентные государственные или общественные взаимосвязанные функции, из-за чего несинхронное и несимметричное развитие этих подсистем порождает «слабое звено цепи», из-за которого весь механизм теряет прочность, эффективность, работоспособность.

Следствием реформ, разрушивших федеральный уровень государственного сектора организационно-политического механизма институционализации казачества и не укрепивших его региональный уровень, стали:

- замедление процесса институционализации казачества и переход его в предкризисный режим функционирования;

¹ См.: Концепции государственной политики по отношению к казачеству: Пост. Правительства Российской Федерации от 22 апр. 1994 г. № 355 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 3. - Ст. 210.

- прекращение количественного и качественного роста казачьих обществ;
- рост противоречий между запросами казачества на несение государственной службы и реальными условиями ее организации;
- увеличение верифицируемых оснований для нарастания в корпоративном сознании казачества негативных оценок отношения к нему государства.

Работоспособность организационно-политического механизма в субъектах Федерации обеспечивают органы государственной власти и местного (муниципального) управления, которые создают для этого дополнительные законодательные, организационные, финансово-экономические и иные основы, привлекают казачьи общества и организации к решению местных политических и иных проблем. Вследствие разрозненных действий политической элиты в федеральном центре и на местах созданы разнотипные органы государственной власти, сотрудничающие с казачьими обществами и организациями, по-разному развиваются нормативно-правовые основы их деятельности.

Отсутствие в структуре организационно-политического механизма социально-политической институционализации казачества специализированных федеральных государственных органов, взаимодействующих с казачьими обществами, несогласованность подобных элементов механизма на региональном уровне и в субъектах Федерации, муниципальных образованиях приводят к тому, что современный организационно-политический механизм не выполняет в полном объеме функции социально-политической институционализации казачества, артикуляции, агрегации и реализации интересов граждан, идентифицируемых с российским казачеством.

3.2. Тенденции развития российского казачества как социально-политического института

О большом интересе политической науки и практики к проблемам развития казачества в современных условиях свидетельствуют диссертационные работы¹, книги и статьи российских и зарубежных ученых², материалы научных конференций³.

Некоторые данные о процессе формирования и развития казачьих обществ и организаций приведены в монографиях О.В. Агафонова⁴ и Т.В. Таболиной⁵.

Более полные сведения о современном казачестве представлены в коллективной монографии «Российское казачество»¹. Их анализ показывает, что

¹ См.: Бровка Н.В. Социологические и правовые аспекты сотрудничества органов внутренних дел с территориальными объединениями казачества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996; Ковалева О.В. Политико-правовые аспекты статуса казачества в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003; Титлина Е.Ю. Политика российского государства в формировании дальневосточного казачества: сущность, особенности, перспективы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1996; Товченко Р.Б. Казачество в политическом процессе постсоветской России (на примере Поволжья): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003; Шаповалова Я.В. Организационно-правовые основы возрождения российского казачества в постсоветский период: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000 и др.

² См., например, Богатырев В.Д., Изюмов А.И., Матвеев О.В. Союз казаков России: 1990-2000. – М., 2000; Глушенко В.В. Казаки Отечества былого и нынешнего. – Ростов-на-Дону., 1995; Государственное становление казачества. 1996-1998 гг. – М., 1998; Егоров Т.П. Казаки. Воскресение. – Чебоксары, 1996; Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность: эволюция, политика, теория. – Ростов-на-Дону, 1995; Мухин А., Прибыловский В. Казачье движение в России и странах ближнего зарубежья (1988 – 1994 годы): В 2 т. – М., 1994; Сергеев В.Н. Движение за возрождение казачества. – Ростов-на-Дону, 1994; Скорик А.П., Лукичев П.Н. Станица или столица: культурологический аспект возрождения казачества // Политические исследования. – 1992. - № 3; Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казачьих войск России и Зарубежья. – Ростов-на-Дону, 2000; Трут В.П. Казачество: происхождение, сущность, реалии, перспективы. – Ростов-на-Дону, 1997; Хоперская Л., Харченко В. Состояние казачьего движения на Северном Кавказе // Возрождение казачества: надежды и опасения. – М., 1998 и др.

³ См., например, Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф. – Ставрополь, 1992; Возрождение казачества: История и современность. – Новочеркасск, 1995; Становление казачьего самоуправления: Материалы научно-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 1998 и др.

⁴ См.: Агафонов О.В. Казачьи войска России во втором тысячелетии. – Киров, 2002.

⁵ См.: Таболина Т.В. Государство и казаки: опыт взаимодействия. – Ростов-на-Дону, 2001; Она же. Казачество: формирование правового поля: В 2 т. – М., 2001 и др.

гносеологические проблемы исследования сложного, противоречивого феномена российского казачества обусловили появление многочисленных теоретико-методологических подходов к изучению казачества как самостоятельного народа, этноса, субэтноса, культурно-этнической общности, сословия и т.д., выработку альтернативных оптимистичных или пессимистичных прогнозов дальнейшего развития процесса возрождения казачества. В частности, А.И. Козлов доказывает, что «сейчас казачество – это скорее социокультурное сообщество, находящееся в стадии (фазе) субэтнического развития. Восстановление казачьей сословности, совершающееся ныне под флагом возрождения, снова, как и некогда в XVIII–XIX в., тормозит процесс дальнейшей этнизации и создает угрозу будущему казачества, заводит его в тупик. Возрождение казачества возможно, но только на путях превращения его в полный этнос в условиях свободной и естественной эволюции, что исключает административно-волюнтаристское вмешательство, преследующее цель – от кого бы она ни исходила – превращения казачества в военно-полицейскую силу».²

Подобные или альтернативные прогнозы и оценки процесса возрождения казачества, высказываемые учеными и политиками, требуют критического отношения к опубликованным научным работам для выработки адекватного представления о социально-политической институционализации казачества в современных условиях. Этот процесс детерминирован экономическими, политическими, социальными, духовными и иными факторами трансформации российского общества, сведения о которых содержатся в государственных документах, докладах ведущих научных центров России.³ Эмпирические признаки

¹ См.: Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003.

² См.: http://synopsis.kubsu.ru/new_n/009_97.htm.

³ См., например, Денисова Г.С. Интеграционные процессы на Северном Кавказе как политическая проблема // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1998. - № 2; Журавлев В.В. От прошлого к настоящему: невидимая грань состояний: Российский политический процесс 1993-начала 1995 г. // Социально-политический журнал. – 1995. - № 5; Здравомыслов А.Г. Власть и общество в России: Кризис 90-х гг. // Общественные науки и современность. – 2000. - № 6; Иванов В.Н. Россия: социальная ситуация и федеративные отношения. – М., 1999; Иванов В.Н., Яровой О.А. Россий-

зависимости процесса институционализации казачества от общероссийских факторов проявляются в различных формах деятельности организационно-политического механизма, отдельных его систем и элементов.

Для выявления общих, локальных (локально-пространственных или локально-временных), специфических местных закономерностей социально-политической институционализации казачества в диссертационной работе использовалась первичная информация об изучаемом процессе в субъектах Федерации, расположенных на территориях бывших областей казачьих войск.¹ Последовательное накопление, систематизация и обобщение знаний об изучаемом предмете предопределило организацию познавательного процесса в направлении от конкретных, эмпирических знаний об отдельных частях изучаемого предмета к его общим качественным характеристикам.

Дополнительные источники информации об изучаемом процессе - документы государственных органов и казачьих органов, монографическая литература и материалы научных конференций, посвященных казачеству, - анализировались с политологической точки зрения для выявления закономерностей процесса социально-политической институционализации казачества не только в локальных условиях отдельных регионов, но и в России в целом.

Структурно-функциональный анализ обнаружил в субъектах Российской Федерации различные модели систем и элементов организационно-политического механизма институционализации казачества. Предпосылки таких отличий закладывались в предшествующие годы и, сохраняясь длительное время, обеспечивали преемственность развивающемуся процессу институцио-

ский федерализм: Становление, развитие. - М., 2000; Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. - М., 1998; Он же. Конец транзитологии? // Политические исследования. - 2001. - № 4; Капто А.С. Философия мира: истоки, тенденции, перспективы. - М., 1990; Он же. От культуры войны к культуре мира. - М., 2002; Кузнецов В.Н. Социология безопасности: формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. - М., 2002; Осипов Г.В. Реформирование России: реальность и перспективы. - М., 2003 и др.

¹ Такая информация была получена диссертантом из документов органов государственной власти, казачьих обществ, средств массовой информации, научных работ, посвященных современному казачеству.

нализации казачества. Однако в полном соответствии с законами диалектики в определенное время отмечались факты, указывающие на достижение предела (меры) количественных изменений изучаемого предмета и начало его новых качественных изменений в течение периодов, определяемых содержательно и хронологически, и поэтому названных содержательно-хронологическими этапами институционализации российского казачества.

Очевидно, применение различных критериев периодизации такого сложного социально-политического процесса как институционализация казачества позволяет выявлять его этапы по проявлениям доминирующих локальных местных, региональных и общих (всероссийских) факторов и (или) качеств.

В научной литературе отмечаются разнообразные подходы к периодизации современного казачества. Например, авторы «Истории Донского казачества» выделяли три основных этапа развития современного казачества: первый этап (1990-1991 гг.) характеризуется подъемом казачьей культуры, активным изучением истории, выработкой первого опыта организационного оформления казачьих общественных организаций; второй этап (1992-1997 гг.) отличается численным ростом казачьих организаций, их выходом на политическую арену, разработкой государственных программ развития казачьей экономики, местного самоуправления, участия в комплектовании особых казачьих воинских частей; третий этап (1997 г. – настоящее время) связан с появлением нормативных актов о государственной службе казаков, вызвавших деление казачества на общества, внесенные в государственный реестр Российской Федерации, и самостоятельные общественные объединения казаков.¹

Но при таком подходе упускаются принципиально важные события, оказавшие значительное влияние на институционализацию казачества, вследствие чего изучаемый процесс представляется недостаточно полно и точно. Факты указывают на то, что реальный процесс формирования и развития института казачества имеет большее количество содержательно-хронологических этапов,

¹ См.: История Донского казачества. – Ростов-на-Дону, 2001. - С. 369-372.

которые четко проявляются в деятельности государственных органов и казачьих обществ, организаций.

Для выявления содержательно-хронологических этапов институционализации казачества необходимы эмпирические критерии их качественных отличий. Такими критериями могут служить политологические признаки изменения характера отношений казачества с государством.

При советском тоталитарном политическом режиме деятельность политической системы и общества направлялась на цели строительства социализма. Советское руководство, создавая монотипную социальную систему, игнорировало корпоративные интересы казачества или существенно ограничивало возможности их реализации, а запросы, альтернативные программам строительства социализма, подавляло. Когда же программа строительства коммунизма к 1980 г. не была реализована и кризис советской политической системы стал нарастать, в обществе проявились накопленные ранее объективные и субъективные предпосылки модернизации социально-политической системы СССР. Они реализовывались неформальными общественными объединениями, посредством которых население развивало гражданское общество и пыталось самостоятельно решать свои актуальные проблемы без помощи политической системы, переживавшей все более углубляющийся кризис. Попытки ужесточения дисциплины в 1982-1984 гг. и укрепления кадрового состава партийно-государственно-хозяйственного аппарата в 1984-1985 гг. сменились хаосом крупномасштабных социально-политических экспериментов горбачевской перестройки (1985-1991 гг.).

Анализируемый процесс социально-политической институционализации казачества, детерминированный факторами трансформации российского общества, развивался в соответствии с реальными социальными, политическими, экономическими, организационными и иными условиями. Духовные, социально-психологические, социокультурные предпосылки самоорганизации казачества сохранялись и при советской власти, но их реализация сдерживалась,

управлялась советской политической системой. Так, в 1951 году под контролем партийных органов в Новочеркасских казачьих лагерях проводились торжественные мероприятия, посвященные 10-летию начала формирования донских добровольческих воинских частей, участвовавших в Великой отечественной войне; с 1967 г. организовывались встречи ветеранов кубанских гвардейских воинских частей; в мае 1967 г. проводилась конная эстафета по местам боев на Кубани и другие военно-патриотические мероприятия с участием ветеранов-казаков; с 1969 г. возобновил деятельность Кубанский казачий хор. Подобные творческие коллективы создавались и в других регионах.

Однако попытки творческой интеллигенции привлечь внимание общественности к политически значимым проблемам казачества встречали противодействие партийных и государственных органов. В монографии О.В. Агафонова приведены факты негативной реакции ЦК КПСС и Совета Министров СССР на письмо выдающегося советского писателя М.А. Шолохова, предлагавшего в 1970 г. отметить 400-летний юбилей поступления Донского казачества на службу России. Постановлением Секретариата ЦК КПСС по этому вопросу от 8 сентября 1970 г. № СТ 108 / 18 разрешалась публикация отдельных статей об истории донского казачества, но создание в станице Старочеркасской историко-архитектурного ансамбля признавалось нецелесообразным¹, а следовательно, в условиях того времени запрещалось.

Автору диссертации, работавшему в аппарате Карачаево-Черкесского обкома КПСС в 1980-х гг., известны организационно-политические проблемы, с которыми столкнулись ученые, инициировавшие проведение первых всесоюзных научных конференций, посвященных казачеству, в Карачаево-Черкесии в 1980 и 1986 гг.² На конференциях научная, творческая общественность заявила

¹ См.: Агафонов О.В. Казачьи войска России во втором тысячелетии. – Киров, 2002. - С. 320.

² Впервые всесоюзные научные конференции «Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне» и «Казачество в революциях и гражданской войне» проводились в г. Черкесске Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края соответственно 12-13 ноября 1980 г. и 9-11 сентября 1986 г. См.: Казачество в Октябрьской революции и гражд-

о необходимости изучения истории, культуры и других аспектов казачества. Но при идеологическом контроле КПСС, продолжавшемся до августа 1991 г., деятельность интеллигентов-энтузиастов не могла иметь широкого, массового распространения и ограничивалась историографией, этнологией, художественной литературой, драматургией, кино, песенным и иным фольклорным творчеством. В частности, с середины 80-х гг. в день рождения М.А. Шолохова (24 мая) стали проводиться фольклорные праздники казачьей культуры «Шолоховская весна», на которых в первые годы присутствовало до 150 тыс. участников и гостей.

Социально-политические предпосылки не могли реализовываться из-за недостатка политико-правовых и материально-экономических основ для официального восстановления казачества в социальной структуре советского общества. Поэтому период 1985-1989 гг. может считаться подготовительным для процесса социально-политической институционализации российского казачества. На этом этапе общественное сознание трансформировалось из подданнического в активистский тип, происходил рост самосознания казаков, создавались социально-психологические предпосылки для общественного признания необходимости политической реабилитации казачества и восстановления его как социально-политического института гражданского общества.

Процесс самоорганизации казачества активизировался в 1989 г. Он осложнялся последствиями массовых репрессий советского расказачивания, в ходе которых тысячи казаков погибли или были депортированы из мест традиционно компактного проживания и диффузно расселены в других регионах. Вследствие этого нарушалась преемственность своеобразного казачьего уклада жизни потомственных казаков, уничтожались формальные признаки их идентификации, связанные с сословными обязанностями воинской и иной службы.

данской войне: Материалы Всесозн. науч. конф. 12-13 ноября 1980 г. – Черкесск., 1984 и Казачество в революциях и Гражданской войне: Материалы второй Всесозн. науч. конф. 9-11 сентября 1986 г. – Черкесск, 1988.

Поэтому казачья самобытная культура сохранялась в основном на семейно-бытовом уровне, в духовной сфере. Для институционализации казачьей социальной общности требовалась интегрирующая культурно-просветительная и воспитательно-мировоззренческая деятельность интеллигенции. В этом проявлялась ведущая роль духовного, социально-психологического фактора институционализации казачества.

Отличительной чертой данного периода являлась спонтанная самоорганизация общественных объединений граждан, относящих себя к потомкам казаков и интересовавшихся их историей и культурой. В условиях закрытой советской политической системы такие общественные объединения могли создаваться только под эгидой какого-то общественного объединения, полностью подконтрольного КПСС. Поэтому основными организационными формами первых объединений казаков являлись землячества, фольклорные творческие коллективы, а также военно-исторические клубы при краеведческих музеях.

Под идеологическим контролем партийных органов действовало и Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)¹. Во второй половине 1980-х гг. его работники пытались возглавлять процессы самоорганизации сословных объединений потомков дворян, купцов, духовенства, казаков, а также этнических групп населения. 12 июня 1989 г. Центральный дом пропаганды ВООПИК направил в местные отделения информационное письмо о создании в Москве землячества казаков, целью которого провозглашалось возрождение культурно-исторических традиций казачества.² Вследствие идеологического контроля КПСС за деятельностью ВООПИК, первичная самоорганизация и институционализация казачьей социальной общности могла иметь только неполитический социокультурный характер.

¹ Должности руководящих и ответственных работников ВООПИК и его местных отделений входили в номенклатуры партийных комитетов и могли замещаться кандидатами, получившими одобрение соответствующих бюро или секретариатов комитетов КПСС.

² См.: Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003. – С. 497.

О создании землячества казаков в Москве в начале июля 1989 г. объявил писатель Г. Немченко во время встречи с читателями журнала «Кубань». Публикация этой информации в журнале вызвала активные отзывы читателей, приход в землячество новых членов. Организационное оформление землячества казаков в Москве, насчитывавшее около 100 человек, состоялось 5 января 1990 г. на учредительном круге, проходившем в Знаменском соборе.¹ Поэтому началом периода первичной самоорганизации казачества и его социальной институционализации можно считать январь 1990 г.

Московское землячество казаков являлось организационным ядром, основным субъектом первого этапа процесса самоорганизации казачества в масштабах РСФСР и СССР.

Лидирующее положение в Московском землячестве казаков, созданном как подразделение ВООПИК, занимали представители творческой интеллигенции.² Они, как правило, являлись сильными идейными лидерами, но не обладали организаторскими навыками, и землячества «вырождалась в посиделки с эстетскими разговорами».³ Такие обстоятельства объективно требовали ротации лидеров казачьего движения за счет включения в казачью элиту лидеров-организаторов. Поэтому закономерным стал приход в землячество новых активных участников после публикаций в центральной прессе в январе 1990 г. заметок о деятельности Московского землячества казаков.

Среди новых членов землячества были люди, обладавшие организаторским опытом, которые брали на себя обязанности по созданию казачьих организаций на местах. Они получали статус официальных представителей ВООПИК, подтверждаемый удостоверениями и доверенностями Центрального совета ВООПИК на ведение работы по созданию землячеств казаков. Такие удо-

¹ Выбор места проведения многих первых мероприятий землячества казаков в этом соборе свидетельствовал о значительной роли Русской православной церкви в формировании духовных основ казачьего движения.

² Писатель Г. Немченко был избран атаманом Московского землячества казаков.

³ См.: Там же. - С. 496.

стоверения, например, получали организаторы первых казачьих объединений на Ставрополье В.В. Ходарев и П.С. Федосов.¹

Пропагандистская и организаторская деятельность членов Московского землячества казаков способствовала росту численности казачьих объединений на местах, и процесс организации казачьих объединений получил массовую поддержку от потомков казаков, проживающих в разных регионах СССР.

Искренними сторонниками возрождения казачества были некоторые представители политической элиты - партийные и советские работники, руководители предприятий и учреждений. Они оказывали практическую помощь казачьим организациям, выделяли для них помещения, материально-финансовые ресурсы. К числу сторонников казачества, например, относился первый секретарь Ставропольского горкома КПСС В.П. Бондарев.²

В свою очередь, к казачьим объединениям стали проявлять внимание и «демократические» политические партии, народные фронты и иные общественно-политические движения. Их интерес к казачеству имел конъюнктурный характер борьбы за электорат³, порождал политизацию казачьих общественных объединений, их дифференциацию по идеологическим признакам. Поэтому декларированный в первых документах казачьих обществ неполитический характер в реальных условиях политизации всего советского общества сохранился недолго, и казачьи объединения под воздействием объективных и субъективных факторов политизировались.

¹ См.: Ходарев В. В начале было слово // Казачий Терек. - 2001. - № 3.

² См.: Там же. Впоследствии В.П. Бондарев стал одним из наиболее активных лидеров казачьего движения на Северном Кавказе. Являясь депутатом РСФСР, он добивался включения казачества в закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Более 7 лет он избирался атаманом Павловского отдела общественной организации «Терское казачье войско». В 1998 г. В.П. Бондарев был избран атаманом Ставропольского окружного казачьего общества Терского войскового казачьего общества, а в 2000 г. - атаманом Терского войскового казачьего общества. В этой должности он утвержден указом Президента России от 15 июля 2000 г. № 1325, а 13 января 2001 г. указом Президента России № 33 ему присвоен чин казачьего генерала. В 2003 г. В.П. Бондарев повторно избирался атаманом Терского войскового казачьего общества.

³ См., например, Чуреков Ю. Движение изначально хотели сделать карманным // Ставроп. правда. - 1994. - 21 дек.

В таких условиях дальнейшее развитие казачьих объединений в рамках ВООПИК представлялось невозможным. Объективно требовалось создание самостоятельного объединения граждан, идентифицирующих себя с казачеством. В оргкомитет по проведению Учредительного съезда (круга) казачьих объединений СССР вошли члены Московского землячества казаков и лидеры местных казачьих объединений.

Процесс интеграции местных казачьих объединений имел объективный необратимый характер, поэтому в 1989 г. устанавливалось взаимодействие казачьих объединений, созданных в Москве, Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, Рязанской областях и в других регионах.

В начале 1990 г. создавались самостоятельные общественные организации «Оренбургское казачье войско», «Казачий круг Дона», Сунженский казачий округ, Терско-Гребенской казачий круг, Наурский казачий круг и другие.

В тот период землячества казаков были зарегистрированы и на территориях, которые не являлись регионами жизнедеятельности «вольных» казачьих общин, не входили в области казачьих войск и не относились к местам массовой депортации казаков в период советского расказачивания. Подобные объединения казаков создавались в Ленинграде, Калининграде, Риге и ряде других городов.

Разнородность состава казачьих объединений мешала установлению их конструктивных взаимоотношений и выработке единой программы дальнейшей деятельности.

Так, некоторые члены Московского землячества казаков при Центральном доме пропаганды ВООПИК выступали против политизации казачьих обществ. Они полагали, что землячества казаков должны ограничивать свою деятельность восстановлением культурно-исторических традиций казачества. Но другие лидеры казачьих объединений, особенно представители местных казачьих организаций Северного Кавказа, считали необходимой консолидацию казачества и получение государственной поддержки для противодействия на-

ционализму и росту антирусских настроений среди горского населения северокавказского региона.

Разногласия породили «идейный раскол» среди лидеров казачьего движения. Поэтому не только в Московском землячестве казаков, но и в других местных объединениях отмечались факты идеологической борьбы, которая отражала нарастание кризиса советской политической системы и обострение политической обстановки в стране.

Анализ идеологических ориентаций казачьих объединений позволил установить, что в тот период происходила политическая дифференциация казачьих объединений: часть казаков занимала просоветскую позицию, выступала за укрепление государства, развитие сотрудничества с государственными и партийными органами, а другая часть – за борьбу с ними в составе «демократических сил». Идейные противоречия в казачьем движении проявлялись и в последующие годы. Они препятствовали консолидации казачьей социальной общности, согласованному решению общих проблем.

Важным событием, радикально изменившим процесс институционализации казачества, стал Учредительный съезд (круг) казачьих объединений СССР. Он проводился 28-30 июня 1990 г. в г. Москве. В нем участвовали 263 делегата от местных казачьих объединений и 450 гостей. Учредительный круг принял решение о создании общероссийской общественной организации «Союза казаков»¹, утвердил ее программу и устав, избрал руководящие органы.

В учредительных документах Союза была зафиксирована его основная цель: «возрождение казачества как самобытной, исторически сложившейся культурно-этнической общности людей на принципах православия, уважения к национальным и религиозным традициям всех народов, духовного, нравственного воспитания молодежи».²

¹ Устав «Союза казаков» зарегистрирован Солнцевским райсоветом г. Москвы 15 августа 1990 г. Впоследствии «Союз казаков» был переименован в «Союз казаков России».

² Казачьи ведомости. – М., 1990

В казачьих организациях Союза преобладали сторонники сотрудничества с государственными и партийными органами. Об этом свидетельствует то, что Учредительный круг Союза казаков направлял приветствие съезду Коммунистической партии России, проходившему в те же дни в Москве. Кроме того, в программных документах Союза, принятых Учредительным кругом, отмечалось, что с партиями и движениями Союз казаков должен поддерживать самые тесные отношения и со всеми искать точки соприкосновения в деле возрождения народных традиций, поднятия экономики.¹

Учредительный круг завершил этап первичной спонтанной самоорганизации казачьих объединений и создал организационные предпосылки для формирования общегосударственной казачьей общественной организации. Поэтому с июня 1990 г. начался новый этап организации казачьего движения – период интеграции разрозненных казачьих объединений в единую общероссийскую организацию. Такой период был объективно необходим для консолидации разрозненных сторонников возрождения казачества в формальную организацию, способную трансформироваться в социально-политический институт, подобный казачеству Российской империи.

Последующий период отличался быстрым ростом численности казачьих объединений на местах. Во второй половине 1990 г.–1992 г. были созданы Ставропольский краевой Союз казаков, Союз казаков Калмыкии, Кубанская казачья Рада. Некоторые казачьи организации, например, Союз казаков области Войска Донского, Терское казачество, Союз Сибирских казаков, Союз казачества Поволжья и Урала, Союз казаков Забайкалья и Дальней России объединяли казачьи организации нескольких субъектов Федерации и приобретали региональный, межрегиональный характер, что придавало их деятельности особое консолидирующее значение в условиях кризиса политической системы и распада СССР.

¹ См.: Там же.

В частности, казаки г. Уральска выступали за присоединение к Российской Федерации части Уральской области Казахстана с местами компактного проживания казаков.¹

В связи с отсутствием четких идентификационных критериев современного казачества значительно расширилась его социальная база за счет приема в казачьи организации не только потомственных казаков, но и людей, заявлявших о желании участвовать в возрождении казачества. При этом в организациях появлялось значительное количество «приписных казаков»² - граждан, имевших поверхностное представление о казачестве и являвшихся маргиналами в казачьей социальной общности.

Наряду с искренними сторонниками казачьего движения к нему примкнули и политические авантюристы, пытавшиеся использовать казачество для реализации собственных политических и иных целей.

Отдельные казаки в силу плохого знания истории, заблуждений или корыстных соображений произвольно интерпретировали связанные с казачеством исторические факты, народные традиции. Такие «вольности» отрывали казаков от реальной истории, создавали у населения негативное отношение к современному казачеству.

В отдельных организациях преобладали радикальные настроения, вследствие чего некоторые действия казаков отличались агрессивностью, бескомпромиссностью, а порой принимали характер преступлений или правонарушений, подобных перекрытию железнодорожных и автомобильных дорог, захвату административных зданий для принудительного введения атаманского казачьего правления вместо законных органов местного самоуправления, публичным

¹ Впоследствии участников таких выступлений правоохранные органы Казахстана привлекали к уголовной ответственности за подстрекательство к нарушению территориальной целостности государства.

² Неофициальное, бытовое наименование «приписных казаков» используется современными казаками по аналогии с дооктябрьским периодом для выделения в казачьих объединениях нового пополнения, не являющегося прямыми потомками казаков.

телесным наказаньям граждан по несудебным решениям казачьих обществ и т.п.

На том этапе не была преодолена идеологическая раздробленность казачьих объединений. Так, часть бывших организаторов Московского землячества казаков продолжала настаивать на неполитическом пути развития казачьих обществ в формах военно-исторических клубов и фольклорных коллективов. Они сознательно не вошли в состав Союза казаков и продолжали свою культурно-просветительскую деятельность в организационной форме землячества.

Отсутствие единства в казачьем движении позволяло некоторым политикам использовать организационные структуры казачьих обществ при проведении выборных кампаний в органы государственной власти и местного самоуправления, решении других политических задач. Это политизировало казачьи организации, превращало их в инструмент политической борьбы.

Рост численности и активности казачьих организаций вызывал беспокойство партийных комитетов. Как вспоминал первый атаман Ставропольского краевого Союза казаков П.С. Федосов, в 1990-1991 гг. его неоднократно вызывали в Ставропольский крайком КПСС для бесед по поводу прекращения организации казачьих объединений или их подчинения партийным органам.

Но в условиях «перестройки» партийные комитеты утратили былые средства политического управления обществом и не решались на применение радикальных мер принуждения.

В 1991 г. партийные и государственные органы изменяли свое отношение к казачьим объединениям и переходили от конфронтации к сотрудничеству с ними, начинали содействовать организации казачьего движения для получения поддержки казачества в условиях политического кризиса. Смена негативного отношения партийных комитетов к казачьим объединениям на заинтересованное стала защитной реакцией партийных лидеров на ситуацию, которой они не могли управлять по-старому, но пытались подчинить ее интересам сохранения

собственного доминирующего положения даже в условиях нарастающего кризиса советской политической системы. Для преодоления дезинтеграционных тенденций в обществе требовались консолидирующие социальные общности, подобные казачеству, выступавшему за сильное неделимое государство.

Так, весной 1991 г. Ростовский обком КПСС принял постановление «Об отношении к движению за возрождение донского казачества», в котором определял задачи партийных комитетов и государственных органов по работе с казачеством.¹ В то время в казачьих объединениях появлялись энергичные люди, которые по поручению комитетов КПСС пытались взять управление казачьими обществами в свои руки. Но попытки партийных комитетов вмешиваться в деятельность казачьих объединений встречали сопротивление их членов. На выходе казачьих атаманов и казаков из состава КПСС настаивали радикально ориентированные участники первого съезда (круга) казаков Дона, который проходил 17-18 ноября 1990 г. и учредил Союз казаков области Войска Донского. Поэтому некоторые коммунисты, вступавшие в казачьи организации, отказывались от членства в КПСС.

Недовольство казаков деятельностью партийных и советских органов использовали сторонники восстановления «белого», антисоветского казачества. Они активно выступали в поддержку радикальных демократических общественно-политических движений против КПСС и советского государства. 20-21 июля 1991 г. делегаты от 25 «белых» казачьих организаций провели в Москве объединительный круг, на котором учредили Союз казачьих войск России. Круг объявил новый Союз преемником Союза казачьих войск, созданного в России после Февральской революции 1917 г. и действовавшего в эмиграции после окончания Гражданской войны, призвал казаков противостоять действиям политиков, пытавшихся поставить «возрождающееся казачество ... на

¹ См.: Об отношении к движению за возрождение донского казачества: Пост. бюро Ростовского обкома КПСС от 9 апр. 1991 г. // Молот. - 1991. - № 83-84. - 27 апр.

службу коммунистических и прочих партийных интересов».¹ Таким образом казачьи объединения дифференцировались на сторонников и противников советского политического режима.

Союз казачьих войск России привлек к себе внимание политической элиты и широкой общественности в период «августовского путча 1991 г.». Представители Союза активно участвовали в подготовке к обороне здания Верховного Совета РСФСР и других массовых мероприятиях, вызывали всеобщее внимание своей необычной казачьей формой одежды, организованностью.

В тот период казаки выступали на защиту мирного населения в «горячих точках» распадавшегося СССР. Например, сводный отряд казаков принимал участие в боевых действиях на территории самопровозглашенной Приднестровской республики.

Казачьи объединения применяли различные, в том числе и силовые, методы воздействия на государственные органы для реализации своих целей.

Массовость, организованность и политическая активность казачьих организаций заставили новую элиту России учитывать фактор казачества при оценке социально-политической ситуации в регионах, пытаться привлекать его на свою сторону и включать в механизм государственной власти.

После роспуска КПСС и распада СССР (1991 г.) в казачьих объединениях произошел новый раскол по идеологическим признакам, проявившийся в сотрудничестве с различными политическими партиями. Казачьи объединения дифференцировались и на основе выбора альтернативных моделей возрождения: помимо Союза казаков, действовали общественные объединения «Союз казачьих войск России» (в 1993 г. переименован в «Союз казачьих войск России и Зарубежья»), «Великое Братство казачьих войск» и другие, претендовавшие на высокий политический статус и государственные функции администра-

¹ Мухин А., Прибыловский В. Казачье движение в России и странах ближнего зарубежья (1988-1994 годы): В 2 т. – М., 1994. - Т. 1. - С. 45-46.

тивного управления регионами. Казачьи объединения создавались как в исторических местах жизнедеятельности казачьих войск, так и в других регионах.

Всего в 1991-1994 гг. в России действовало 13 всероссийских и межрегиональных казачьих общественных организаций и более 60 землячеств вне территорий традиционного расселения казаков. По докладам атаманов, в казачьих объединениях числилось около 4 млн. человек.¹ Однако такой высокий показатель численности казачьих обществ не подтверждается государственными органами и материалами выборочных обследований казачьих объединений. Так, при изучении структуры Пятигорского отдела Терского казачьего войска в 1994 г. сотрудники администрации Ставропольского края получили документальное подтверждение на 22524 члена этой казачьей общественной организации², хотя по заявлениям ее атамана Ю. Чурекова, списочный состав отдела достиг 67 тыс. казаков³.

На основе личных бесед с атаманами казачьих организаций диссертант сделал вывод о том, что превышение заявляемой численности казачьих организаций над реальными показателями объяснялось, во-первых, «автоматическим» зачислением в казачьи объединения всех членов семей казаков или всех жителей населенных пунктов, имеющих «казачьи» наименования – станиц, хуторов. Во-вторых, некоторые казачьи атаманы, стремившиеся поднять свой социально-политический статус и личную значимость за счет, якобы, многочисленного состава возглавляемых ими общественных объединений, устроили «гонки численности», вследствие чего среди нового пополнения, помимо потомственных казаков, временно оказывалось значительное количество «приписных казаков».

В первой половине 1990-х гг. происходила интеграция разрозненных казачьих общественных организаций на основе создававшейся нормативной базы казачьего движения. Ее основу составляли политико-правовые документы,

¹ См.: Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003. – С. 508.

² См.: ВАПСК, оп.1, д.341, л.7.

³ См.: Чуреков Ю. Движение изначально хотели сделать карманным // Ставроп. правда. – 1994. – 21 дек.

принятые федеральными органами государственной власти по проблемам реабилитации казачества как репрессированного народа: в 1991 – 1994 гг. федеральные органы издали 11 правовых актов о казачестве (см.: Таблица 1).

Радикальное воздействие на процесс социально-политической институционализации казачества оказал указ Президента России «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации».¹ Он определил, что основой современного российского казачества являются казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, нормативно установил их идентификационные признаки. В дальнейшем органы государственной власти развивали сотрудничество прежде всего с казачьими обществами, внесенными в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, создавали государственно-правовые, организационные, материальные условия для их деятельности, чем способствовали их институционализации.

Количественный и качественный рост федеральной нормативно-правовой базы в 1995-1998 гг. сопровождался формированием многоуровневой, многофункциональной системы специализированных организационных структур в органах государственной власти и местного самоуправления, которые обеспечивали реализацию указов Президента России, постановлений Правительства РФ, ведомственных нормативных актов, связанных с привлечением казачьих обществ к проведению экспериментов по производству и поставкам государству различных видов сельхозпродукции, организации воинской, пограничной, правоохранительной, природоохранной и другим видам службы.

Реорганизация казачьих общественных объединений в реестровые казачьи общества положила начало новому содержательно-хронологическому этапу социально-политической институционализации казачества, основанному на

¹ См.: О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации: Указ Президента России от 9 авг. 1995 г. № 835 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 33. - Ст. 3559.

организации государственной и иной службы членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации.

Целенаправленная работа государственных органов способствовала формированию десяти войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр РФ, значительному росту их численности со 113,4 до 638,5 тыс. членов (рост на 463 %), в основном за счет реорганизации казачьих общественных объединений, которых в 1996 г. по регистрационным данным Минюста России насчитывалось 438 в 75 субъектах Федерации.

Сведения о формировании казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, приведены в таблицах 4, 5.

Таблица 4. Войсковые казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации¹

№ п.п.	Наименование войскового казачьего общества	Дата подписания Президентом России указа об утверждении устава казачьего общества
1.	Волжское	4.06.1996 г.
2.	Сибирское	12.02.1997 г.
3.	Забайкальское	12.02.1997 г.
4.	Терское	12.02.1997 г.
5.	«Всевеликое войско Донское»	17.06.1997 г.
6.	Уссурийское	17.06.1997 г.
7.	Енисейское	17.06.1997 г.
8.	Оренбургское	29.03.1998 г.
9.	Кубанское	24.04. 1998 г.
10.	Иркутское	4.05.1998 г.

¹ Ведется подготовка к включению в государственный реестр войскового казачьего общества «Центральное казачье войско».

Таблица 5. Отдельные окружные (отдельские) казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации

№ п.п.	Наименование окружного (отдельского) казачьего общества	Дата принятия решения ГУКВ, УПКВ о включении казачьего общества в гос. реестр РФ
1.	Отдельное Сахалинское окружное	10.10.1997 г., 16.03.2001 г.
2.	Московское городское КО	11.11.1997 г.
3.	Отдельное Астраханское окружное КО	2.12.1997 г., 16.03.2000 г.
4.	Курское отдельское КО	13.01.1998 г., 14.01.1999 г. ¹
5.	Балтийский отдельный казачий округ	20.02.1999 г.
6.	Воронежское отдельское КО	20.10.1999 г.
7.	Амурское окружное КО	26.10.1999 г.
8.	Отдельное Северо-Западное окружное КО	29.10.1999 г.
9.	Отдельское КО Московской области	8.12.1999 г.
10.	Прикамский отдельный казачий округ	10.04.2001 г.
11.	Отдельское КО Липецкой области	1.03.2001 г.
12.	Калужское отдельское КО	21.06.2001 г.
13.	Отдельское КО Тверской области	13.07.2001 г.
14.	Отдельское КО Тамбовской области	28.12.2001 г.
15.	Верхнекамский отдельный казачий округ	20.05.2002 г.
16.	Станичное КО Ивановской области	20.05. 2002 г.

Казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, действуют в 70 субъектах Российской Федерации, хотя официально зарегистрированы только в 56 республиках, краях и областях.

Сведения о численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, по состоянию на 1 января 2003 г. представлены в таблицах 6 и 7.

¹ Наличие двух дат указывает на то, что первоначально казачьи общества получали регистрацию на один год для организации самостоятельных войсковых казачьих обществ или присоединения к уже имевшимся, а впоследствии срок их регистрации продлевался и (или) казачье общество переименовывалось в указанные сроки.

Таблица 6. Численный состав войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации (на 1 января 2003 г.)¹

№ п.п.	Наименования войсковых казачьих обществ	Численность казаков в обществе	
		Общая	В т.ч. изъявивших желание нести госслужбу
1.	Волжское	48646	16940
2.	Сибирское	33742	10652
3.	Забайкальское	11910	3668
4.	Терское	189564	53783
5.	«Всевеликое войско Донское»	105474	35 890
6.	Уссурийское	13328	4868
7.	Енисейское	17348	6798
8.	Оренбургское	39862	16299
9.	Кубанское	130630	46627
10.	Иркутское	14083	6385
ИТОГО в войсковых обществах		604587	201910

Таблица 7. Численный состав отдельных окружных (отдельских) казачьих обществ, внесенных в государственный реестр РФ (на 1 января 2003 г.)²

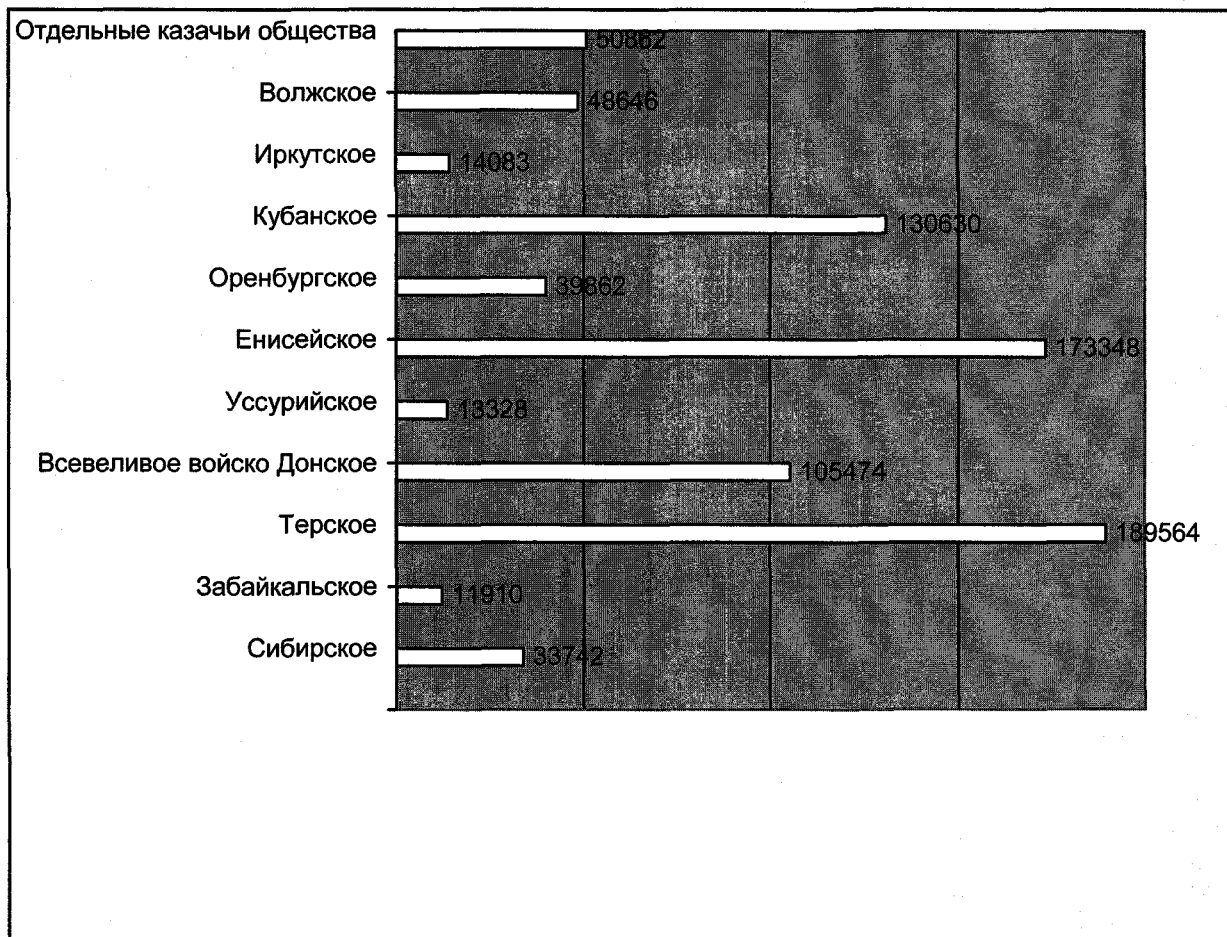
№ п.п.	Наименования отдельных казачьих обществ	Численность казаков в обществе	
		Общая	В т.ч. изъявивших желание нести госслужбу
1.	Отдельное Астраханское окружное КО	4451	2001
2.	Амурское окружное КО	2699	750
3.	Балтийский отдельный казачий округ	4490	2030
4.	Воронежское отдельское КО	5676	2005
5.	Калужское отдельское КО	2305	2016
6.	Курское отдельское КО	3319	2867
7.	Отдельское КО Московской области	6491	1919
8.	Отдельское КО Тамбовской области	1341	447
9.	Отдельское КО Тверской области	2700	1905
10.	Отдельное Сахалинское окружное КО	3681	968
11.	Отдельное Северо-Западное окружное КО	5445	2063
12.	Верхнекамский отдельный казачий округ	3549	1233
13.	Прикамский отдельный казачий округ	2197	2185
14.	Отдельское КО Липецкой области	2253	1022
15.	Станичное КО Ивановской области	265	258
16.	Московское городское КО		
ИТОГО в отдельных обществах		50862	23669
ВСЕГО в казачьих обществах		655449	225579

¹ Там же.

² См.: Там же.

По данным Управления при президенте России по вопросам казачества, численность войсковых и иных казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, имеет значительные отличия, которые наглядно обнаруживаются на гистограмме.

График 4. Численность войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации

Полученные в Управлении Президента России по вопросам казачества и представленные в вышеприведенных таблицах диссертационной работы, данные о численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, впоследствии были опубликованы в научно-справочном издании «Российское казачество».¹ Однако при дальнейшем описании конкретных казачьих обществ в указанной книге приводятся другие дан-

¹ См.: Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003. – С. 540-541.

ные о численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации. Большое сомнение экспертов вызывают сведения о том, что численность Енисейского, Кубанского, Терского войсковых казачьих обществ оказывается выше численности войскового казачьего общества «Все-великое войско Донское».

Дополнительные интервью, проведенные автором работы с атаманами казачьих обществ, позволили установить нарушения методик подсчета численности казачьих обществ, необоснованным увеличением показателей за счет семей членов казачьих обществ.

Приведенные факты указывают на то, что федеральные органы государственной власти, даже специально занимающиеся организацией взаимодействия с казачьими обществами, не располагают точными сведениями о численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации.

Как показал анализ вышеприведенных фактов, постоянные информационно-коммуникативные отношения между государственными органами и казачьими обществами на федеральном уровне не установлены. Эти обстоятельства негативно влияют на формирование связей-отношений между государственными органами и казачьими обществами в регионах, субъектах Федерации, муниципальных образованиях.

Для преодоления недостатков правовых основ финансово-экономической деятельности реестровых казачьих обществ некоторые из них дополнительно регистрировались в качестве общественных объединений. Вследствие этого в 2000 г. органы Минюста России зарегистрировали 513 казачьих общественных объединений в 66 субъектах Федерации, а в 2002 г. - более 600 в 83 субъектах Федерации.

Политической институционализации казачества во второй половине 1990-х гг. способствовала практика вовлечения казачьих обществ в механизм государственной власти посредством организации государственной и иной службы.

Согласно указам Президента России проводились эксперименты по привлечению казачьих обществ к воинской, пограничной, правоохранительной и другим видам службы.

Так, во исполнение указа Президента России «О проведении эксперимента по невоинской охране отдельных участков государственной границы Российской Федерации»¹ Федеральная пограничная служба (ФПС) Российской Федерации в 1996-1997 гг. проводила эксперимент по привлечению к невоинской охране Государственной границы пограничной стражи, в основном состоящей из членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации. Такой эксперимент стал возможным потому, что, по мнению руководства Главного управления казачьих войск при Президенте России, в то время ФПС России являлась единственным силовым ведомством, которое целенаправленно стремилось вписать казаков в свою изменяющуюся структуру, полнее задействовать потенциал казачества на благо государства. К началу эксперимента в составе ФПС России уже насчитывалось 38 пограничных застав, на которых казаки несли службу по призыву или контракту.²

Эксперимент проходил с 1 декабря 1996 г. по 1 июня 1997 г. в 20 населенных пунктах четырех субъектов Российской Федерации — республиках Алтай, Бурятия, Тыва и Читинской области. Позднее, с 1 февраля 1997 г., к эксперименту подключался ранее не охранявшийся силами ФПС Российской Федерации участок российско-казахстанской границы, имевший 39 населенных пунктов на территории 12 административных районов Самарской, Оренбургской, Читинской и Омской областей.

После отбора и обучения к невоинской охране границы было привлечено 1780 человек, из которых 980 человек являлись членами реестровых казачьих обществ. В ходе эксперимента с помощью пограничной стражи перекрывалось около 5 тыс. км Государственной границы, не охраняемой ФПС России.

¹ См.: О проведении эксперимента по невоинской охране отдельных участков Государственной границы Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 19 июля 1996 г. № 943 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 26. - Ст. 3065.

² См.: Граница и казаки // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. - М., 1997. - Вып.2. - С. 5.

Пограничная стража задержала 230 нарушителей границы, обнаруживала и изымала контрабанду и наркотические вещества, предотвращала угон крупных партий скота.¹

Эксперимент показал высокую эффективность службы казаков в роли пограничной стражи. Однако недостаточное финансирование пограничной стражи, неразрешенность вопросов ее обеспечения стрелковым оружием и специальными средствами, а также отсутствие гарантированных условий социальной защиты привели к сокращению масштабов привлечения казаков к охране Государственной границы России.

В 1999 г. казаками комплектовалось 39 пограничных застав, к невойсковой охране Государственной границы Российской Федерации привлекались Уссурийское, Забайкальское и Сибирское войсковые казачьи общества². В настоящее время службу в пограничной страже несут члены общественных казачьих организаций Астраханской области, Калмыкии и Терского войскового казачьего общества.

Министерство внутренних дел России привлекало казачество к охране общественного порядка в соответствии с указом Президента России «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной или иной службе».³ Для взаимодействия с казачьими обществами создавались специальные подразделения в МВД России, республиканских, краевых и областных управлениях, местных органах правопорядка. Принятые организационные меры позволили к середине 1999 г. довести до 1 тысячи численность казачьих подразделений, которые на добровольной или договорной основе оказывали помощь органам внутренних дел в укреплении правопорядка.⁴

¹ См.: Там же. - С. 6.

² См.: О Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ, включенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации на 1999-2001 годы: Пост. Правительства Российской Федерации от 21 июля 1999 г. № 839 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 30. - Ст. 3788.

³ О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной или иной службе: Указ Президента Российской Федерации от 16 апр. 1996 г. № 563 // Российская газ. - 1996. - 24 апреля.

⁴ См.: Об эксперименте по привлечению членов казачьих обществ к работе по поддержанию общественного порядка: Распоряжение МВД России от 28 июня 1999 г. // Таболина Т.В. Казачество: формирование правового поля. - М., 2001. - Т. 2. - С. 323.

По поручению Президента России Министерство в 1999 г. проводило эксперимент по привлечению членов казачьих обществ к работе по поддержанию общественного порядка в Приморском и Ставропольском краях, Калининградской и Челябинской областях. Этот эксперимент доказал высокую эффективность участия казаков в правоохранительной деятельности.

К несению службы привлекали казаков и другие министерства и ведомства, государственные органы субъектов Федерации, органы местного (муниципального) управления.

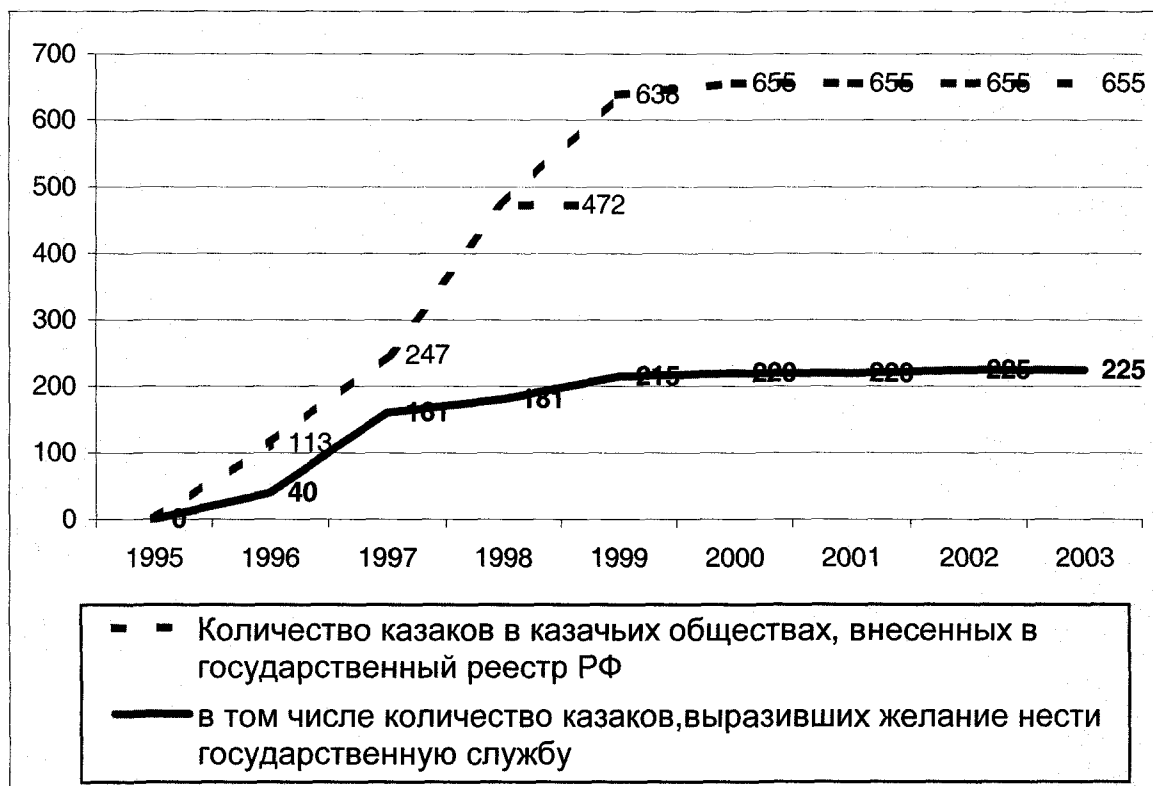
Однако с 1998 г. активность взаимодействия государства с казачеством снизилась, масштабы сотрудничества сократились, эксперименты по привлечению казаков к государственной и иной службе прекратились.

При анализе причин сокращения внимания государственных органов к казачеству особо отмечаются два обстоятельства. Во-первых, в конце 1990-х гг. государству удалось преодолеть апогей долговременного системного кризиса, который пошел на спад, вследствие чего резко сократились потребности государства в социально-политической активности гражданского общества, элементом которого является казачество. Более того, федеральный центр предпринял эффективные меры для усиления «вертикали власти» и преодоления центробежных движений сторонников «суверенизации». Очевидно, мероприятиям по дальнейшему усилению государственной власти мешает достаточно сильный потенциал политической власти, частью которого обладает казачество. Следовательно, потребовалось сокращение активности гражданского общества в политической сфере, в том числе и инициатив казачьих обществ. Во-вторых, в ходе экспериментов по привлечению членов реестровых казачьих обществ к государственной службе обнаружилось, что казаки готовы служить на реальной компенсационной основе, при надежном обеспечении социальных гарантий. Но ограниченное ресурсами государство не может в полном объеме удовлетворить такие закономерные запросы своих добровольных помощников-казаков, сотрудничество с ними ограничивается.

Объективными показателями сокращения внимания федеральных властей к казачеству стало значительное уменьшение количества принятых документов по вопросам казачества (См.: Таблица 1, Гистограмма 1).

Следствием сокращения внимания государственных органов к проблемам казачьих обществ стал спад динамики численности реестровых казачьих обществ, принявших обязательства по несению государственной службы. Так, если за первые годы организации реестровых казачьих обществ (1995-1998 гг.) их численность выросла с 113,4 тыс. до 638,5 тыс. казаков (рост 463%), то за 1999-2002 гг. – численность увеличилась до 659,4 тыс. казаков (рост 3,2%).¹

График 5. Динамика численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и количества казаков, выразивших готовность нести государственную и иную службу

¹ Подсчитано по: Перечень казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации // Делопроизводство управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. - 2002 г.

Динамика увеличения количества государственно-правовых актов о казачестве и роста численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, представлена на графике 6.

График 6. Динамика численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр РФ, и количества государственных правовых актов, принятых федеральными органами государственной власти в отношении казачества

На совмещенном графике обнаруживается соответствие тенденций увеличения количества нормативно-правовых актов, принятых федеральными органами государственной власти в отношении казачества, и роста численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, по данным управления Президента России по вопросам казачества.

Более того, выявленные и описанные в предшествующем параграфе факты разрушения государственного сектора организационно-политического механизма институционализации казачества в конце XX в. привели к прекраще-

нию роста численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации.

В докладе на Большом круге казачьих войск России (Ставрополь, 25 мая 2003 г.) советник Президента России Г.Н. Трошев сообщил о некотором снижении численности казачьих обществ в 2003 г.: «По состоянию на 1 мая с.г. в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации внесено 10 войсковых и 15 окружных (отдельских) казачьих обществ с общей численностью 650 тыс. человек, из которых 230 тыс. взяли обязательства по несению государственной и иной службы. Кроме того, в соответствии с федеральным законом «Об общественных объединениях» на территории Российской Федерации органами юстиции всех уровней зарегистрировано более 600 казачьих общественных организаций, значительное число которых к государственной службе казачества относятся отрицательно. Казачьи общества и казачьи общественные объединения образованы на территории 83 субъектов Российской Федерации».¹ Однако авторы монографии «Российское казачество» утверждают, что «ни в одном центральном ведомстве не было (и нет до сих пор) исчерпывающего банка данных о ситуации во всех казачьих структурах».² Поэтому приведенные Г.Н. Трошевым сведения о численности реестровых казачьих обществ и общественных объединений заслуживают критического отношения.

Из-за отсутствия необходимых организационных, социально-страховых и иных условий службу несет значительно меньшее число казаков. По сведениям советника Президента России Г.Н. Трошева, в 2003 г. военную службу в Вооруженных силах проходили более 6 тыс. казаков, в органах и войсках – около 2 тыс. и в ФПС России – свыше 1 тыс. казаков. В то же время к охране Государственной границы в составе общественных формирований привлечены более 4 тыс. казаков, в более 18 тыс. казаков поддерживают общественный порядок в

¹ О состоянии российского казачества и перспективах его дальнейшего развития...: Доклад советника Президента РФ Г.Н. Трошева // Казачий Терек. – 2003. – № 6.

² Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003. – С. 508.

составе 536 муниципальных казачьих дружин и гвардий. Природоохранной деятельностью заняты около 3,5 тыс. казаков, а в экологических подразделениях состоит около 2 тыс. казаков. Казачьи общества создали 811 фермерских хозяйств общей численностью свыше 9,8 тыс. человек, казачьи образовательные и культурно-просветительные учреждения, спортивные и военно-патриотические объединения. Но в целом потенциал казачьих обществ используется недостаточно для разрешения их собственных актуальных проблем и для решения задач общественного развития.¹

Казачьи общества, не выполняющие функции государственной и иной службы, утрачивают системообразующие основы своего политико-институционального бытия, деполитизируются и трансформируются в социокультурный институт.

В многокомпонентной структуре современного казачества, помимо представителей разных топонимических и конфессиональных групп, выявляются разнородные элементы: «генетические» потомки казаков, служивших Российской империи и (или) Советскому государству, а также граждане, не имеющие генетической связи с казачеством, но самоидентифицируемые с ним из романтических, патриотических, экономических, политико-карьерных и иных соображений.

По критериям взаимодействия с государственными органами они делятся на: членов казачьих обществ, идентифицирующих себя со «служилым» казачеством и внесенных в государственный реестр Российской Федерации в связи с принятыми обязательствами государственной службы, а также граждан, идентифицирующих себя с «вольным» казачеством, которые, в свою очередь, подразделяются на четыре подгруппы: члены казачьих общественных объединений, взаимодействующих с органами государственной власти и муниципальному управления (например, в Калмыкии); члены традиционных объединений ка-

¹ См.: О состоянии российского казачества и перспективах его дальнейшего развития...: Доклад советника Президента РФ Г.Н. Трошева // Казачий Терек. – 2003. - № 6.

заков, не участвующие в процессе возрождения (например, казаки-некрасовцы); члены неформальных общественных объединений и граждане, самоидентифицируемые с казачеством, но не вовлеченные в движение за возрождение казачества.

Применение шкалы качественных показателей позволило дифференцировать характер отношений казачьих объединений с государственными органами на сотрудничество (казачьи общества, внесенные в государственный реестр Российской Федерации, и отдельные казачьи общественные объединения), противодействие (радикальные казачьи объединения), не имеющие формализованных социально-политических отношений (неформальные объединения и отдельные граждане, самоидентифицирующиеся с казачеством).

Таким образом, содержание процесса социально-политической институционализации казачества, тенденции роста численности казачьих обществ находятся в прямой зависимости от количественных и качественных изменений нормативно-правовых основ возрождения казачества:

- в 1991-1994 гг. развитие государственно-правовых основ деятельности казачьих общественных объединений способствовало их численному росту;
- динамичное развитие законодательства в 1995-1998 гг. обеспечивало рост численности реестровых казачьих обществ как основы социально-политического института казачества;
- снижение нормотворческой активности федеральных органов в этом направлении в последующие годы привело к сокращению активности казачьих обществ, прекращению их количественного и качественного роста.

Современное российское казачество является социально неоднородным гетерогенным социально-политическим институтом гражданского общества, который начал формироваться в 1980-х гг. как неполитический социальный институт, в начале 1990-х гг. политизировался и привлекался государством для решения актуальных социально-политических проблем консолидации россий-

ского общества и преодоления социетального кризиса, во второй половине 1990-х гг. включался в государственный механизм посредством проведения экспериментов по организации государственной и иной службы членов казачьих обществ, а в конце XX - начале XXI века казачество выводится из политического процесса и трансформируется в социокультурный институт.

3.3. Особенности социально-политической институционализации казачества в северокавказском регионе

Своеобразное сочетание исторических предпосылок, социальных, политических, организационных и иных факторов в конкретных условиях места и времени предопределяет региональные и местные особенности социально-политической институционализации казачества.

Для выявления локально-региональных закономерностей этого процесса требуется его сравнительно-историческое исследование в регионах наиболее активной деятельности казачьих обществ и организаций. Такими регионами являются области и округа казачьих войск Российской империи – Донского, Терского, Кубанского, Астраханского, Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского, Уссурийского. За годы советской власти они неоднократно подвергались административно-территориальному переустройству.

Утрата четкого районирования расселения казаков наглядно прослеживается на примере Терского казачьего войска, которое обеспечивало военное и гражданское управление Терской областью в 1861-1917 гг.

В начале XX века Терская область состояла из 4 казачьих отделов и 6 национальных округов. На территории области проживало 1360 тыс. человек, из которых 255 тыс. человек были приписаны к казачьему сословию. Казачьи общины были закрытыми, самодостаточными, управлялись на принципах патриархальной общинно-круговой демократии. Во всех 70 казачьих станицах области проживало незначительное количество «иногородцев», и население, не приписанное к казачеству, составляло 17% от общего количества жителей. Казаки преобладали среди населения Пятигорского (58,5%), Моздокского (67,9%), Сунженского (86,5%), Кизлярского (52,4%) отделов.

Однако в национальных округах казаки не имели численного преимущества, и в целом казачье население в Терской области составляло в начале XX

века 18,8 %, а к 1917 г. – 18,2 %. Поэтому для выполнения функций административно-территориального управления областью терское казачество нуждалось в поддержке государства и использовало меры принуждения в сочетании с «народной дипломатией».

После окончания Гражданской войны административно-территориальное устройство северокавказского региона неоднократно изменялось: в 1920 г. Терская область и Баталпащинский казачий отдел Кубанской области передавались в состав Горской автономной республики; в апреле 1921 г. создавалась Терская губерния, в которую входила часть Горской республики; в ноябре 1923 г. образовывался Северо-Кавказский край, в котором Терская губерния становилась округом; в Кабардино-Балкарской автономной области выделялся Казачий район, на территории которого проживало 6,6 тыс. казаков (70,9 % населения района); в январе 1934 г. Северо-Кавказский край разделялся на Азово-Черноморский край с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в Пятигорске.

11 сентября 1937 г. было осуществлено новое административное переустройство региона. В его структуре выделялись Ростовская область, Краснодарский край и Орджоникидзевский край (позднее переименовывался в Ставропольский), в состав которого входила и часть земель, ранее относившихся к Терской и Кубанской областям. В последующие годы административные границы бывших казачьих областей также неоднократно «перекраивались»: в марте 1944 из Ставропольского края в Грозненскую область передавался Кизлярский район, а Моздокский район – в Северо-Осетинскую АССР; в 1957 учреждалась Чечено-Ингушская АССР, к которой отошла часть земель бывших казачьих отделов Терской области.

В субъектах Федерации, расположенных вне территорий бывших казачьих областей и округов, общества и организации создавались потомками казаков, как правило, переведенных царской администрацией в иные сословия в связи с утратой государственной потребности в поселенных казачьих войсках

во «внутренних» губерниях Империи¹ или выселенных советскими органами из мест традиционного проживания.

Анализ научных работ о современном казачестве показал, что исследователи применяют два основных подхода к территориальному определению объектов исследования. Одни ученые рассматривают процесс возрождения казачества в границах современных субъектов Российской Федерации, другие - изучают войсковые казачьи общества в нескольких субъектах Федерации, в регионах.² Однако территориальное размещение частей войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, выходит за пределы не только отдельных субъектов Российской Федерации, но и традиционных регионов. В частности, войсковое казачье общество «Всевеликое войско Донское» имеет округа в Ростовской (9 округов), Волгоградской (5 округов), Воронежской (2 округа) областях, а также землячества донских казаков на Украине, в Калужской, Липецкой, Тамбовской областях и Москве.³

Во всех субъектах Федерации сформированы различные варианты организационно-политического механизма, обеспечивающего развитие современного казачества. Поэтому изучение региональных и местных особенностей процесса социально-политической институционализации казачества целесообразно проводить в субъектах Российской Федерации с последующим обобщением полученных данных в масштабах регионов. Плодотворность такого теоретико-методологического подхода продемонстрировал коллектив авторов на-

¹ Такой перевод в крестьянское и другие сословия казаков Кавказского линейного казачьего войска осуществлялся, например, в середине XIX века в Ставропольской губернии в связи с окончанием Кавказской войны и делением единого Кавказского войска на самостоятельные Терское и Кубанское казачьи войска.

² См., например, Мереликина О.Г. Уральские казаки в прошлом и настоящем // Регионоведение. - 2001. - № 3; Титлина Е.Ю. Политика российского государства в формировании дальневосточного казачества: сущность, особенности, перспективы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 1996; Туценко Н.Ф. Казачье движение на Кубани: на пути к гражданскому обществу // Социологические исследования. - 2001. - № 2 и др.

³ См.: Об участии казачьих обществ в формировании органов местного самоуправления и их социально-экономическом развитии: Доклад атамана войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» казачьего генерала Водолацкого В.П. // Казачий Терек. - 2003. - № 6.

учно-справочного издания «Российское казачество».¹ В книгу были включены многочисленные сведения о казачьих обществах и организациях, полученные из различных источников. Однако, как будет показано ниже, ряд положений книги, например, о численности казачьих обществ, заслуживает критического отношения и дополнительной проверки, которую автор диссертации проводил в ходе собственных эмпирических исследований.

Для проверки гипотезы об ослаблении тенденций общероссийской интеграции и усилении регионализации казачьих объединений процесс развития современного казачества изучался на примере формирования и деятельности механизма социально-политической институционализации казачества в отдельных субъектах Федерации, территориально отнесенных к регионам войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации.²

Большим своеобразием отличается северокавказский регион, на территории которого действовали самые многочисленные, имеющие многовековую историю Донское, Терское и Кубанское казачьи войска Российской империи, и сохранились места компактного проживания потомственных казаков, предпринимающих активные усилия для организации деятельности современных войсковых казачьих обществ, имеющих традиционные наименования - «Всевоеликое войско Донское», Терское и Кубанское.

Особенности социально-политической институционализации казачества на Северном Кавказе обусловлены историческими, геополитическими, социальными, этническими, культурными и другими факторами, действующими в регионе, географические границы которого определяются Доном, Волгой, Каспийским морем, Скалистым хребтом Большого Кавказа, Черным и Азовским морями, Кума-Манычской впадиной. Северный Кавказ, занимающий площадь

¹ Российское казачество: Научно-справочное издание / Отв. ред. Т.В. Таболина. РАН, Институт этнологии и антропологии – М., 2003. - 880 с.

² Согласно действующим положениям, войсковые казачьи общества могут создаваться из первичных казачьих обществ, действующих на территории не менее чем двух субъектов РФ.

355,1 тыс. кв. км¹, имеет богатые природные ресурсы. Только разведанные запасы высококачественной нефти в регионе оцениваются в 4 трлн. долл. США. Удобные порты на побережьях Черного и Каспийского морей, развитая транспортная инфраструктура региона, граничащего с Украиной и Закавказскими государствами, предопределяют геополитическое значение Северного Кавказа, стремление к контролю над ним со стороны зарубежных государств, транснациональных корпораций и криминальных группировок.

В административно-политические границы северокавказского региона в настоящее время входят Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область и республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания и Чечня. В них проживает полиэтничное и поликонфессиональное население, насчитывавшее в 1989 г. более 17,9 млн. человек (12,3% населения страны)². В основном, за счет миграции населения в 1989-2002 гг. прирост населения в регионе составил 11,6 % при общем снижении численности граждан в России на 1,3 %.³

Исторически сложившееся политико-географическое региональное структурирование территории России нарушено ее делением на семь федеральных округов. Помимо вышеуказанных субъектов Российской Федерации, которые в течение десятилетий считались единым экономическим и социально-политическим северокавказским регионом, «достаточно традиционным, а главное – в высшей степени операциональным образованием, более или менее обеспеченным достаточно единообразной и ретроспективной статистикой»⁴, в Южный федеральный округ дополнительно были включены Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области. Такие изменения несущественно нарушили

¹ См.: Новая Россия.1994: Информационно-статистический альманах. – М., 1994. - С. 200.

² См.: Рязанцев.С.В. Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Социологические исследования. - 2002. - № 1. - С. 77.

³ См.: Регионы России: Социально-экономические показатели 2003 г.: Статистический сб. – М., 2003. - С. 52.

⁴ Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. — Ставрополь, 2000. - С. 7.

традиции регионального деления, что проявлялось в высказываниях полномочного представителя Президента России в Южном федеральном округе В.Г. Казанцева о том, что Северный Кавказ является субрегионом округа.¹

Северный Кавказ признается основной зоной зарождения российского казачества.² Здесь со второй половины XVI века государственную службу России несли казачьи войска - Донское, Терское и Кубанское. Они, как было показано в параграфе 2.1, сыграли значительную роль в военно-экономической колонизации региона и укреплении власти Российской империи на Кавказе. В дооктябрьский период ведущее положение казачества в социально-политической системе региона обеспечивалось сословным статусом и социально-политическими функциями, делегированными ему государством. В 1917 г. к казачьему сословию в области Войска Донского относилось 43 % населения (в 1894 г. в области было 1.022 тыс. казаков), в Кубанской области - 42 % (в 1894 г. в области было 724 тыс. казаков), в Терской области - 18 % населения (в 1894 г. в области было 187 тыс. казаков).³ Казачьи войска обеспечивали военное и гражданское управление соответствующими войсковыми областями. Но в результате Первой мировой и Гражданской войн, кровопролитных репрессий расказачивания доля казачества в структуре населения резко сократилась. Перепись населения 1926 г. установила, что в Северо-Кавказском крае⁴ только 25,7 % жителей признали себя казаками.⁵

В последующие годы казачество не выделялось в переписях населения в качестве особой социальной общности, поэтому данные о численности казаков,

¹ См.: Казанцев В.Г. Южный федеральный округ и его Северо-Кавказский субрегион как предмет социально-политической теории и практики // Социально-гуманитарные знания. - 2001. - № 1. - С. 4.

² См., например: Ауский С. Казаки. Особое сословие. - М. - СПб., 2002. - С. 13-14; Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696-1896 гг.) / Составил того же полка подьесаул В. Толстов / Репринтное изд. - Ставрополь, 1992. - С. 4 и др.

³ См.: Российское казачество: Научно-справочное издание. - М., 2003. - С. 99, 255, 182.

⁴ Административно-территориальные границы Северо-Кавказского края и современного северокавказского региона практически совпадают.

⁵ См.: Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. - Ростов-на-Дону, 1929.

полученные выборочными исследованиями по различным методикам, имеют значительный разброс показателей и оцениваются как ориентировочные.

Так, в ходе социологических исследований, проведенных в начале 1990-х гг., численность казаков в Краснодарском крае была определена в широком диапазоне - от 900 тыс. до 1,3 млн. человек¹, а в Ростовской области с казачеством себя идентифицировало около 1 млн. человек (28 % населения).²

Существенно различаются оценки потенциальной численности казаков и в Ставропольском крае. Так, атаман Ставропольского краевого Союза казаков П.С. Федосов в начале 1990-х гг. сообщал о проживании в крае, включавшем Карачаево-Черкесскую автономную область, около 1 млн. казаков.³ В тоже время консультант Ставропольской краевой администрации И. Головлев приводил сведения о 500 тыс. потомственных казаков⁴, а доктор экономических наук С. Рязанцев опубликовал данные о 130 тыс. потомственных казаков на Ставрополье.⁵

Принятие в качестве исходных данных для последующих исследований даже минимальных показателей численности граждан, идентифицируемых с казачеством, позволяет делать выводы о многочисленном составе социальной базы казачества в северокавказском регионе и необходимость его развития как социально-политического института.

В настоящее время на Северном Кавказе в местах исторической деятельности Донского, Терского и Кубанского казачьих войск сформированы и действуют войсковые казачьи общества «Всевеликое Донское», Терское и Кубан-

¹ См.: Андреев А.П., Панасюк Е.В. Казачье движение // Политические исследования. – 1993. - № 3. – С. 57.

² См.: Казачество России: Информационно-справочные материалы. – Ростов-на-Дону, 2001. - С. 20.

³ См.: ВАПСК, оп.1, д. 154, л. 126, 148.

⁴ См.: Головлев И.Ю. Социальная база возрождения казачества на Ставрополье // Проблемы возрождения казачества: Сб. ст. участников второй Всерос. научно-практ. конф. – Ставрополь, 1993. - С. 35.

⁵ См.: Рязанцев С.В. Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Социологические исследования. - 2002. - № 1. - С. 77.

ское, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

Данные о численности войсковых казачьих обществ в северокавказском регионе, опубликованные управлением Президента России по вопросам казачества¹, приведены в таблице 8.

Таблица 8. Численность войсковых казачьих обществ в северокавказском регионе по данным управления Президента России по вопросам казачества (на 1 января 2003 г.)

№	Наименование войскового казачьего общества	Численность казачьего общества	В том числе численность казаков, изъявивших желание нести госслужбу
1.	«Всевеликое Донское»	105414	35890
2.	Терское	189564	53783
3.	Кубанское	130630	46627
Итого по северокавказскому региону		425608	136300

Данные о численности войсковых казачьих обществ также были опубликованы в сводной таблице «Численность казачьих обществ, внесенных в государственный реестр (по состоянию на март 2003 г.)», научно-справочного издания «Российское казачество».²

Однако в описаниях конкретных казачьих обществ в указанной книге приведены другие показатели. Поэтому для уточнения численности реестровых казачьих обществ в северокавказском регионе автор диссертации провел сравнительный анализ данных о численности казачьих обществ, представленных Управлением Президента России по вопросам казачества, и сведений, получен-

¹ См.: Перечень казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации на 1 января 2003 г. // Делопроизводство Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. 2003 г.

² См.: Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003. - С. 540-541.

ных из других источников информации.

В частности, в разделе вышеупомянутой монографии, посвященном современному Кубанскому войсковому казачьему обществу (КВКО), указывается, что «на этапе вхождения в госреестр численность казаков в войске составляла: всего с членами семей – 130630 чел, взявших на себя обязательства несения госслужбы – 46627 человек. По данным атамана КВКО, численность казаков к середине 2000 г. составила всего с членами семей – 137291 чел., способных нести службу - 32999 чел., изъявивших желание нести госслужбу – 15700 человек».¹ При сравнительном анализе обнаружилось значительное – на 30,9 тыс. человек (66%) - снижение показателей численности казаков Кубанского войскового казачьего общества, изъявивших желание нести государственную службу.

Однако в Табеле донесений о деятельности Кубанского войскового казачьего общества за 2001 г., представленном атаманом КВКО в Управление Президента России по вопросам казачества, подавались другие сведения о численности войскового общества: 1999 г. – 25450 казаков, 2000 г. – 27767 казаков, 2001 г. – 30514 казаков.²

В Табеле донесений о деятельности войскового казачьего общества «Все-великое войско Донское» за 2001 г. указывалось, что на учете в войсковом казачьем обществе состояло 58939 казаков³, а в докладе атамана войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» казачьего генерала Водолацкого В.П. на Большом круге казачьих войск России (Ставрополь, 25 мая 2003 г.) приводились другие данные: «Из общего количества политически активного казачьего населения области до 90% объединены в ВКО ВВД. Персональная

¹ См.: Там же. - С. 259.

² См.: Табель донесений о деятельности Кубанского казачьего общества за 2001 г. Исх. № 808 от 20 декабря 2001 г. // Делопроизводство Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. 2002 г.

³ См.: Табель донесений о деятельности войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» за 2001 г. Исх. № 45 от 11 февраля 2002 г. // Делопроизводство Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. 2002 г.

численность организации составляет около 80 тыс. казаков призывного возраста».¹

В отчетном докладе Большому кругу Терского войскового казачьего общества (Новопавловск, 7 сентября 2003 г.) атаман войскового общества, казачий генерал Бондарев В.П. сообщил: «Терское казачье войско насчитывает 59620 казаков. За период с 2000 г. численность его возросла на 5,5 тыс. членов (на 9%)».²

Очевидно, сведения о составе казачьих обществ, полученные из их отчетных документов, в большей мере соответствуют реальным показателям. Следовательно, данные управления Президента России по вопросам казачества в отношении численности Кубанского войскового казачьего общества оказались завышенными на 100,1 тыс. человек (в 4,3 раза), войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» – на 46,5 тыс. человек (в 1,8 раза), Терского войскового казачьего общества - на 129,9 тыс. человек (в 3,2 раза).

Дополнительное интервьюирование атаманов казачьих обществ, проведенное автором диссертации, позволило установить различия методик подсчета численности казаков управлением Президента России по вопросам казачества и казачьими обществами: некоторые из них необоснованно включали в состав казачьих обществ взрослых (а иногда и малолетних) членов семей членов казачьих обществ, а также граждан, проживающих на территориях, выходящих из зоны ответственности соответствующих войсковых казачьих обществ.

Как выяснилось, данные о численности Терского войскового казачьего общества Управление Президента России по вопросам казачества существенно не изменяло после внесения общества в государственный реестр, несмотря на значительную миграцию терских казаков из республик Северного Кавказа, от-

¹ См.: Об участии казачьих обществ в формировании органов местного самоуправления и их социально-экономическом развитии: Доклад атамана войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» казачьего генерала Водолацкого В.П. // Казачий Терек.-2003.- № 6.

² См.: Отчетный доклад атамана Терского казачьего войска казачьего генерала Бондарева В.П. // Казачий Терек. - 2003. - № 10.

носящихся к войсковой территории.

В связи с вышеизложенными фактами показатели численности казачьих обществ, опубликованные в книге «Российское казачество: Научно-справочное издание»¹ на основе данных, полученных в Управление Президента России по вопросам казачества² (см.: Таблицы 6, 7), могут оцениваться как завышенные. Однако другими обобщенными сведениями о численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, федеральные органы государственной власти не располагают.

Сведения о численности казачьих обществ, уточненные на основе отчетных документов казачьих обществ, приведены в таблице 9.

Таблица 9. Численность войсковых казачьих обществ в северокавказском регионе (по уточненным данным войсковых казачьих обществ)

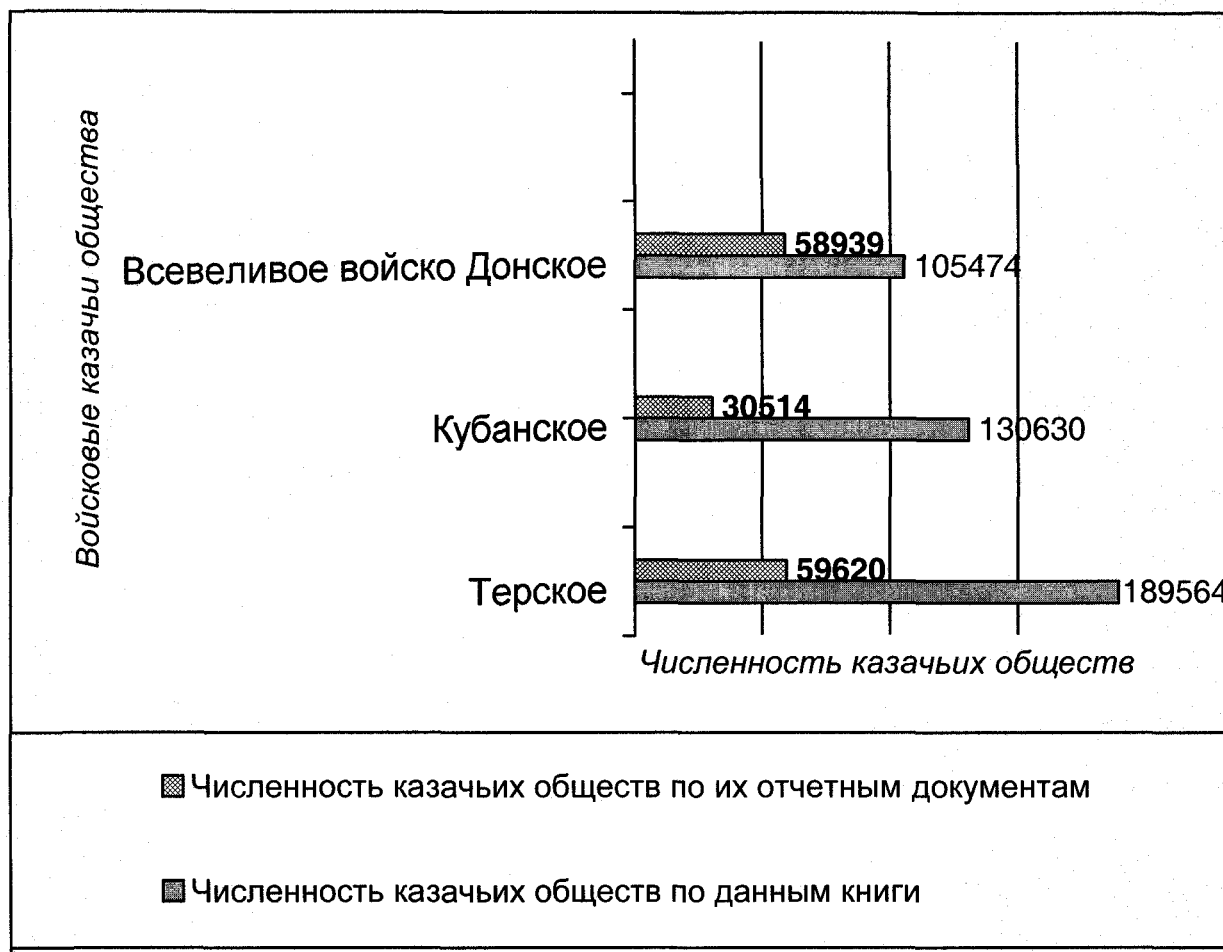
№	Наименование войскового казачьего общества	Численность казачьих обществ (тыс. казаков)
1.	«Всевеликое Донское»	58,9
2.	Терское	59,6
3.	Кубанское	30,5
Итого по северокавказскому региону		149,0

Наглядные представления о различиях показателей численности войсковых казачьих обществ, опубликованных в книге «Российское казачество: Научно-справочное издание», и отчетных документах казачьих обществ дает график.

¹ См.: Российское казачество: Научно-справочное издание. – М., 2003. - С. 540-541.

² Автор диссертации самостоятельно получал в управлении Президента РФ по вопросам казачества данные, совпадающие с опубликованными в указанной книге.

График 7. Численность войсковых казачьих обществ северокавказского региона по данным книги «Российское казачество: Научно-справочное издание» и отчетным документам казачьих обществ

Большое значение для процесса социально-политической институционализации казачества на Северном Кавказе полиэтничная, поликонфессиональная структура социально-поселенческой общности региона. Здесь совместно проживает население, представляющее индоевропейскую (около 75% населения региона), северокавказскую (более 16% населения), алтайскую (более 4% населения) и кавказскую (0,15% населения) языковые семьи.¹ В структуре социально-поселенческих общностей Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области доминирует русское население, а в республиках Северного Кавказа преобладающее или доминирующее положение занимают автохтонные горские народы.² Такие отличительные особенности социально-

¹ Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь, 2000. - С. 6-7.

² См.: Там же. – С. 13.

территориальных общностей субъектов Федерации порождают антропологические и культурные отличия среди донских, терских, кубанских казаков.¹

Однако, несмотря на длительное совместное проживание многочисленных народов Северного Кавказа они не утратили этническое самосознание, культуру, традиции и другие этнокультурные признаки. Поэтому северокавказский регион, ставший мостом между Севером и Югом, Востоком и Западом, Европой и Азией, «местом встреч... синтеза и взаимообогащения цивилизаций, ...полигоном евразийства»², остается своеобразной зоной потенциально-конфликтного взаимопроникновения инокультурных цивилизаций и разнообразных социальных групп, которые в поисках лучших условий жизни мигрируют по территории региона. Как отмечала политолог Л.Л. Хоперская, только за 1989-1999 гг. на Северный Кавказ переехало более 2 млн. человек, в том числе в Краснодарский край 790 тыс. человек, в Ростовскую область - 480 тыс. человек, в Ставропольский край – 360 тыс. человек.³

За 10 лет численность русских, например, в Чечне и Ингушетии сократилась с 450 тыс. до 12,5 тыс. человек и продолжает уменьшаться. Значительный отток русского населения отмечен и в других республиках Северного Кавказа.⁴

Неуправляемая миграция стала катастрофой не только для самих эмигрантов, но и для жителей сопредельных территорий. Только через Ставропольский край за 1992-2000 гг. транзитно мигрировало около 1 млн. беженцев и вынужденных переселенцев.⁵ Реальные масштабы миграционных процессов, вероятно, более значительны. На Ставрополье иммигрировала значительная часть

¹ Подробнее об этом см., например, Виноградов В.Б. Из истории и культуры Кубани. – Армавир, 1997; Заседателева Л.Б. Терские казаки: Середина XVI – начала XX вв.: Историко-географические очерки. – М., 1974 и др.

² Поляков Ю.А. Слово о Северном Кавказе // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы Всерос. науч. конф.: В 2 ч. – М.; Ставрополь, 2001. – Ч. 1. – С. 6.

³ См.: Хоперская Л.Л. Факторы противостояния и выбор стратегии стабильности на Северном Кавказе // <http://www/ca-c.org/cac-10-2000/19.khop/shtml>.

⁴ См.: Об отношении российского казачества к положению российского казачества на Северном Кавказе: Доклад атамана Терского войскового казачьего общества, казачьего генерала Бондарева В.П. // Казачий Терек. – 2003. – № 6.

⁵ См.: Изменение основных демографических характеристик Ставропольского края за 1989-1999 гг.: Статистический сб. – Ставрополь, 2000. – С.62.

вынужденных переселенцев, беженцев из традиционно «казачьих» районов Чечни и других республик Северного Кавказа.

Закрепляясь на новых местах, мигранты стремятся занимать в структуре общества высокое положение. Такие претензии новопоселенцев, соответствующие их конституционным правам, в условиях социетального кризиса, пережитого Россией в 1990-х гг., вызывают обострение отношений со «старожилом» населением, болезненно воспринимающим изменения социально-политической системы как угрозу собственному благополучию. Поэтому стихийная миграция порождает дополнительные условия напряженности социально-политической обстановки в регионе и, по мнению Губернатора Ставропольского края А.Л. Черногорова, оказывает серьезное влияние на состояние общественной безопасности, резко обостряет межнациональные отношения. Значительный приток мигрантов осложняет жилищные проблемы, приводит к росту цен на жилье и продукты питания, перегрузке социально-культурной инфраструктуры, прежде всего, образовательных школ. Вследствие миграции сокращается доля русских жителей в структуре населения. За 20 лет в Ставропольском крае она снизилась с 88 до 83 процентов, и сохраняется устойчивая тенденция к понижению этого показателя. При этом правоохранные органы отмечают рост преступлений, совершенных мигрирующими преступными группировками.¹

Казачьи общества, выражающие обеспокоенность коренного населения нерегулируемыми миграционными процессами, неоднократно выступали с требованиями о решении проблем стихийной миграции в регионе. В частности, такие требования администрации Ростовской области в сентябре 1999 г. предъявляло войсковое казачье общество «Всевеликое войско Донское». С аналогичными требованиями к губернаторам Краснодарского и Ставропольского краев

¹ См.: В тисках проблем. Из доклада губернатора Ставропольского края А.Л. Черногорова на расширенном заседании совета по экономической и общественной безопасности, состоявшемся 30 января 1999 г. // Казачий Терек. – 1999. – № 2.

ными требованиями к губернаторам Краснодарского и Ставропольского краев обращались Кубанское войсковое казачье общество и Ставропольское окружное казачье общество. Добиваясь положительного решения своих требований казачьи общества, самостоятельно пытались контролировать миграционные процессы, проверять соблюдение паспортного режима, досматривать автотранспорт и выполнять другие правоохранительные меры с превышением их компетенции. Это вызывало дополнительное осложнение отношений радикально настроенных казачьих объединений с органами государственной власти и местного (муниципального) управления.

Попытки органов государственной власти Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области регулировать миграционные процессы посредством ограничения официальной регистрации (прописки) мигрантов пресекались федеральными органами как нарушения Конституции. При этом, однако, социальная политика государства в регионе остается малоэффективной, вследствие чего северокавказский регион и в начале XXI века остается «горячей точкой». Подчеркивая важность решения проблем Северного Кавказа, приобретающих всероссийское значение, Президент России В.В. Путин говорил: «Сегодня в этом российском регионе проходят испытания на прочность базовые основы нашего конституционного строя».¹ Поэтому перед органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов ставилась задача восстановления кавказско-российского цивилизационного единства, которое наиболее полно отвечает интересам народов Северного Кавказа и поддержанию региональной безопасности.²

К реализации задач укрепления мира и региональной безопасности на Северном Кавказе, являющемся форпостом России на юго-западном направле-

¹ Цит. по: Казанцев В.Г. Южный федеральный округ и его Северо-Кавказский субрегион как предмет социально-политической теории и практики // Социально-гуманитарные знания. - 2001. - № 1. - С. 5.

² См.: Казанцев В.Г. Южный федеральный округ и его Северо-Кавказский субрегион как предмет социально-политической теории и практики // Социально-гуманитарные знания. - 2001. - № 1. - С. 4.

ского края А.Л. Черногоров отмечал, что «казаки ни разу не стали причиной межэтнических и религиозных конфликтов. Напротив, казаки делают все возможное для стабилизации обстановки в регионе, чтобы мир и согласие царили на родной земле».¹

Такая же положительная оценка роли казачества в решении актуальных общероссийских и региональных проблем обнаруживается в высказываниях других представителей политической элиты, неоднократно подчеркивавших историческую роль казачества в укреплении мира на Северном Кавказе.²

В работах ученых северокавказского региона рассмотрены многие аспекты возрождения качества на Дону и Кубани³. Однако до публикации монографий и статей автора диссертации⁴ проблемы формирования и развития совре-

¹ Приветствие губернатора Ставропольского края А.Л. Черногорова Большому кругу Терского казачьего войска от 7 сентября 2003 г. // Казачий Терек. – 2003. – № 10.

² См., например, Авраменко А.М. Казачество как фактор современной геополитики // http://synopsis.kubsu.ru/new_n/009_97/htm; Об отношении российского казачества к положению российского казачества на Северном Кавказе: Доклад атамана Терского войскового казачьего общества, казачьего генерала Бондарева В.П. // Казачий Терек. – 2003. – № 6; Громов В.П. Нужно быть полезным и Отечеству, и Кубани // Российский штандарт. – 2003. – № 18.

³ См., например, Возрождение казачества: надежды и опасения / Ред. Г. Витковская, А. Машуленко. – М., 1998. Возрождение казачества: история и современность: Материалы к V Всероссийской (международной) науч. конф.: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.П. Скорик. – Новочеркасск, 1994; Казачество юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Доклады и сообщения на научно-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 2001; Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф. 1992 г. – Ставрополь, 1992; Туценко Н.Ф. Казачье движение на Кубани: на пути к гражданскому обществу // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 35-44 и др.

⁴ См., например, Масалов А.Г. Региональные политологические аспекты возрождения российского казачества на Северном Кавказе // Регионология. – 2003. – № 3. – С. 280-293; Он же. Российское казачество: основные этапы возрождения // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2003. – № 33. – С. 135-143; Он же. Возрождение казачества на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI века. – Ставрополь, 2002; Он же. Современное казачество на охране региональной безопасности и общественного порядка. – Ставрополь, 2001; Бондарев В.П., Масалов А.Г. Терское казачье войско: из века в век. 1577-2003. – Владикавказ – Ставрополь, 2003; Масалов А.Г. О роли казачества в стабилизации социальных отношений на Северном Кавказе // Через диалог религий к прочному миру и межнациональному согласию на Северном Кавказе: Материалы Международной научно-практ. конф. – Пятигорск, 2003. – С. 80-86; Он же. Социально-политический феномен казачества и новый социальный порядок на Северном Кавказе // Социальный порядок, толерантность, право: Материалы Международной науч. конф.: В 2 ч. – Краснодар: Изд-во КЮИ МВД РФ, 2003. – Ч. 1. – С. 218-229; Он же. Казачество в политической жизни России (на примере северокавказ-

менных казачьих обществ на исторических землях Терского казачьего войска и в Ставропольском крае не получали значительного освещения в научной литературе. В связи с этим актуализируется научная и политико-практическая значимость проведенного в диссертационной работе исследования процесса социально-политической институционализации казачества в предгорной зоне северокавказского региона, в субъектах Российской Федерации, образованных на землях бывшей Терской области, в местах компактного проживания терских казаков.

Объективные потребности участия казачества, представляющего интересы значительной части населения региона, в укреплении государственности, мира и согласия на Северном Кавказе связаны с реальными социально-политическими процессами, отличающимися большой социально-политической напряженностью, конфликтогенностью.

В республиках Северного Кавказа главными аргументами политической борьбы выступают реальные национальные интересы и выдаваемые за них геополитические интересы некоторых государств, таких как Турция, претендующих на лидирующее положение на Кавказе.

Кризисные процессы в начале 1990-х гг. приводили к перерождению национального самосознания в националистическое, экстремистское. Для реализации национальных интересов проводилась этническая, родовая, клановая, тейповая мобилизация, которая формировала устойчивый образ врага, виновника национальных бед в лице «пришлых», «инородцев», «иноверцев». Идентификационная национальная мобилизация титульных народов республик Северного Кавказа породила административную, экономическую и физическую агрессию, направленную на вытеснение из республик «нетитульного», рус-

ского региона) // Россия в современном мире: Материалы IV Международной конф. «Россия: приоритеты выборов и выбор приоритетов»: В 3 т. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – Т. 3. – С. 86-95 и др.

скоязычного населения. Этот процесс затрагивал и казаков, которые провозглашались основными врагами националистических объединений.

В республиках Северного Кавказа вопрос сохранения русскоязычного, казачьего населения обострился в конце 1980-х гг. в связи с прекращением деятельности наукоемких, высокотехнологичных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, в которых оно было занято, и ростом антирусских настроений среди горского населения. Не получив социальной помощи от государства, разобщенные «нетитульные» жители республик не могли противостоять организациям местных националистов и в целях сохранения жизни эмигрировали из нагорной и предгорной зон Северного Кавказа.¹

В конце 1989 г. инициаторы возрождения казачества перешли к конкретным организационным мероприятиям по организации самостоятельных общественных объединений потомственных казаков. На Сунже и Тереке были созданы Сунженский казачий округ (атаман А. Подколзин), Терско-Гребенской казачий круг (атаман Ю. Машенко), Наурский казачий круг (атаман А. Луганский), Кизлярский отдел (атаман В. Чеботарев), Моздокский отдел (атаман А. Подгурский), Терско-Малкинский округ (атаман М. Клевцов), Грозненский округ (атаман Г. Галкин). В Ставропольском крае первые казачьи объединения организовывались в станицах Зеленчукской (атаман Н. Ляшенко), Ессентукской (атаман В. Титов), Боргустанской (атаман П. Носенко), г. Пятигорске (атаман А. Кузнецов).

23 марта 1990 г. в г. Владикавказе, бывшем административном центре Терского казачьего войска, проводился круг (съезд) терских казаков, который учредил общественную организацию «Терское казачество». Ее атаманом был избран Герой Советского Союза В.Д. Коняхин.

¹ Подробнее об этом периоде самоорганизации казачьих обществ в республиках Северного Кавказа см., например, Евдокимов П. Чеченский календарь // Спецназ России. – 2000. – № 12; Андреев М. Отстаивать интересы русских // Казачий Терек. – 1999. – № 3 и др.

Создание объединения «Терское казачество» мотивировало формирование казачьих организаций во всех населенных пунктах, имевших казачье население.

Одновременно, весной 1990 г. инициативная группа казаков Ставропольского края, созданная в ноябре 1989 г. известным писателем В.В. Ходаревым, установила связь с энтузиастами казачьего возрождения в Москве, на Кубани, Дону, Тереке, в других регионах. Совместно с землячеством казаков в Москве они приняли участие в подготовке Большого учредительного круга Союза казаков (Москва, 29-30 июня 1990 г.). Среди 263 делегатов круга и 450 приглашенных были терские казаки В.Д. Коняхин, А.А. Луганский, Ю.М. Мащенко, А.И. Подколзин и другие. Делегацию казаков Ставропольского края (34 делегата) возглавлял П.С. Федосов.

Большой учредительный круг Союза казаков завершил подготовительный этап и послужил началом для первого содержательно-хронологического периода реального возрождения российского казачества, положившего начало формированию механизма государственной политики в отношении казачества.

28-29 сентября 1990 г. в Ставрополе проводился первый краевой съезд казаков, учредивший общественную организацию «Ставропольский краевой Союз казаков» (СКСК). В краевой Союз входили все жители Ставрополя и Карачаево-Черкесии, идентифицировавшие себя с казачеством. По мнению организаторов СКСК, их насчитывалось около 1 млн. человек.¹

Краевой Союз казаков признавался одной из самых активных и многочисленных казачьих организаций России. По этой причине 8-10 ноября 1991 г. в Ставрополе проводился второй Большой круг Союза казаков (России), на котором присутствовали 800 делегатов от 300 тыс. членов казачьих организаций. В состав СКСК до конца 1991 г. входили казачьи организации терских казаков,

¹ ВАПСК, оп.1, д.154, л.126, 148. Эти данные не имеют подтверждения органов государственной статистики.

имевшие традиционные наименования Наурский, Терско-Гребенской, Кизлярский отделы.

Однако нараставшие в то время противоречия между лидерами Союза казаков (атаман А.Г. Мартынов), Союза казачьих войск России (атаман В.Н. Ратиев) и других объединений привели к идейному расколу казачьего движения и на местах. Борьба атаманов за «всероссийское» лидерство отвлекала казачьи общества от решения актуальных задач, поэтому многие члены конфликтовавших Союзов выходили из них и пытались создавать собственные организации, способные конструктивно решать местные проблемы граждан, идентифицируемых с казачеством. Поэтому помимо СКСК, входившего в Союз казаков (России), в Ставропольском крае обособленно действовали казачьи организации «Белое братство», «Союз казачьих войск России», «Ставропольское войско Великого братства казачьих войск», «Союз казачьих формирований». Они были малочисленными и не оказывали существенного влияния на процесс развития современного казачества в крае и регионе.

Усилия конструктивно настроенных лидеров казачьего движения привели к изменению принципов формирования казачьих организаций и переходу ко второму этапу развития казачьего движения – периоду самоидентификации казачьих обществ. Эмпирически он обнаруживался в 1991–1992 гг. реорганизацией казачьих объединений по признакам личной и групповой идентификации с традиционно-российскими казачьими войсками. Такая дифференциация казаков ослабляла местные казачьи организации, что не соответствовало актуальным запросам казаков, так как в то время на Северном Кавказе активизировались сепаратистские националистические движения.

Казаки, испытывающие на себе реальные проявления современного национализма, сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма, определяли свою природно-историческую связь с традиционным российским казачеством, пытались стабилизировать социально-политическую ситуацию в регионе, консолидировать деятельность казачьих обществ на принципах

солидировать деятельность казачьих обществ на принципах традиционных казачьих общин.

23-24 марта 1991 г. в г. Владикавказе проводился первый Большой круг терского казачества, на котором присутствовало более 300 делегатов и приглашенных. В отчетном докладе атамана общественной организации «Терское казачество» В.Д. Коняхина сообщалось о том, что на исторической территории Терского казачьего войска – в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, южных районах Ставропольского края - действуют казачьи организации, насчитывающие 497 тыс. терских казаков.¹ Круг принял решение об объединении этих организаций в единое общество с историческим названием «Терское казачье войско». Такое решение было ответной реакцией русскоязычного населения на агрессивное отношение к ним так называемой Конфедерации горских народов к «негорскому» населению в Чечено-Ингушетии, которую к тому времени вынуждены были покинуть около 100 тыс. человек.²

Активизация казачьих организаций вызвала негативное отношение местных националистов, которые перешли к массовому террору в отношении казаков. Так, 7 апреля 1991 г., в день Пасхи, в пос. Карабулак ЧИ АССР ингушским националистом был убит один из самых активных организаторов возрождения терского казачества атаман Сунженского отдела А.И. Подколзин.

Руководством республики не приняло решительные меры для пресечения преступлений против казаков, вследствие чего в ночь с 28 на 29 апреля 1991 г. батальон ингушских националистов совершил вооруженное нападение на станицу Троицкую. За время десятичасового погрома в станице были убиты 5 человек, в том числе участковый милиционер-ингуш, ранены 53 человека,

¹ Эти данные не имеют научного обоснования. Они в большей мере характеризуют потенциальную численность потомственных терских казаков, проживающих на землях, ранее относившихся к Терскому казачьему войску. В расчет принимались данные о численности русского населения в бывших казачьих станицах.

² По данным атаманов казачьих объединений, из Слепцовского, Наурского, Шелковского районов за два года выехало около 15% русскоязычного населения.

сожжены 4 жилых дома, автомашины, разграблено имущество, совершены многочисленные акты насилия над гражданами. Введение ОМОНа в Сунженский район не снизило социальную напряженность, и до конца года около 500 казачьих семей выехало из республики.

23 февраля 1992 г. в г. Владикавказе проводился второй Большой круг казачьих организаций Терека и Сунжи, на котором присутствовали 332 делегата. Круг учредил межрегиональную организацию «Терское казачье войско» для возрождения терского казачества в местах его исторической жизнедеятельности.

В «Терское казачье войско» вступали казачьи общества, созданные на территориях, которые до 1920 г. входили в состав Терской области. Например, потомственные казаки-терцы из региона Кавказских Минеральных Вод Ставропольского края в ноябре 1992 г. создали общественную организацию «Пятигорский округ Терского казачьего войска», в списках которой значилось 22,5 тыс. казаков.¹

Для консолидированного решения казачьими организациями проблем защиты интересов русскоязычного, казачьего населения в республиках Северного Кавказа предпринимались попытки создания межрегиональных казачьих объединений. Так, 23 мая 1993 г. в г. Ставрополе проводился Большой круг казаков Дона, Кубани, Терека и Ставропольского края для организации Союза казачьих войск Юга России. Однако из-за непримиримых взаимоотношений атамана Союза казаков А.Г. Мартынова и атамана Союза казачьих войск России и зарубежья В.Н. Ратиева создать межрегиональную казачью организацию не удалось.

Но реальные условия требовали объединения казаков региона. Для решения этой задачи 10 июля 1993 г. в г. Новопавловске проводился объединительный круг казачьих организаций юга России, на котором присутствовали 300 делегатов. Круг учредил региональную общественно-политическую организа-

¹ См.: ВАПСК, оп. 1, д. 341, л. 7.

цию «Кавказское линейное казачество» (КЛК), в которую вошли казачьи организации Ставропольского края, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании, Чечни с общим списочным составом около 300 тыс. членов.¹ Так в казачьем движении обнаружился третий содержательно-хронологический этап (1993–1996 гг.) - интеграционный.

Создание КЛК соответствовало историческим традициям казачества на Северном Кавказе, где с 1832 г. южные границы России защищало Кавказское линейное казачье войско. В 1860 г. на его основе были сформированы самостоятельные Терское и Кубанское казачьи войска, за которыми закреплялись зоны административного управления в форме войсковых областей. Для демонстрации исторической связи с предками КЛК переименовывалось в Кавказское линейное казачье войско (КЛКВ). Его основной целью провозглашалось «объединение казачьих организаций Северного Кавказа в единую общественно-политическую и экономическую структуру для совместной деятельности, восстановления и сохранения казачества как этнической формации, имеющей равные права на самовыражение, наряду с другими народами в этом регионе. Восстановление казачьих традиций, культуры, истории с учетом современных условий, пропаганда обычаев, праздников, обрядов казачества, их традиционного быта..., реализация и защита гражданских (политических, экономических, культурных) прав и свобод казаков».²

Рост политической значимости региональных казачьих объединений настораживал руководителей государственных органов субъектов РФ. Некоторые из них добивались подчинения себе казачьих организаций посредством разнообразных форм административного воздействия. Так, в целях установления конструктивного сотрудничества администрации Ставропольского края с казачьими организациями в аппарате краевой администрации был создан Отдел по вопросам казачества, который возглавил атаман Ставропольского краевого

¹ См.: ВАПСК, оп. 1, д. 222, л. 10.

² ВАПСК, оп. 1, д. 154, л. 2-3.

Союза казаков П.С. Федосов. Специализированные организационные структуры создавались и в аппаратах администрации Краснодарского края и Ростовской области.

С 1995 г. началась целенаправленная работа органов государственной власти Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области по выполнению указов Президента России о создании казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, и организации их государственной и иной службы.¹ В этих целях создавались краевые и областные комиссии под руководством заместителей глав администраций, поэтому казачьи организации проявили заинтересованность в сотрудничестве с органами государственной власти субъектов Федерации. В связи с этим взаимодействие казачьих организаций в рамках межрегионального казачьего объединения КЛКВ утрачивало свое первоначальное значение и прекращалась. 30 июня 1996 г. межрегиональная общественная организация Кавказское линейное казачье войско была самораспущена.

Начавшаяся подготовка казачьих обществ к внесению в государственный реестр Российской Федерации (1996–1998 гг.) позволяет эмпирически выделять четвертый содержательно-хронологический этап – период реорганизации казачьих обществ и их приведения в соответствие с нормативными требованиями законодательства Российской Федерации.

Войсковые казачьи общества северокавказского региона были внесены в государственный реестр Российской Федерации одними из первых: Терское – 12 февраля 1997 г., «Всевеликое войско Донское» - 17 июня 1997 г., Кубанское - 24 апреля 1998 г. Однако казачьи организации Ставропольского края не сразу определили свою принадлежность к войсковым казачьим обществам.

¹ См.: О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 9 авг. 1995 г. № 835 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 33. - Ст. 3359.

Наиболее многочисленным казачьим обществом в Ставропольском крае был Пятигорский округ Терского казачьего войска. На территории его деятельности в 1996 г. проживало 108,7 тыс. человек, относивших себя к потомкам казаков. В округ входило 7 отделов, объединявших 76 казачьих организаций, со списочным составом около 22,5 тыс. казаков.

В общественной организации «Ставропольское казачье войско» (СКВ), реорганизованной из Ставропольского краевого Союза казаков в 1994 г., числилось 4608 казаков. На территории деятельности СКВ насчитывалось более 30 тыс. человек, причислявших себя к казакам. В СКВ входили 4 округа, состоявших из 114 первичных казачьих организаций, действовавших в 165 населенных пунктах края. Таким образом, социальная база казачьих организаций Ставропольского края в то время насчитывала 130 тыс. человек.¹

По данным оргкомитета, в октябре 1996 г. из 56340 опрошенных казаков, проживавших на территории Пятигорского округа ТКВ, выразили готовность нести государственную службу 8359 казаков (14,8%), а из 29745 казаков, проживавших на территории СКВ, о таком желании сообщили 13562 казака (45,6%). Наиболее привлекательной для себя опрошенные казаки считали производство и поставки государству сельскохозяйственной продукции, участие в охране объектов государственной и муниципальной собственности, в таможенной и правоохранительной службе.²

В связи с тем, что нормативные документы предусматривали возможность формирования войскового казачьего общества на территории не менее двух субъектов Федерации, Совет атаманов СКВ пытался организовать Терско-Ставропольское казачье войско. Но руководство Терского войскового казачьего общества (сокращенное наименование – Терское казачье войско, ТКВ) отклонило это предложение и 13 июля 1996 г. провело учредительный войсковой круг. 12 февраля 1997 г. устав ТКВ был утвержден Президентом России, а 11

¹ См.: ВАПСК, оп. 1, д. 341, л. 4-8.

² См.: ВАПСК, оп. 1, д. 493, л. 14-18, 23-26.

марта 1997 г. Министерство РФ по делам национальностей и федеральным отношениям вручило войсковому обществу свидетельство № 10 о его внесении в государственный реестр.

Подготовка казаков, проживающих в Ставропольском крае, к внесению в государственный реестр осложнялась тем, что на территории края оказались различные группы потомков терских, кубанских, донских и иных казаков. Одни из них выступали за присоединение к Терскому казачьему войску, другие – за присоединение к Кубанскому казачьему войску, а третьи - за сохранение самостоятельности в составе казачьих общественных организаций.

Большая часть казаков поддержала предложение о вхождении в Терское войсковое казачье общество в качестве отдельной структурной единицы – казачьего округа. Подготовительную работу возглавлял секретарь совета по экономической и общественной безопасности Ставропольского края В.П. Бондарев. Поддержку казакам оказал губернатор Ставропольского края А.Л. Черноголов. По его поручению главы администраций городов и районов края на местах стали активно сотрудничать с казачьими организациями, оперативно решать их проблемы, что, в свою очередь, стимулировало желание казаков заниматься государственной службой, сотрудничать с органами власти.

Конец разногласиям положили компромиссные решения о совмещении в эмблеме округа символов Терека и Кубани, о сохранении в форменной одежде традиционных синего и красного цветов бешметов, «верха» папах, околышей фуражек, кантов брюк и т.п.

Результатом подготовительной работы стал организационный круг казачьих организаций Ставрополя, проведенный 3 октября 1998 г. На нем присутствовали 436 выборных (делегатов) от 14 казачьих отделов, действовавших в 26 городах и районах края. Круг учредил Ставропольское окружное казачье общество Терского войскового казачьего общества (СКО ТКВ), первоначально состоявшее из 11 отделов (16,7 тыс. казаков). Окружное общество вносилось в государственный реестр в составе Терского войскового казачьего общества.

СКО ТКВ стало основой для дальнейшего развития системы казачьих обществ в Ставропольском крае. Так, с октября 1998 г. начался пятый содержательно-хронологический период возрождения казачества на Ставрополье – этап государственной службы.

По численности и уровню организованности Ставропольское окружное казачье общество занимает лидирующее положение в Терском войсковом казачьем обществе. Казаки Ставрополя оказывают социально-политическую, моральную и экономическую поддержку казачьим обществам других северокавказских республик. В состав Ставропольского казачьего округа входили Наурский, Грозненский и Терско-Гребенский отделы ТКВ, действовавшие в Чечне. Только 14 апреля 2002 г. они организовали самостоятельное Терско-Сунженское окружное казачье общество ТКВ со штабом в станице Наурской.

В начале XXI века Терское войсковое казачье общество действует на территориях Республики Дагестан (в Кизлярском особом казачьем округе 2,3 тыс. казаков), Республики Северная Осетия – Алания (в 9 отделах Аланского республиканского казачьего округа 16,8 тыс. казаков, а Моздокский особый казачий отдел насчитывает 7,8 тыс. казаков), Чеченской Республики (Терско-Сунженский особый казачий округ насчитывает 4,2 тыс. казаков в 3 отделах) и Ставропольского края (в СКО ТКВ 28,5 тыс. казаков, организованных в 18 отдельных казачьих обществ). Всего в составе Терского войскового казачьего общества 59,6 тыс. казаков.¹

Наглядное представление о неравнозначной численности казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, дает гистограмма.

¹ См.: Состав Терского войскового общества на 1 июля 2003 г. // Делопроизводство оперативной группы штаба Терского казачьего войска. 2003 г.

График 8. Численность окружных и отдельных казачьих обществ Терского войскового казачьего общества в субъектах РФ, расположенный в северокавказском регионе (по состоянию на 1 января 2004 г.)

Свидетельством признания общественной значимости деятельности Терского войскового казачьего общества стало проведение 25 мая 2003 г. в г. Ставрополь Большого круга казачьих войск России. Участников круга приветствовал Президент России В.В. Путин. На круге с большой программной речью выступил советник Президента России, генерал-полковник Г.Н. Трошев.

Государственно-правовую поддержку казачьему движению на Ставрополье обеспечивает краевой закон «О казачестве в Ставропольском крае», который был принят в 2003 году.¹

Однако конструктивное сотрудничество государственных органов с казачьими обществами наблюдается не во всех республиках Северного Кавказа.

Среди мотивов самоорганизации казачьих объединений в республиках Северного Кавказа особое место занимает цель обеспечения физического выживания казачьего населения в предгорной зоне Северного Кавказа. По данным комиссии Государственной Думы РФ (председатель С. Говорухин), из районов Гудермеса, Грозного, населенных пунктов Сунженской линии до начала 1995 г.

¹ О казачестве в Ставропольском крае: Закон Ставропольского края от 1 авг. 2003 г. № 29-КЗ // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 2003. - № 17 (119). - 15 сент.

эмигрировали 220 тыс. человек (70%) славянского населения, и были убиты 40 тыс. мирных жителей.

Оставленные без реальной государственной поддержки, казаки стремились самосохраниться с помощью вооруженной социально-политической организации, имеющей статус государственной службы по защите прав и свобод всего законопослушного населения. Однако государственно-правовыми актами, как было отмечено выше, формирование вооруженных казачьих объединений было запрещено. Поэтому казачьи общества изыскивали возможности для решения проблем защиты русскоязычного, казачьего населения в соответствии с действующим законодательством.

В августе 1995 г. из числа терских казаков, проживавших преимущественно в городах и районах Кавказских Минеральных Вод, на контрактной основе формировался 694-й отдельный мотострелковый казачий батальон имени генерала А.П. Ермолова, которому ставилась задача обеспечения правопорядка в казачьих станицах и других населенных пунктах на левом берегу Терека. Однако батальон, не прошедший необходимую боевую подготовку, был направлен в г. Грозный по маршруту, ставшему известным боевикам, и 8 марта 1996 г. батальон на марше принял бой, длившийся более двух часов, сумел отразить атаку противника и выбить его из опорных точек.

Казаки проявили героизм, умение вести боевые действия в сложных условиях лесистой местности и в населенных пунктах. Батальон принимал участие в освобождении от боевиков г. Грозного, населенных пунктах Ачхой-Мартан, Бамут, Орехово, Самашки и других. В боях погибло 27 казаков, ранено и контужено 262 казака. Правительственные награды получили 98 человек.

Батальон был готов к продолжению службы по охране правопорядка в надтеречных районах Чеченской Республики, но в феврале 1996 г. он расформировался по требованию зарубежных и отечественных «правозащитников».

Позднее, в 1999 г., в целях защиты русского населения Чечни правление Терского казачьего войска добилось формирования двух казачьих комендант-

ских рот для несения службы в Наурском и Шелковском районах. Военные бюрократы плохо обеспечивали материально-техническое и денежное довольствие комендантских рот. Поэтому казахи общества оказывали им продовольственную и вещевую поддержку. В ротах прошли службу 520 терских казаков. С их помощью удавалось стабилизировать оперативную обстановку. В Наурском районе, например, органы государственной власти стали комплектоваться русскими. Но в 2002 г. комендантские роты были переведены в Беной-Ведено, а казаки из них уволены.

Терское войско обеспечило комплектование на контрактной основе двух отдельных рот 205 отдельной мотострелковой казачьей бригады. Эти роты были прикомандированы к комендатурам Наурского и Шелковского районов. 370 казаков-терцев и 59 казаков из других казачьих войск прошли в них службу. Роты обеспечивали общественный порядок на левобережье Терека. Но по приказу военного комиссара Чечни в августе 2003 г. стрелковые роты были расформированы. Протесты казаков по этому поводу остались без ответа.

При этом резко сократилось количество русских среди местных милиционеров в Шелковском районе, а в Наурском районе кандидат на службу в милицию, назвавшийся казак, немедленно получал отказ.

Таким образом, из-за недалёковидности некоторых политиков и военачальников русское население Терека и Сунжи оставлено без надежной военизированной охраны. Террор националистов направлялся на физическое уничтожение наиболее активных лидеров казачества. От рук бандитов до 2001 г. погибло 7 казачьих атаманов и десятки активистов казачьего движения. В декабре 2002 года был убит атаман станицы Ищерской, заместитель главы местной администрации Н.В. Ложкин. В сентябре 2003 г., после возвращения с войскового круга был убит атаман Терско-Гребенского отдела Терского войскового казачьего общества М.А. Сенчиков.

В течение недели после его убийства из республики уехало еще около 100 человек.

Непрекращающийся террор в отношении казаков порождает массовую миграцию русскоязычного, казачьего населения из Чечни и Ингушетии, вследствие чего «исход» русского, казачьего населения из этих республик превысил порог обратимости и достиг катастрофических масштабов: только за 2000 г. коэффициент эмиграции из Чечни составил 1849 человек в расчете на 10 тыс. жителей.¹

Эти данные свидетельствуют о преступно-безразличном отношении руководства Чеченской Республики к проблемам сохранения казачества.

Негативные оценки отношения чеченской национальной политической элиты к казачеству обоснованы конкретными фактами проявления антагонистического характера отношений. Так, рост национализма горского населения в Чечне и Ингушетии в начале 1990-х гг., вызвавший массовый террор против казаков, привел к сокращению численности русскоязычного населения в Чечне и Ингушетии. Оно сократилось с 450 до 14,5 тыс. человек (в 32 раза) и в местах исторического проживания гребенского, терско-сунженского казачества, имеющего древнюю «вольную» и «служилую» историю, осталось только 4,5 тыс. русскоязычных жителей.

Демонстрацией виртуальной заботы о них руководства Чечни стало общественное объединение «Чеченское казачье войско», не связанное с российским казачеством в прошлом и настоящем.

При этом игнорируется Терско-Сунженское окружное казачье общество, которое в апреле 2001 г. объединило более 4 тыс. казаков-славян г. Грозного, Наурского и Шелковского районов, но не зарегистрировано государственными органами Чеченской Республики, не внесено в государственный реестр РФ, не имеет правомочий для участия в общественно-политической жизни республики. Поэтому взаимоотношения органов государственной власти Чеченской Республики и казачества могут оценивать как «активное противодействие».

¹ См.: Регионы России: Социально-экономические показатели. 2003: Статистический сб. – М., 2003. – С. 72.

В других республиках Северного Кавказа характер отношений органов государственной власти и местного самоуправления варьирует в диапазоне от позитивных - «сотрудничество в решении некоторых проблем» (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания) - до нейтрального - «взаимодействия нет» (Дагестан) - и негативных – «противодействие в решении некоторых проблем» (Ингушетия, Кабардино-Балкария).

Так, в Северной Осетии – Алании местная национальная политическая элита оказывает содействие Аланскому республиканскому окружному казачьему обществу ТКВ, основу которого составляют члены осетинского национального ополчения, сформированного в период осетино-ингушского территориального конфликта, но с Моздокским отдельским казачьим обществом ТКВ, состоящим из казаков-славян, сотрудничает только местная администрация.

В Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии не выполняются обещания представителей политической элиты о готовности поддерживать казачьи общества: в течение девяти лет президенты Ингушетии и Кабардино-Балкарии не согласовывают Устав Терского войскового казачьего общества, чем препятствуют деятельности казачьих обществ в республиках.

Не сумел оказать значительного положительного влияния на процесс формирования и организации деятельности казачьих обществ в северокавказском регионе и Координационный совет по делам казачества при полномочном представителе Президента России в Южном федеральном округе, созданный в 2000 г.¹ Его решения, носившие рекомендательный характер, не всегда выполнялись руководителями органов государственной власти в субъектах Федерации, а с 2003 г. заседания совета перестали проводиться.

¹ См.: Положение о Консультативном совете по делам казачества при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе: Распоряжение полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе от 27 нояб. 2000 г. № 161. // Таболина Т.В. Казачество: Формирование правового поля. – М., 2001. – С. 393.

Таким образом, опыт создания на Северном Кавказе общерегиональных казачьих объединений - «Союза казачьих войск Юга России» (1993 г.), Кавказского линейного казачьего войска (1993-1996 гг.), а также Координационного совета по делам казачества при полномочном представителе Президента России в Южном федеральном округе (с 2000 г.) оказался соответственно безрезультатным, непродолжительным и малоэффективным.

Как показывает проведенный анализ, казачество пока не заняло в социально-политической системе России место, адекватное его запросам, не выполняет тех социальных функций, на которые способно. Следовательно, социально-политическая институционализация казачества не может считаться завершенной. Для более эффективного продолжения этого социально-политического процесса требуется значительное улучшение его научно-методического обеспечения.

Региональные и местные особенности изучаемого процесса определяются количественными и качественными показателями структуры и деятельности организационно-политического механизма социально-политической институционализации казачества. Так, в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области казачьи общества имеют многотысячный состав с доминирующей славянской православной основой, а в республиках их численность значительно меньше. Такие структурные отличия возникают в результате сокращения численности русскоязычного населения как социальной базы казачества, понижения его статуса в социально-территориальных общностях республик, которые обусловлены преднамеренной деятельностью местной национальной политической элиты по созданию моноэтнических государств на базе республик Северного Кавказа.

Отмечена прямая зависимость процесса социально-политической инсти-

туционализации казачества от характера отношений казачьих объединений с государственными органами, местной политической элитой: политическая элита Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области развивает конструктивное сотрудничество местных органов государственной власти и самоуправления с казачьими обществами, внесенными в государственный реестр РФ. После периода конфронтации (первая половина 1990-х гг.) их отношения характеризуются как «активное сотрудничество». В краях и области созданы системы многочисленных по составу казачьих обществ, внесенных в государственный реестр РФ (см.: Таблица 5-7); в законодательных и исполнительных государственных органах сформированы специальные структуры, обеспечивающие взаимодействие с казачеством. Так, в Ростовской области должность заместителя главы администрации (губернатора) занимает атаман войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское», казачий генерал В.П. Водолацкий. В аппарате правительства (администрации) области действует специализированный департамент, занимающийся вопросами привлечения казачьих обществ к государственной службе и организацией деятельности казачьих общественных объединений, а в Законодательном Собрании области проблемами казачества занимается специальный комитет.

В правительстве Краснодарского края также действует специальный департамент, занимающийся организацией государственной службы кубанского казачества. Этот департамент возглавляет атаман Кубанского войскового казачьего общества, казачий генерал В.П. Громов.

В аппарате правительства Ставропольского края действует отдел по взаимодействию с казачеством, который возглавляет атаман Ставропольского окружного казачьего общества Терского войскового казачьего общества, казачий полковник В.Ф. Чеботарев.

Атаман Терского войскового казачьего общества казачий генерал В.П. Бондарев является секретарем Совета по экономической и общественной безопасности Ставропольского края.

Наличие в государственных органах субъектов Федерации и муниципальных образований представителей казачества позволяет казачьим обществам получать государственную поддержку в решении актуальных проблем и добиваться общественного признания полезности своей деятельности. Так, при поддержке органов государственной власти краев и области казачьи общества инициируют важные организационно-политические мероприятия российского казачества: I Большой круг казачьих войск России (Ставрополь, 2003 г.), I Всемирный конгресс казаков (Новочеркасск, 2003 г.) и другие. Такие крупномасштабные мероприятия привлекают внимание общественности к казачеству и способствуют его институционализации.

Однако из-за неразрешенности многих проблем федеральными государственными органами на развитие казачьих обществ в субъектах РФ влияют общероссийские дезинтеграционные факторы.

На основе анализа, проведенного в главе 3, делается вывод о том, что в начале XXI века формирование организационно-политического механизма институционализации российского казачества не закончено. В структуре механизма обнаруживаются разнородные, трудно совместимые элементы.

Следствием реформ, разрушивших федеральный уровень государственного сектора организационно-политического механизма институционализации казачества и не укрепивших его региональный уровень, стало замедление процесса институционализации казачества и переход его в предкризисный режим функционирования; прекращение количественного и качественного роста ка-

зачьих обществ; рост противоречий между запросами казачества на несение государственной службы и реальными условиями ее организации; увеличение верифицируемых оснований для нарастания в корпоративном сознании казачества негативных оценок отношения к нему государства.

Работоспособность организационно-политического механизма в субъектах Федерации обеспечивают органы государственной власти и местного (муниципального) управления, которые при необходимости создают дополнительные нормативные, организационные, финансово-экономические и иные основы, привлекают казачьи общества и организации к решению местных проблем.

Разрозненные действия политической элиты в субъектах Федерации порождают разнотипные специализированные органы государственной власти, сотрудничающие с казачьими обществами и организациями.

Отсутствие в структуре организационно-политического механизма социально-политической институционализации казачества специализированных федеральных государственных органов, взаимодействующих с казачьими обществами, несогласованность подобных элементов механизма на региональном уровне и в субъектах Федерации, муниципальных образованиях приводят к тому, что современный организационно-политический механизм не выполняет в полном объеме функции социально-политической институционализации казачества, артикуляции, агрегации и реализации интересов граждан, идентифицируемых с российским казачеством.

Содержание процесса социально-политической институционализации казачества, тенденции роста численности казачьих обществ находятся в прямой зависимости от количественных и качественных изменений нормативно-правовых основ возрождения казачества.

Современное российское казачество является социально неоднородным гетерогенным социально-политическим институтом гражданского общества, который начал формироваться в 1980-х гг. как неполитический социальный институт, в начале 1990-х гг. политизировался и привлекался государством для решения актуальных социально-политических проблем консолидации российского общества и преодоления социетального кризиса, во второй половине 1990-х гг. включался в государственный механизм, а в конце XX - начале XXI века казачество выводится из политического процесса и трансформируется в социокультурный институт.

Формирование и реализация факторов социально-политической институционализации казачества на Северном Кавказе детерминированы как общероссийскими, так и региональными условиями:

- большое геополитическое значение Северного Кавказа, стремление иностранных государств, транснациональных корпораций, криминальных группировок контролировать его;

- высокая конфликтность гетерогенной и поликонфессиональной социально-территориальной общности, неустойчивую стабильность которой нарушают стихийные массовые миграции инокультурного населения;

- острые территориальные, межэтнические конфликты;

- разные основания идентификации потомков казаков Донского, Терского, Кубанского и других казачьих войск в административно-территориальных образованиях, «нарезанных» советским государством из областей казачьих войск;

- относительная малочисленность казачьего, русскоязычного населения в республиках Северного Кавказа, по сравнению с титульными этносами, которые в условиях «парада суверенитетов» провели этническую мобилизацию и

оказывают физическое, административное, экономическое и иное притеснение русскоязычного населения, побуждают его к вынужденной миграции.

Отсутствие общегосударственного организационно-политического механизма институционализации казачества при наличии его разрозненных элементов в субъектах Российской Федерации приводит к ослаблению общероссийских связей казачьих объединений, их регионализации и ставит процесс социально-политической институционализации казачества в прямую зависимость от отношений казачьих объединений с правящей политической элитой в субъектах Федерации и муниципальных образованиях: казачьи общества и организации институционализируются при поддержке органов государственной власти и муниципального управления, использующих их для решения местных политических, социальных и других актуальных проблем. Без поддержки органов государственной власти и муниципального управления казачество деинституционализируется, утрачивая социально-политический статус и функции, необходимые для реализации своих корпоративных интересов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволило установить, что при изучении генезиса казачества наиболее часто использовались автохтонная, беглохолопская, государственно-колонизаторская и интеграционная парадигмы, эвристические возможности которых ограничены конкретно-историческими условиями развития казачества в «вольных» общинах, Московской Руси, Российской империи или Советском государстве и не обеспечивают потребности выявления политических аспектов актуальных проблем современного казачества. Поэтому в диссертационном исследовании обоснован и реализован институционально-интеграционный подход к изучению процесса развития современного казачества, который сочетает институциональный, системный, сравнительно-исторический подходы и автохтонную, беглохолопскую, государственно-колонизаторскую, интеграционную парадигмы изучения феномена казачества и ориентирует исследовательскую практику на выявление у казачества институциональных качеств, сформированных под воздействием исторических, социально-политических, государственно-правовых, организационных и иных предпосылок и факторов.

На основе анализа процесса, называемого «возрождение казачества», он определяется как взаимосвязанная деятельность объединений потомственных казаков, органов государственной власти и местного (муниципального) управления, других участников политики, направленная на преобразование казачества в социально-политический институт, способный выполнять общественно значимые функции артикуляции, агрегации и реализации запросов граждан, идентифицируемых с современным российским казачеством. Социальные, политические, государственно-правовые, организационные предпосылки и факторы этого процесса детерминированы процессом демократической модернизации политической системы России, открывшим возможности для развития казачества как института гражданского общества.

Нелинейный, многоэтапный процесс институционализации казачества направлен на приобретение казачеством статуса и функций социально-политического института, обеспечивающего политическую артикуляцию и агрегацию интересов казачества, возможность использования средств политической власти для реализации запросов граждан, выразивших готовность нести государственную и иную службу в составе казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

Институционализация казачества предопределяется историческими предпосылками, социально-политическими, нормативно-правовыми, организационными и иными факторами. Так, формирование казачества как социально-политического института в Московской Руси и Российской империи было организовано царской администрацией для надежной защиты приграничных территорий местными военизированными поселениями, жители которых получали правовой статус служилого сословия и выполняли предписанные государством политические, социальные и иные функции. Компактное проживание и особые условия жизнедеятельности казачества создавали предпосылки для его трансформации в самостоятельный гетерогенный этнос в составе народа Российской империи.

Действие системообразующих факторов казачества как политического института было прекращено Советским государством по идейно-политическим соображениям в ходе Гражданской войны и репрессий расказачивания, вследствие чего после 1917 г. произошла деинституционализация казачества посредством прекращения его военно-служилых и иных системообразующих функций, принудительного выселения из мест традиционного компактного проживания. Массовые политические репрессии прервали развитие казачества как социально-политического института.

Попытки Советского государства воссоздать «красное казачество» были непоследовательными, малоэффективными и не обеспечили его реинституционализацию. Поэтому современное российское казачество, на период жизни трех

поколений (1920-1990-е гг.) утратившее формализованные идентификационные признаки (сословность, территории компактного проживания, специфические органы общинного местного самоуправления) и системообразующие факторы (специфическую иррегулярную воинскую службу, землевладение и землепользование и другие), в организационном и культурном отношении не является прямым преемником дореволюционного российского казачества, что значительно усложняет его дальнейшее развитие.

Процесс организации современного российского казачества, называемый «возрождением казачества», представляет собой взаимозависимую деятельность объединений потомственных казаков, органов государственной власти и местного (муниципального) управления, других участников политики, направленную на цели организации казачьей социальной общности и ее преобразования в социально-политический институт, способный выполнять общественно значимые функции артикуляции, агрегации и реализации запросов граждан, идентифицируемых с современным российским казачеством. Социально-политические, государственно-правовые, организационные предпосылки и факторы этого процесса обусловлены демократической модернизацией политической системы России, открывшей возможности для возобновления развития казачества как института гражданского общества.

Самоорганизация потомственных казаков и сочувствующих им граждан, начатая в 1980-х гг., организационное оформление и институционализация казачества детерминированы процессом трансформации российского общества, его потребностями и возможностями. В период «перестройки» (1985–1991 гг.) казачество создавало неполитические общественные объединения. Но обострение социетального кризиса в 1991-1994 гг. вызывало политизацию казачьих общественных организаций, их трансформацию в социально-политический институт, претендовавший на статус, функции и правомочия, характерные для казачества Российской империи. В 1995 - 1998 гг. казачество вовлекалось в антикризисные мероприятия государства, количественно и качественно развивалось

как социально-политический институт на основе казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации. Спад системного кризиса в России и усиление институтов государственной власти в конце XX - начале XXI века привели к ослаблению внимания государства к казачеству, его деполитизации и обратной социокультурной трансформации.

В конце XX - начале XXI века российское казачество является многокомпонентной полиэтничной и поликонфессиональной социальной общностью, состоящей из потомков казачьих родов и граждан, поддерживающих возрождение казачества из социально-психологических, экономических, политических и иных интересов. Политическая стратификация обнаруживает в структуре современного казачества разнородные элементы – казачьи общества, внесенные в государственный реестр Российской Федерации, общественные объединения и неорганизованные граждане, самоидентифицирующиеся с казачеством. Мотивами их самоорганизации и институционализации является отсутствие реальных условий для реализации историко-культурных традиций казачьей культуры и витальных потребностей.

Социально-политическими факторами институционализации казачества являются рост самосознания российских граждан, объективные потребности развития институтов гражданского общества, обеспечивающих артикуляцию, агрегацию и реализацию запросов членов казачьих объединений на получение политико-правового статуса и функций, достаточных для удовлетворения их основных корпоративных потребностей, не противоречащих общегосударственным интересам и конституционным правам других граждан.

Межэтнические конфликты в республиках Российской Федерации формируют дополнительные потребности институционализации и политизации казачества для консолидированной защиты корпоративных интересов сохранения русскоязычного населения в местах традиционного проживания.

Государственно-правовыми основами социально-политической институционализации казачества являются законодательство Российской Федерации и

ее субъектов, нормативные документы казачьих объединений. Их количественные и качественные изменения соответствуют тенденциям политического процесса трансформации российского общества и содержательно-хронологическим этапам институционализации казачества:

- до 1991 г. - самоорганизация неполитических казачьих объединений проводилась на основе правовых актов СССР об общественных объединениях;

- в 1991-1994 гг. – разработка федеральными государственными органами политико-правовых документов, способствовавших развитию казачьих общественных объединений как преемников российского казачества, репрессированного советским государством;

- в 1995-1998 гг. – развитие федерального законодательства, обеспечивавшего формирование системы казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации;

- в 1999-2003 гг. – снижение нормотворческой активности государства в отношении казачества.

Дальнейшее развитие современного российского казачества сдерживается отсутствием федерального закона о российском казачестве, правительственных программ содействия казачьим обществам, а также нарастающими противоречиями между правовыми актами, принятыми до 1998 г. для нормативного обеспечения деятельности казачьих объединений, и государственными документами последующего периода.

Процесс социально-политической институционализации казачества испытывает влияние не только внутренних для него социально-психологических, культурных и иных факторов, зависящих непосредственно от членов казачьей социальной общности, но и от внешних воздействий, к числу которых относятся политико-правовые, экономические, этнические, внешнеполитические и другие факторы, зависящие от государства и других, неказачьих социально-политических институтов и общественных объединений. В совокупности внут-

рение и внешние факторы образуют сложную комбинацию воздействий на социально-политическую институционализацию казачества.

Реализацию объективных потребностей, предпосылок и факторов социально-политической институционализации российского казачества обеспечивает организационно-политический механизм, созданный объединениями потомственных казаков, органами государственной власти и муниципального управления для развития казачества в современных условиях.

В многоуровневой и многоотраслевой структуре механизма выявлены: совокупность государственных и общественных формирований, имеющих непосредственные и (или) опосредованные связи-отношения и функционирующих в соответствии с нормативно-правовыми документами органов государственной власти и управления Российской Федерации, ее субъектов, местного самоуправления, нормативно-корпоративных актов казачьих обществ, норм обычного права, закрепленных казачьей культурой.

В современных условиях организационно-политический механизм социально-политической институционализации казачества имеет неустойчивую структуру, элементы которой создаются и упраздняются, количественно и качественно изменяются, трансформируются в новые формы.

Появление в организационно-политическом механизме новых социальных элементов или изменение их функций вызывает необходимость модернизации всей системы или отдельных ее подсистем. В свою очередь, утрата по объективным причинам или насильственное волюнтаристское упразднение какого-либо элемента механизма порождает институциональный, информационно-коммуникативный, нормативно-регулирующий или всеохватывающий системный кризис, из-за которого динамика социально-политической институционализации казачества изменяется, процесс прерывается или реверсируется.

Функционирование организационно-политического механизма институционализации казачества предопределяет основные содержательно-хронологические этапы изучаемого процесса:

- в 1980-х –1991 гг. – создание отдельных элементов «общественного» сектора механизма, имевших форму неполитических казачьих общественных объединений и послуживших организационной основой для институционализации казачества;

- в 1991–1994 гг. – формирование специализированных государственных органов, взаимодействовавших с казачьими объединениями, претендовавшими на признание их правопреемниками казачества как репрессированного народа;

- в 1995-1998 гг. – развитие системы специализированных органов государственной власти и местного (муниципального) управления, призванных содействовать развитию и институционализации казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации;

- в конце XX-начале XXI века – деструктивное изменение механизма вследствие упразднения специализированных органов государственной власти, обеспечивавших сотрудничество с казачьими обществами, вызывающее деполитизацию и социокультурные трансформации социально-политического института казачества.

В организационно-политическом механизме отсутствуют или недостаточно представлены административные структуры, специально занимающиеся взаимодействием государственных органов с казачьими обществами и организациями. Некоторые ранее созданные элементы этого механизма в последнее время были утрачены, а принятые нормативные акты устаревают, вступают в противоречие с новыми федеральными законами.

Недостатки структуры механизма государственного управления процессом институционализации казачества привели к тому, что многие политико-правовые документы не выполняются, и запросы казачества не реализуются. Поэтому государство и гражданское общество должны восстанавливать утраченные элементы или перераспределять их функции между другими акторами политики, заинтересованными в возрождении российского казачества.

Отсутствие общегосударственного организационно-политического механизма институционализации казачества при наличии его разрозненных элементов в субъектах Федерации приводит к децентрализации и регионализации казачества. При этом процесс его дальнейшей институционализации оказывается в зависимости от отношения к казачеству правящей политической элиты субъектов Федерации и муниципальных образований: казачество институционализируется при поддержке органов государственной власти и муниципального управления, использующих казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и отдельных казачьих общественных объединений для решения местных политических, социальных и иных проблем.

Органы государственной власти и муниципального управления проявляют большую заинтересованность в организации государственной и иной службы членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации и участвующих в решении местных политических и иных проблем.

Без поддержки органов государственной власти и муниципального управления в субъектах федерации казачество утрачивает социально-политический статус и функции политического института.

Исторические, социально-политические, государственно-правовые, организационные предпосылки и факторы обусловили неоднородность многокомпонентного состава современного российского казачества, разнотипные части которого не систематизированы, разобщены, не имеют консолидирующей идеологии, единых органов управления. Вследствие этого политическая стратификация казачьей социальной общности, проводимая с применением политологических признаков («отношение с государственными органами», «участие в государственной политике» и других), позволяет выявлять в казачьей социальной общности казачьи общества, имеющие разный характер отношений с органами государственной власти и управления: сотрудничество, противодействие и отсутствие отношений.

Казачьи объединения имеют разные степени институциональной зрелости. Так, казачьи общества, внесенные в государственный реестр Российской Федерации, имеют институциональный статус и функции. По степени институционализации к ним приближаются отдельные казачьи общественные организации. Но более 80 % граждан, идентифицируемых с российским казачеством, не имеют устойчивых отношений с казачьими объединениями, которые в связи с этими обстоятельствами могут институционализировано артикулировать, агрегировать и реализовывать интересы только части казачества России.

В современных условиях процесс социально-политической институционализации казачества утратил активность, перешел в режим малопродуктивного функционирования, вследствие чего не решаются проблемы правового статуса казаков, организации их государственной и иной службы, социальной защиты. Это привело к сокращению численности казаков, несущих государственную и иную службу в составе казачьих обществ.

В субъектах Российской Федерации основные этапы социально-политической институционализации казачества имеют специфические отличия.

На казаков, проживающих в республиках Северного Кавказа, продолжается давление националистов, совершающих террористические акты, понуждающих «некоренное» население к миграции из мест традиционного проживания. Поэтому казачьи общества требуют создания отрядов местной самообороны для защиты населения в «горячих точках» северокавказского региона.

Казачья экономика, призванная консолидировать казаков и привлекать их для решения актуальных социально-экономических проблем, не получает необходимой материально-финансовой поддержки, обещанной государственными органами. Существенные недостатки обнаруживаются в реализации государственных решений о выделении казачьим обществам земельных наделов, кредитов на развитие фермерских хозяйств, которые могут служить материальной основой развития казачьих обществ.

Без реальной государственной поддержки казачество не способно самостоятельно решить все проблемы своей социально-политической институционализации. Поэтому в казачьих обществах и организациях в начале XX века повышается уровень недоверия казаков к государственным органам, которые не решают актуальные проблемы казаков.

Дальнейшая социально-политическая институционализация казачества возможна при действительно заинтересованном отношении к нему органов государственной власти и местного (муниципального) управления - с одной стороны, и при одновременном повышении активности казачьих обществ в делах, одобряемых государством и обществом - с другой стороны. Именно такое взаимовыгодное сотрудничество государственных органов и казачьих обществ способно обеспечить дальнейшее развитие казачества.

Несоответствие организационно-политического механизма институционализации казачества объективным потребностям развития гражданского общества порождает необходимость модернизации этого механизма посредством формирования на всех его уровнях взаимосвязанных и эффективно взаимодействующих государственных и общественных формирований, нацеленных на развитие института российского казачества, организацию его государственной и иной службы, возрождение самобытной казачьей духовной культуры.

В свою очередь казачьим обществам предстоит более активно заниматься решением собственных проблем. Для этого нужна долговременная стратегия реализации казаками своих интересов с частичным участием органов государственной власти и местного самоуправления.

На основе проведенного диссертационного исследования рекомендовано переориентировать Концепцию государственной политики по отношению к казачеству, принятую в 1994 г., с ограниченных целей организации государственной и иной службы членов казачьих обществ на современную модель социально-политического института казачества, сочетающую как исторические тради-

ции и актуальные запросы казачьих обществ, так и реальные потребности, возможности российского общества в таком институте.

Технологии возрождения казачества должны оптимизировать организационно-политический механизм институционализации казачества, синхронно развивать в его структуре специализированные органы государственной власти и муниципального управления, обеспечивающие сотрудничество с казачьими обществами и организациями, а также приводить нормативно-правовую базу в соответствие с реальными потребностями коммуникации, артикуляции, агрегации и реализации интересов казачества, имеющими общественное значение.

Перспективным направлением институционализации российского казачества представляется развитие системы казачьих обществ, внесенных в государственный реестр Российской Федерации в связи с принятыми обязательствами выполнения государственной и иной общественно-полезной службы. Перечень направлений такой службы казаков и условия ее несения должны определяться органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органами муниципального управления в соответствии с общероссийской концепцией государственной политики в отношении казачества и местными социально-политическими потребностями. Поэтому разработка концепции государственной политики в отношении казачества представляется актуальной задачей внутренней политики Российской Федерации.

Для совершенствования организационно-политического механизма развития института казачества в современных условиях предлагается:

- разработать федеральный закон о российском казачестве, организации его государственной и иной службы;
- разработать новую Концепцию государственной политики в отношении казачества, предусмотрев в ней переориентацию концептуальной модели современного российского казачества и политические технологии его возрождения на разработку модели социально-политического института;

- привести в соответствие с обновленной законодательной базой Российской Федерации нормативные документы органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, казачьих обществ и организаций;

- учредить систему однотипных государственных органов, имеющих вертикальные и горизонтальные связи-отношения, для обеспечения эффективного взаимодействия с казачьими обществами, их привлечения к государственной и иной службе, развития казачьей экономики, культуры, системы образовательных и иных учреждений, способствующих реализации общественно значимых интересов казачьих обществ;

- стимулировать самостоятельное развитие казачьими обществами экономических, духовных и иных основ их жизнедеятельности; повышение организованности казачьих обществ, дисциплины их членов.

Для научно-методического обеспечения процесса социально-политической институционализации казачества рекомендовано:

- организовать Всероссийский мониторинг процесса институционализации казачества, отражающий состояние дел в казачьих обществах; к исследованиям привлечь специализированные казачьи образовательные учреждения, государственные учебные и научные, в том числе ведомственные центры;

- в одном из государственных образовательных учреждений создать Всероссийский казачий научный центр, поручив ему координацию научных исследований актуальных проблем казачества, интеграцию и экспертизу их результатов, организацию Всероссийского мониторинга, подготовку предложений по совершенствованию государственной службы казаков, а также подготовку (специализацию, повышение квалификации) научных кадров, казачьих атаманов, работников государственных органов и муниципальных образований, обеспечивающих государственную политику в отношении казачества;

- ввести систему государственного заказа на проведение политологических, социологических, правовых и иных исследований современных проблем казачества;

- провести комплексную научную экспертизу казачьего законодательства России и субъектов федерации для их приведения в соответствие с современными условиями;

- создать Федеральную электронную библиотеку (сайт), с набором всех нормативно-правовых актов и научных публикаций о казачестве;

- возродить традицию издания казачьих библиотек «Для чтения в войсках, классах и семьях» об истории казачества.

Настоящая диссертационная работа представляет результаты исследования процесса социально-политической институционализации казачества в условиях трансформации российского общества в последней четверти XX–начале XXI века. Полученные эмпирические данные и теоретические выводы обладают новизной и могут использоваться в качестве информационно-документальной базы в последующих политологических, этнологических, исторических и иных исследованиях феномена казачества, при разработке новой концепции государственной политики по отношению к казачеству, законопроектов и иных нормативных актов, программ привлечения казачьих обществ и организаций к решению актуальных общественно значимых проблем, а для разработки региональных компонентов программ образовательных учреждений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Документы государственных органов Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации. Официальный текст. – М.: «Маркетинг», 2001. – 40 с.
2. О взаимодействии членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации, с органами внутренних дел: Совместные рекомендации ГУКВ и МВД Российской Федерации // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М.: Известия, 1997. - Вып. 2. – С. 105-107.
3. О Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 20 янв. 1996 г. № 67 // Российская газ.- 1996. - 25 янв.; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 4. - Ст. 266.
4. О государственной поддержке казачьих обществ, взявших на себя обязательства по производству и поставке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд: Пост. Правительства Российской Федерации от 27 нояб. 2000 г. № 894 // Российская газ.- 2000.- 6 дек.
5. О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 9 авг. 1995 г. № 835 // Российская газ.- 1995. - 15 авг.; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 33. - Ст. 3359.
6. О концепции государственной политики по отношению к казачеству: Пост. Правительства Российской Федерации от 22 апр. 1994 г. № 355 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 3. - Ст. 210.
7. О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества: Указ Президента

Российской Федерации от 15 июня 1992 г. № 632 // Ведомости Съезда народных Депутатов Российской Федерации и Верховного Совета РФ. - 1992. - № 25. - Ст. 1429.

8. О мерах по совершенствованию структуры Администрации Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 12 февр. 1998 г. № 162 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 7. - Ст. 827.
9. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2000. - № 20. - Ст.2112.
10. О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной или иной службе: Указ Президента Российской Федерации от 16 апр. 1996 г. № 563. // Российская газ.- 1996. - 24 апр.
11. О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе: Указ Президента Российской Федерации от 16 апр. 1996 г. № 563 // Российская газ.- 1996. - 24 апр.
12. О привлечении членов казачьих обществ к работам по охране лесов: Приказ Федеральной службы лесного хозяйства России от 12 июля 1996 г. № 20 // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М.: Известия, 1997. - Вып. 2. – С. 93.
13. О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав. Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. № 772–1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. - 1989. - № 23. - Ст. 449.
14. О признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации в связи с упорядочением системы совещательных и консультативных органов при Президенте Российской Федерации: Указ Президента

- Российской Федерации от 9 июля 1997 г. № 711 // Российская газ. - 1997. - 15 июля; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 28. - Ст. 3423.
15. О проведении эксперимента по невоинской охране отдельных участков Государственной границы Российской Федерации: Указ Президента России от 19 июля 1996 г. № 943 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 26. - Ст. 3065.
 16. О размерах безвозмездной финансовой помощи на строительство (покупку) индивидуальных жилых домов и выплат на первоначальное обустройство хозяйства членам казачьих обществ: Пост. Правительства Российской Федерации от 17 июля 1996 г. № 885 // Российская газ.- 1998. - 6 авг.; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 31. - Ст. 3738.
 17. О реабилитации казачества: Пост. Верховного Совета РФ от 16 июля 1992 г. № 321-1 // Российская газ.- 1992. - 23 июля.
 18. О реабилитации репрессированных народов: Закон Российской Федерации от 26 апр. 1991 г. №1107-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1991. - № 8. - Ст. 572.
 19. О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества: Указ Президента Российской Федерации от 15 марта 1993 г. №341 // Российская газ.- 1993. - 23 марта; Собрание актов президента и Правительства Российской Федерации. - 1993. - № 12.- Ст. 993.
 20. О совершенствовании деятельности по возрождению и развитию российского казачества: Указ Президента Российской Федерации от 25 февр. 2003 г. № 249 // Российская газета. - 2003. - 27 февр.; Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 9. - Ст. 850.

21. О Совете по делам казачества при Президенте Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 1994 г. № 1389 // Российская газ.- 1994. - 5 июля; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 10. - Ст.1118.
22. О советнике Президента Российской Федерации: Распоряжение Президента Российской Федерации от 25 февр. 2003 г. № 98-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 9. - Ст. 860.
23. О создании комиссии по подготовке проекта Закона РФ «О реабилитации казачества»: Распоряжение Президента Российской Федерации от 9 дек. 1991 г. №113-рп // Ведомости Съезда народных Депутатов Российской Федерации и Верховного Совета РФ. - 1991. - № 51. - Ст.1819.
24. О создании Координационного совета МВД России по взаимодействию с казачьими обществами: Приказ МВД Российской Федерации № 478 от 27 авг. 1996 г. // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М.: Известия, 1997. - Вып. 2. – С. 102-105.
25. О создании общеобразовательных учреждений – кадетских школ (школ-интернатов): Распоряжение Президента Российской Федерации от 9 апр. 1997 г. № 118-рп // Российская газ.- 1997. - 15 апр.; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 15. - Ст.1783.
26. О структуре Государственного комитета Российской Федерации по делам федерации и национальностей: Пост. Совета Министров–Правительства Российской Федерации от 3 июня 1993 г. № 522 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. - 1993. - № 23. - Ст. 2197.
27. О Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ, включенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации на 1999-2001 годы: Пост. Правительства Российской Федерации от 21 июля 1999 г. № 839 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 30. - Ст. 3788.

28. Об атамане Терского войскового казачьего общества: Указ Президента Российской Федерации от 15 июля 2000 г. № 1325 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2000. - № 30. - Ст. 3140.
29. Об основах государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 31. - Ст. 2990; Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. - 1995. - № 24. - Ст.1071.
30. Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам казачества: Указ Президента Российской Федерации от 7 авг. 1998 г. № 920 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 32. - Ст. 3846.
31. Об утверждении Положения о Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 11 дек. 1996 г. № 1673 // Российская газ.- 1997. - 26 дек.; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 51. - Ст. 5766.
32. Об утверждении Положения о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и режиме его использования: Пост. Правительства Российской Федерации от 8 июня 1996 г. № 667 // Российская газ.- 1996. - 30 июля; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 3023.
33. Об утверждении Положения о Совете по делам казачества при Президенте Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 1 дек. 1994 г. № 2141 // Российская газ.- 1994. - 7 дек.; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3333.
34. Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам казачества: Указ Президента Российской Федерации от 16 нояб. 1998 г. № 1397 // Российская газ.- 1998. - 19 нояб.; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 47. - С. 5743.

35. Об утверждении типового положения о кадетской школе (школе-интернате): Постановление Правительства Российской Федерации от 15 нояб. 1997 г. № 1427 // Российская газ.- 1997. - 26 нояб.; Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 47. - Ст. 5411.
36. Об утверждении Устава Терского войскового казачьего общества: Указ Президента Российской Федерации № 97 от 12 февр. 1997 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 7. - Ст. 839.
37. Об участии казачества в обеспечении общественного порядка: Письмо Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 июня 1994 г. № 1/2899 // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. - М.: Известия, 1997. - Вып. 2. - С. 89.
38. Об участии казачьих обществ в охране охотничьих животных: Приказ Министра сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации от 15 июня 1999 г. № 464 // Ведомственные нормативные акты правовые акты по привлечению членов казачьих обществ к несению государственной и иной службы. - М.: УПК, 2000. - С. 43-44.
39. Об экономических и иных льготах, предоставляемых казачьим обществам и их членам, взявшим на себя обязательства по несению государственной и иной службы: Указ Президента Российской Федерации от 16 апр. 1996 г. № 564 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 17. - Ст. 1955.
40. Об эксперименте по привлечению членов казачьих обществ к работе по поддержанию общественного порядка: Распоряжение МВД Российской Федерации от 28 июня 1999 г. № 1/12216 // Ведомственные нормативные правовые акты по привлечению членов казачьих обществ к несению государственной и иной службы. - М.: УПК, 2000. - С. 4-6.
41. Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству: Пост. Правительства Российской Федерации от 22 апр.

- 1994г. № 355 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 3. - Ст. 210.
42. Россия должна быть и будет страной с развитым гражданским обществом и устойчивой демократией: Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. 16 мая 2003 г. // Новые законы и нормативные акты. – 2003. - № 21. – С. 3-16; Журнал рос. права. – 2003. - № 6. - С. 3-14.
43. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Заседание двадцать второе.– М., 1997. - Бюллетень № 2 (131). - 4 июля 1997 г.
44. Участникам и гостям Большого круга казаков России: Приветствие Президента Российской Федерации от 25 мая 2003 г. // Казачий Терек.– 2003.-№ 6.
45. Участникам и гостям расширенного заседания Совета атаманов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации: Приветствие Президента Российской Федерации от 22 июня 2000 г. № Пр-1287 // Таболина Т.В. Казачество: формирование правового поля. - М.: ИЭиА РАН, 2001. - Т.2. – С. 386.

**Документы государственных органов некоторых субъектов
Российской Федерации**

46. О государственной поддержке казачьих обществ Ставропольского края, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации: Пост. Губернатора Ставропольского края от 25 марта 1999 г. № 161 // Казачий Терек. - 1999. - № 1.
47. О казачестве в Приморском крае: Закон Приморского края от 27 нояб. 1997 г. № 103 – КЗ // Ведомости Думы Приморского края. – 1997. - № 55. – 1 декабря.

48. О казачестве в Ставропольском крае: Закон Ставропольского края от 1 авг. 2003 г. № 29-КЗ // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 2003. - № 17 (119). - 15 сент.
49. О краевой целевой программе «Государственная поддержка казачьих обществ Ставропольского края на 2000-2002 годы»: Пост. Губернатора Ставропольского края от 12 дек. 1999 г. № 684 // Делопроизводство Отдела по взаимодействию с казачеством аппарата правительства Ставропольского края. - 2003 г.
50. О краевой целевой программе государственной поддержки казачьих обществ на Енисее на 2001-2004 гг.: Закон Красноярского края от 5 июня 2001 г., № 14-1332 // Красноярский рабочий. - 2001. - № 124. - 10 июля.
51. О краевой целевой программе «Государственная поддержка казачьих обществ Ставропольского края на 2003-2005 годы»: Пост. Губернатора Ставропольского края от 4 дек. 2003 г. № 595 // Делопроизводство Отдела по взаимодействию с казачеством аппарата правительства Ставропольского края. - 2003 г.
52. О местном самоуправлении в Ставропольском крае: Закон Ставропольского края от 31 дек. 1996 г. № 46-КЗ // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1997. - № 1-2 (31-32).
53. О муниципальных казачьих дружинах на территории Волгоградской области: Закон Волгоградской области от 25 сент. 2000 г. № 441-ОД // Волгоградская правда. - 2000. - № 188. - 10 окт.
54. О муниципальных казачьих дружинах: Закон Ростовской области от 16 сент. 1999 г., № 47-ЗС // Наше время. - 1999. - № 188-189. - 8 окт.
55. О пакете нормативных актов, регулирующих организацию и деятельность казачества в Ставропольском крае: Решение малого Совета Ставропольского краевого Совета народных депутатов от 29 апр. 1993 г. № 40 // ВАПСК, оп. 1, д. 660, л.12.

56. О положении «О казачестве в Ставропольском крае»: Пост. Государственной Думы Ставропольского края от 30 мая 1996 г. № 370-29 ГДСК // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1996. - № 6. - С.13-19.
57. О положении «О порядке предоставления земельных участков казачьим обществам в Ставропольском крае»: Пост. Государственной Думы Ставропольского края от 30 мая 1996 г. № 370-29 ГДСК // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1996. - № 6. - С. 20-23.
58. О положении «О резервных отрядах местной самообороны (общественной безопасности) в Ставропольском крае»: Пост. Государственной Думы Ставропольского края от 19 дек. 1996 г. № 496-34 ГДСК // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1997. - № 1-2 (31-32).
59. О привлечении к государственной и иной службе членов казачьих обществ Кубанского казачьего войска в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 5 нояб. 2002 г. № 539-КЗ // Кубанские новости. - 2002. - № 258. - 4 дек.
60. О реабилитации Кубанского казачества: Закон Краснодарского края от 9 окт. 1995 г № 15-КЗ // Кубанские новости. - 1995. - № 189. - 17 окт.
61. О совете атаманов казачьих обществ при Губернаторе Ставропольского края: Пост. Губернатора Ставропольского края от 12 нояб. 1998 г. № 731 // Казачий Терек. - 1999. - № 1.
62. О создании краевого внебюджетного фонда «Возрождение казачества»: Пост. Государственной Думы Ставропольского края от 29 сент. 1994 г. // ВАПСК, оп. 1, д. 341, л. 14.
63. О территориальном общественном самоуправлении в Ставропольском крае: Закон Ставропольского края от 31 дек. 1996 г. № 44-КЗ // Сб. законов и других правовых актов Ставропольского края. - 1997. - № 1-2 (31-32).
64. Об организации местного (казачьего) самоуправления в станице Воровсколеской Андроповского района: Пост. Государственной Думы Ставрополь-

- ского края от 7 июля 1994 г. № 90-5 // ВАПСК, оп.1, д. 660, л. 13; оп. 1, д.341, л.12.
65. Об отношении к движению за возрождение донского казачества: Пост. бюро Ростовского обкома КПСС от 9 апр. 1991 г. // Молот.- 1991.-№ 83-84.-27 апр.
66. Об отношении казаков к созданию казачьей партии: Доклад войскового атамана Волжского казачьего войска казачьего полковника Гусева Б.Н. // Казачий Терек. - 2003. - № 6.
67. Об отношении российского казачества к положению российского казачества на Северном Кавказе: Доклад атамана Терского войскового казачьего общества, казачьего генерала Бондарева В.П. // Казачий Терек. – 2003. - № 6.
68. Об утверждении Устава Ставропольского окружного казачьего общества Терского войскового казачьего общества: Пост. Губернатора Ставропольского края от 16 нояб. 1998 г. № 732 // Казачий Терек. - 1999. - № 1.
69. Положение о Консультативном совете по делам казачества при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе: Распоряжение полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе от 27 нояб. 2000 г. № 161. // Таболина Т.В. Казачество: Формирование правового поля. – М., 2001. – С. 393.
70. Положение о Суде чести казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М.: Известия, 1997. - Вып. 2. – С. 76-81.
71. Примерное положение о Совете старейшин казачьего общества, внесенного в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М.: Известия, 1997. - Вып. 2. – С. 73-76.

72. Проект федерального закона «О государственной службе казачьих обществ российского казачества», представленный на обсуждение казачьих обществ в ноябре 2003 г. // Текущий архив Отдела по взаимодействию с казачеством аппарата правительства Ставропольского края. - 2003 г.
73. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 марта 1998 г. № 353-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 11. - Ст. 1344.
74. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 дек. 1995 г. № 1740-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 4. - Ст. 317.
75. Рекомендации по основным направлениям реформирования структуры органов местного самоуправления с учетом традиций казачества // Казачий Терек. - 1999. - № 2.
76. Справка о казачьих структурах (обществах, землячествах, союзах) и их численности в Российской Федерации на 15 нояб. 2000 г. // Делопроизводство Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. - 2001 г.
77. Абаза К.К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье, школе. – СПб., 1899. - 368 с.
78. Абдулатипов Р.Г. Кавказская политика России и российские ориентации Кавказа // Научная мысль Кавказа. - 1999. - № 3. - С. 49-57.
79. Абрадушкина Н.Ю. Группы давления в трансформации политической власти в России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: МГУ, 2000. - 24 с.
80. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско: история и современность. – Челябинск, 1993. - 243 с.
81. Аверин И. Казаки: этнос или сословие? // Независимая газета. - 1992. - 19 мая.

82. Аверьянов Ю., Воронов А. Счастье быть казаком // Наш современник. - 1992. - № 2. - С. 137.
83. Авксентьев А.В. Знание своей истории – важное условие возрождения // Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф. 16-17 нояб. 1992 г. – Ставрополь: СГУ, 1992. – С. 4-10.
84. Авксентьев А.В. О долге ученых в гармонизации межэтнических отношений в регионе // Этнические проблемы современности. – Ставрополь: СГУ, 1999. - Вып. 5.– С. 8-15.
85. Авксентьев А.В. Северный Кавказ сегодня: сегодняшние реалии и опыт этнополитического прогноза // Этнические проблемы современности: Материалы научной конференции. – Ставрополь, 1999. - Вып. 4.
86. Авксентьев В.А. Проблемы формирования нового образа неконфликтных этнических отношений в Северо-Кавказском регионе // Этнические проблемы современности.– Ставрополь: СГУ, 1999. - Вып. 5. – С. 16-20.
87. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: В 2 ч. – Ставрополь: СГУ, 1996.
88. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: СГУ, 2001. - 285 с.
89. Авраменко А.М. Казачество как фактор современной геополитики // http://synopsis.kubsu.ru/new_n/009_97/htm.
90. Агафонов А. Казачество и внешняя политика Российского государства // Международная жизнь. - 1992. - № 3-4. - С. 55-64.
91. Агафонов О.В. Казачьи войска России во втором тысячелетии: Монография. – Киров: КОГУП Кировская областная типография, 2002. - 400 с.
92. Аджиев М. Любо Терцы // Вокруг света. - 1992. - № 4-6. - С. 46-53.
93. Азимов Т.Г. Идентичность как глобальная проблема современности: политологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: МГУ, 2000. - 24 с.

94. Актуальность проблемы казачьего движения: Круглый стол // Социологические исследования. – 1992. - № 9. – С. 17-25.
95. Алейников М. Станица Беломечетская // Северный Кавказ. - 1887. - № 21.
96. Алексеева Е.П. Вопросы взаимосвязи народов Северного Кавказа с русскими в X-XV в. в отечественной исторической науке. – Черкесск: КЧНИ-ИЭ, 1992. – 133 с.
97. Алехин В.В. Вопросы законотворческой деятельности республики как субъекта Российской Федерации // Регионоведение. - 1996. - № 2. - С. 41-50
98. Алехнович С. О двух тенденциях российской государственности: федерализм и регионализм // Закон и право. - 2003. - № 1. - С. 14-17.
99. Алешина А.В. Долг интеллигенции края – восстановить истину об истории казачества // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегион. науч. конф. 10-11 апреля 1998 г. – Ставрополь: СГУ, 1998. - С. 20-21.
100. Алибекова С.Я. Социальная природа межнациональных конфликтов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Махачкала: ДГУ, 2001. – 18 с.
101. Андреев А.П., Панасюк Е.В. Казачье движение // Политические исследования. - 1993. - № 3. – С. 57-61.
102. Андреев М. Отстаивать интересы русских // Казачий Терек. – 1999. – № 3.
103. Анищенко В.А. Субъекты и объекты политико-властных отношений в современной России: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2000. - 22 с.
104. Антропов О.О. Астраханские казаки в эмиграции // Вопросы истории. - 1997. - № 11. - С. 137-143.
105. Антропов О.О. Астраханское казачье войско в первой трети XX в: Опыт социально-исторического анализа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РГГУ, 1999. – 30 с.
106. Антропов О.О. Движение возрождения казачества в астраханской области в 1990-е гг. // Новый исторический вестник. – М., 2003. - №1. – С. 45-56.

107. Арсеньева М. Казачьи районы Чечни должны оставаться казачьими // Казачий Терек. - 2001. - № 1.
108. Аскеров А.Г. Социально-экономическое развитие нижнетерского казачества во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1995. – 16 с.
109. Асов А.И. Русколань: Древняя Русь. История и традиции русского казачества. – М.: «Вече», 2004. – 128 с.
110. Астаненко М.П. Донские казаки. 1550-1920: Учеб. пособие. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 1992. - 144 с.
111. Атаман Громов: Нужно быть полезным и Отечеству, и Кубани // Российский штандарт. – 2003. – Декабрь. – С. 15-17.
112. Ауский С. Казаки. Особое сословие. – М.: ОЛМА-ПРЕСС - СПб.: ИД «Нева», 2002. - 447 с.
113. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. – Грозный: ЧИ кн. изд-во, 1988. - 174 с.
114. Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: структура ресурсов и процесс развертывания // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 12. Политические науки. – 1998. - № 4. – С. 54-69.
115. Ашин Г. Лидерство: оптимальный стиль // Общественные науки и современность. – 1993. - № 2. – С. 115-126.
116. Ашин Г.К. Элита и демократия // Вест. Моск. ун-та. - Сер. 18. Социология и политология. – 1996. - № 4. – С. 94-118.
117. Багдасарова А.Б. Механизм перерастания национального сознания в националистическое // Этнические проблемы современности. – Ставрополь: СГУ, 1999. - Вып. 4. - С. 79-82.
118. Бадякина Е. Русский крест. Вокруг политики // Казачий Терек. - 2003. - № 1-2.
119. Баранов А.В. Электоральная активность казачества Северного Кавказа как фактор политической борьбы (1924-1927 гг.) // Политические отношения,

- власть и демократия как факторы общественного развития: В 2 ч. – Краснодар. 1992. - Ч. 2. - С. 179-180.
120. Баранов Е.З. Легенды и сказки терских казаков // Сб. для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1903. - Вып. 32. - С. 72-106.
121. Баратов Н. Казачьи вопросы // Военный сборник. - 1897. - № 11-12.
122. Барзилов С., Чернышов А. Регион как политическое пространство // Свободная мысль. – 1997. - № 2. - С. 3-14.
123. Барилко И.Г. Из воспоминаний бывшего учителя Кубанской войсковой гимназии. Переселение за Кубань казаков Черноморского войска 1860-1861 гг. – Ставрополь: б.н., 1912. - 38 с.
124. Басалай А.А. Диалектика взаимодействия народов в многонациональном государстве (на примере СССР): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Саранск: Морд. ГУ, 2002. – 54 с.
125. Баутдинов Г. Казаки в Италии // Новое время. - 1992. - № 45. - С. 28-31.
126. Бегунова А. Путь через века: Фрагменты истории войска Российского в очерках, живописи, свидетельствах участников событий и очевидцев. – М.: Мол. гвардия. 1988. - 304 с.
127. Белов Г. Эволюция нормативной политической системы современного российского общества // Общественные науки и современность. - 1996. - №1. - С. 45-54.
128. Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. – Ставрополь: СГУ, 2000. - 156 с.
129. Бентковский И. Город Терки. - Ставрополь: Ставроп. губ. ведомости. 1885. - 9 с.
130. Бентковский И. Крепостная колонизация в бывшей Кавказской ныне Ставропольской губернии. – Ставрополь: б.н., б. г. – 6 с.
131. Бентковский И. Ставропольская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1873 года. – Ставрополь: б.н., 1874. – 158 с.

132. Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 гг. – Екатеринодар: б.н., 1880. - 125 с.
133. Бентковский Л.В. Гребенцы. Историческое исследование. - 2 изд. – М.: Русская типолитография, 1889. - 39 с.
134. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М.: ИМА-ПРЕСС, 1990. – 288 с.
135. Березняк Т.Ф. Шляхи казацкие: историческая повесть. - Краснодар: Твоя Судьба, 1997. - 72 с.
136. Беркович Н.А. Племя, народность, нация: (социально-философское исследование): Автореф. дис... д-ра филос. наук. – СПб: СПб. ГУ, 2002. - 40 с.
137. Берченко Н.Я. Новое в исследованиях по конституционному праву России // Журнал рос. права. - 1998. - № 10-11. - С. 238-243.
138. Бжезинский З. Большой провал: Агония коммунизма // Квинтэссенция: Философский альманах. – М.: Политиздат, 1990. – С. 256-277
139. Билев Г. Хроника Кавказских войск. – Тифлис: б.н., 1908. - 61 с.
140. Бляхер Л.Е. Властные игры в кризисном социуме: преобразование российской институциональной структуры // Политические исследования. – 2003. - № 1. – С. 63-73.
141. Богданова Н.А. Правовая норма и политика в науке конституционного права // Вест. Моск. ун-та. - Сер. 11. Право. - 1997. - № 4. - С. 3-18.
142. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М.: ОГИЗ, 1937. - Т. 3. - 400 с.
143. Большой круг Терского казачьего войска // Казачий Терек. - 2002. - № 11.
144. Бондаренко Н.Г. Казачество в годы гражданской войны // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Материалы Международ. конгресса. Симпозиум 1. – Пятигорск, 1996. - С. 24-25.
145. Бондарь Н.И. Формирование и развитие традиционной духовной культуры Кубанского казачества: Календарные праздники и обряды: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Л.: ЛГУ, 1988. – 24 с.

146. Бровко Н.В. Социологические и правовые аспекты сотрудничества органов внутренних дел с территориальными объединениями казачества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: НИИ МВД РФ, 1996. – 22 с.
147. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
148. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987. – 333 с.
149. Броневский В. Описание донской земли, нравов и обычаев жителей. – СПб.: б.н., 1834. - 126 с.
150. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – 149 с.
151. Бугай Н.Ф., Меркулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». – Майкоп: Кн. изд-во, 1994. - 154 с.
152. Бугай П.Ф. Казачество России: проблемы возрождения // Обозреватель. - 1993. - № 28. – С. 14-19.
153. Буренко В.И. Политическая власть как объект социального регулирования. – М.: МГСА, 2000. – 178 с.
154. Буренко В.И. Социальное регулирование политической власти: история идей и современные подходы. – М.: Национальный институт бизнеса, 2001. – 195 с.
155. Бурькина Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западном Кавказе в 90-е годы XVIII- 90-е годы XIX века: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Майкоп: АГУ, 2000. - 30 с.
156. Бутко П.Г. Об имени «казак» // Вестник Европы. - 1822. - № 23. - С.126
157. В тисках проблем. Из доклада губернатора Ставропольского края А.Л. Черногорова на расширенном заседании совета по экономической и общественной безопасности, состоявшегося 30 января 1999 года // Казачий Терек. - 1999. - № 2.

158. Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII-XIX вв.): Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Ставрополь: ИЦ АГПИ, 2001. - 54 с.
159. Венков А.В. Казаки. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. - 440 с.
160. Венков А.В., Трут В.П. Казаче-горская государственность на Северном Кавказе в 1917-1918 гг. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1997. - № 4. – С. 5-8.
161. Вертепов Г. Из старых записок: О происхождении казаков // Терские ведомости. - 1903. - № 114. - 29 мая.
162. Виноградов В.Б. Из истории и культуры Кубани. – Армавир: АГПИ, 1997. – 120 с.
163. Виноградов В.Б. История Средней Кубани // Страницы истории Средней Кубани. – Армавир: АГПИ, 1993. – 164 с.
164. Витушко В.А. Общенаучная методология в цивилистике // Российское право. - 2000. - №3. - С. 54-60.
165. Возрождение казачества: история и современность: Материалы к V Всероссийской (международной) науч. конф.: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.П. Скорик. – Новочеркасск: НГТУ, 1994. - 127 с.
166. Возрождение казачества: надежды и опасения / Ред. Г. Витковская, А. Машушенко. – М.: Моск. Фонд Карнеги, 1998. - 242 с.
167. Возрождение казачества: пути и проблемы // Известия ЦК КПСС. - 1991. - № 8. - С. 133-135.
168. Волков Ю.Е. Теоретико-методологические основы социологического анализа общественных систем и процессов. – М.: Совет. спорт, 2001. – 360 с.
169. Володенков С.А. Моделирование современных политических процессов: возможности и границы применения: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: МГУ, 2000. - 24 с.

170. Волхонский М.Н. Национальный вопрос в Российской империи и правительственные круги // Вест. Моск. ун-та. - Сер. 8. История. - 2002. - № 3. - С.55-72.
171. Волынкин Н.М. Предшественники казачества – бродники // Вест. Ленинград. ун-та. - 1949. - № 8. - С. 55-62.
172. Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (Дореволюционный период): Сб. науч. трудов. – Нальчик: КБГУ, 1989. - 192 с.
173. Воронов Н. Статистические данные о Терском казачьем войске // Кавказский календарь на 1867 год. – Тифлис: б.н., 1866. - С. 320-376.
174. «В пользу интереса нашего». Казачество: в прошлом и будущем // Военно-исторический журнал. - 1994. - № 2. – С. 79-85.
175. Врангель П.Н. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля: Южный фронт. – М.: Мол. гвардия, 1992. – 148 с.
176. Всеподданнейший отчет начальника Терской области о состоянии области и войска за 1898 год. – Владикавказ: б.н., 1899. - 118 с.
177. Вся область Войска Донского на 1900 год. – Ростов-на-Дону: б.н., 1900. - 722 с.
178. Вырелкин В. Философские проблемы возрождения казачества // Социально-политический журнал. - 1994. - № 3-6. – С. 210-214.
179. Габричидзе Б.Н., Коланда В.М. Принципы профессионализма в государственной службе // Государство и право. - 1995. - № 12. - С. 19-26.
180. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения, 2003. – 384 с.
181. Гаджиев К.С. Политическая философия. – М.: Экономика, 1999. - 606 с.
182. Гасанов Н.И. Русский вопрос в Дагестане // Социально-политический журнал. - 1994. - № 11-12. - С. 45-50.
183. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Политические исследования. – 2003. - № 4. - С. 6-25.

184. Гепис В.А. Рассказывание в советской России // Вопросы истории. - 1994. - № 1. - С. 42-56.
185. Герман О.Б. Актуальность изучения правового положения казачества и крестьянства юго-востока России в 1861–начале 1918 гг. // Юристы-правовед. - 2002. - №1 (4). - С.77-79.
186. Глазунов Н.Г. Проблемы социального моделирования: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М.: МГПУ, 2000. - 16 с.
187. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, диалектика (теоретико-методологический анализ). – М.: «Эдиториал УРСС», 2000. – 280 с.
188. Глухова А.В. Типология политических конфликтов. – Воронеж: ВГУ, 1997. – 152 с.
189. Глущенко В.В. Интеграция казачества в структуру российской государственности (XVI-начало XX века): Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – М.: МГСУ, 1998. - 75 с.
190. Глущенко В.В. Казак, что в имени твоём: философия развития казачества. – М.: б.н., 1997. - 149 с.
191. Глущенко В.В. Казаки и народы Кавказа. – М.: Академия воен. наук, 1997. - 169 с.
192. Глущенко В.В. Казаки отечества былого и нынешнего. -2-е изд., доп. – Ростов-на-Дону: ТОР, 1995. - 136 с.
193. Глущенко В.В. Казачество в Евразии: зарождение, развитие и интеграция в структуру Российской государственности. – М.: ВУЗкнига, 2000. - 293 с.
194. Гогиев К.М. Социологические аспекты современных миграций на Северном Кавказе: на примере Карачаево-Черкесии и Ставропольского края: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – Ставрополь: СКГТУ, 2000. - 24 с.
195. Головлев И. Что же такое казачество? // Ставроп. правда. - 1994. - 21 дек.
196. Гордеев А.А. История казаков: В 4-х т. – М.: Страстной бульвар, 1992.

197. Гордин Я. Что увлекло Россию на Кавказ?: Заметки об идеологии Кавказской войны // Звезда. - 1997. - № 10. - С. 94-112.
198. Граница и казаки // Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ. – М.: Известия, 1997. - Вып.2. - С. 5-7.
199. Гржейшак С.Е. Региональное политическое лидерство в современной России: институциональный аспект // Общ. науки и современность. - 2000. - № 1. - С. 36-45.
200. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация вынужденных переселенцев из ближайшего зарубежья в России: Автореф. дис. ... д-ра псих. наук. – М.: Институт психологии РАН, 2002. - 49 с.
201. Гришин В. Партнерство центра и регионов должно быть равноправным // Российская Федерация сегодня. - 2002. - № 3. - С. 24-26.
202. Гулызин Н.Г. Политизация казачества и реформы в России // Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф. 16-17 ноября 1992 г. – Ставрополь: СГУ, 1992. – С. 81-84.
203. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л. Мысль, 1990. –284 с.
204. Гундарь О.Н. Роль этнической элиты в формировании национального самосознания // Вестник Ставропольского ун-та. – 1998. – Вып. 15. – С. 148-153.
205. Гусаева К.Г. Межнациональные конфликты в полиэтнической среде: их характер и разрешение: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Махачкала: ДГУ, 2000. - 24 с.
206. Гущин В.З. Понятие конституционных прав граждан на объединение как категория международной и внутригосударственной // Юрист. - 1998. - №7. - С. 109-113.
207. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЗАО изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 736 с.
208. Дамения О.Н. Кавказская культурная общность: миф и реальность? // Научная мысль Кавказа. - 2002. - № 1. - С. 45-56.

209. Данилов А.Г. Интеллигенция Дона, Кубани, Ставрополя в конце XIX-начале XX века: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Ставрополь: СГУ, 2001. - 50 с.
210. Данилов В.П. К истории рассказывания // http://synopsis.kubsu.ru/new_n/009_97/htm.
211. Данливи П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подход // Политические науки: новые направления / Науч. ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Наука, 1999. - 245 с.
212. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах – СПб.: б.н., 1829. - 464 с.
213. Дедяев В.М. Региональные проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1998. - № 2. - С. 20-24.
214. Деметрадзе М.Р. Межэтническая дистанция на Кавказе и политика (Исторический экскурс) // Политические исследования. - 2000. - № 4. - С. 158-162.
215. Денискин В.И. Появление и расселение казачества на Тереке в освещении дореволюционной и советской историографии // Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Общественные науки. - 1975. - № 3. – С. 59-63.
216. Денисова Г.С. Интеграционные процессы на Северном Кавказе как политическая проблема // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1998. - № 2. - С. 37-42.
217. Дмитриев Ю.А. К вопросу об определении предмета отрасли конституционного права // Государство и право. - 2002. - № 7. - С. 134-22.

218. Довженко М.В. Роль неправительственных организаций в урегулировании конфликтов современности: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: МГУ, 2002. - 23 с.
219. Долгополов А. Казачий вызов смутному времени // Международная жизнь. - 1994. - № 7-8. – С. 61-66.
220. Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. – Владикавказ: б.н., 1907. - 73 с.
221. Должной поддержки федерального центра казачеству нет // Казачий Терек. - 2003. - № 1-2.
222. Донченко Д.В. Геополитическая составляющая «русской идеи»: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Орел: ОРАГС, 2001. - 27 с.
223. Дорофеев В.А. Отношение казачества к государственной службе // Социологические исследования. - 1998. - № 7. - С. 67-81.
224. Дубинин А.Н. Социально-философский анализ воинских традиций казачества. Дис. ... канд. философ. наук. – Ставрополь: СКГТУ, 1997. – 178 с.
225. Дубков В. Большой казачий передел // Новое время. - 1995. - № 1. - С. 9-11.
226. Дубовиков А.М. Уральское казачество в пореформенный период, 1861-1904 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Самара: СГПУ, 2000. - 23 с.
227. Дубовиков А.Н. Уральское казачество в пореформенный период, 1861-1904 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара: СГУ, 2000. – 22 с.
228. Дугинец А.С. Нормативно-правовое регулирование вопросов, связанных с казачеством в России // Юрист. - 1998. - № 1. – С. 35-40.
229. Дулимов Е.И. Вопросы правового обеспечения казачьего землепользования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский. регион. Общественные науки. - 1999. - № 1. – С. 77-79.
230. Дулимов Е.И. Из истории движения возрождения казачества и восстановления казачьей автономии в первой половине 1990-х годов // Юристы-правовед. – 2002. - № 1. – С. 79-86.

231. Дулимов Е.И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI-XХ вв.: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов: СГУ, 2003. – 53 с.
232. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
233. Емельяненко В. Аппетиты победителей // Известия. - 2001. - 15 февр.
234. Ермошин Г. Единой России – единое правовое пространство // Российская юстиция. - 1999. - № 1. - С. 13-15.
235. Жеребкин М.В. Политический процесс в условиях трансформации российского общества: сущность, особенности, тенденции развития: Автореф. дис.... д-ра полит. наук. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2002. – 49 с.
236. Журавлев В.В. От прошлого к настоящему: невидимая грань состояний: Российский политический процесс 1993-начала 1995 г. // Социально-политический журнал. – 1995. - № 5. – 11-28.
237. Задворнов И.А. Северный Кавказ: Этнополитические и религиозные особенности идентичности // Социологические исследования. - 2000. - № 10. - С. 52-58.
238. Законы субъектов Федерации должны быть работоспособными: Выступление В.В. Путина на совещание руководителей законодательных собраний субъектов РФ // Журнал рос. права. - 2002. - № 7. - С.3-6.
239. Заседателева Л.Б. К истории формирования Терского казачества // Вест. Моск. ун-та. – Сер. История. - 1969. - № 3. - С. 53-66.
240. Заседателева Л.Б. Терские казаки: Середина XVI – начала XX вв.: Историкографические очерки. – М.: Изд-во МГУ, 1974. - 423 с.
241. Здравомыслов А.Г. Власть и общество в России: кризис 90-х гг. // Общественные науки и современность. - № 6. – С. 25-34.
242. Зотов В. Казачество – российский феномен // Свободная мысль. - 1994. - № 10. - С. 66-78.

243. Иванников Б.Д. Межэтнические отношения на Северном Кавказе и военная служба казаков как фактор возрождения казачества // Проблемы истории казачества: Сб. науч. тр. – Волгоград: ВГУ, 1999. – С. 56-63.
244. Иванников Б.Д. Проблемы возрождения в свете теории нации // Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф., 16-17 ноября 1992 г. – Ставрополь: СГУ, 1992. – С. 13-23.
245. Иванов В.Н. Политико-идеологические и социально-экономические аспекты российского федерализма // Социологические исследования. – 2001. - № 7. – С. 23-30.
246. Иванов В.Н., Ладодо И.В., Назаров М.М. Состояние межнациональных отношений в Российской Федерации // Социально-политический журнал. - 1996. - № 3. – С. 33-49.
247. Игнатьева Р.Н. Влияние политических границ на этническое самосознание: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М.: ИЭиА им Н.Н. Миклухо-Маклая, 2002. - 32 с.
248. Игонин А.В. Партийно-государственная политика в сельских районах Ставрополья, Кубани и Дона: Историко-политические и теоретические аспекты (1928-1934 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Ставрополь, СГУ, 1997. - 24 с.
249. Игошин И.Н. Институциональные системы и их искажение // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 12. Политические науки. – 2003. - № 5. – С. 39-52.
250. Изменение основных демографических характеристик Ставропольского края за 1989-1999 гг.: Статистический сб. – Ставрополь: Стат. упр., 2000. – 48 с. Казачьи ведомости. – М., 1990
251. Изюмов А.И. География казачества // География и школа. - 2000. - № 1. - С.15-19.
252. Изюмов А.И. Казачество на политической карте современной России // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 12. Политические науки. – 2003. - № 1. – С. 62-75.

253. Изюмов А.И. Уральская казачья община // Вопросы истории. - 1998. - № 3. - С. 129-135.
254. Иллюстрированная история казачества / Репринтное изд. – Волгоград: Весто, 1994. – 544 с.
255. Ильин Л. Казачество Северного Кавказа в революции 1917 года // Пролетарская революция. - 1928. - № 2 (73).
256. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами повседневности и истории // Политические исследования. - 1994. - № 6. - С.25-34.
257. История донского казачества: Учеб. пособие / Отв. ред. проф. А.В. Венков. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2001. – 384 с.
258. История казачества России: Учеб. пособие / Отв. ред. проф. А.В. Венков. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2001. – 256 с.
259. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. – 544 с.
260. Кавказский сборник, издаваемый с высочайшего соизволения по указанию государя Великого Князя Михаила Николаевича в бытность его императорского высочества главнокомандующим кавказской армией / Под ред. Артиллерии генерала лейтенанта Т. Чернявского: В 12 т. – Тифлис: б.н., 1882–1888.
261. Казаки на службе России: Информационный бюллетень ГУКВ.– М.: Известия, 1997. - Вып. № 2. – 112 с.
262. Казакия: Вестник Великого Братства казачьих войск. – 2002. - № 2 (12).
263. Казанцев В.Г. Межнациональные конфликты на Северном Кавказе в контексте современных геополитических реалий: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2000. - 33 с.
264. Казанцев В.Г. Южный федеральный округ и его Северо-Кавказский субрегион как предмет социально-политической теории и практики // Социально-гуманитарные знания. - 2001. - № 1. – С. 3-12.

265. Казачество в историческом отношении // Терские ведомости. - 1877. - № 13.
266. Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне: Материалы Всесозн. науч. конф. 12-13 ноября 1980 г. – Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИИФЭ, 1984. - 280 с.
267. Казачество в революциях и гражданской войне: Материалы второй Всесозн. науч. конф. 9-11 сентября 1986 г. – Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИИФЭ, 1988. - 310 с.
268. Казачество России: информационно-справочные материалы. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2001. – 68 с.
269. Казачество Северо-Кавказского края: итоги переписи населения 1926 года. – Ростов-на-Дону: б.н., 1928. - 99 с.
270. Казачество юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Доклады и сообщения на научно-практ. конф., апрель 2001 г. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2001. – 140 с.
271. Казачество юга России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве: Дополнительные Информационные материалы для участников научно-практ. конф., апрель 2001 г. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2001. – 104 с.
272. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. - Ростов-на-Дону: Рост. кн. изд-во, 1992. - 320 с.
273. Казачий Дон: Очерки истории: В 2 ч. / Науч. ред. А.П. Скорик. – Ростов-на-Дону: РОИУУ, 1995.
274. Казачий словарь-справочник: В 3 т. / Изд. А.И. Скрылов, Г.В. Губарев / Репринтное изд.: Кливленд, Охайо, США. 1966-1969: В 3 т. – М.: ТО «Созидание», 1992.
275. Казачий Терек. – 1999-2004. - №№ 1-65.
276. Казачьи войска: Краткая характеристика казачьих войск и иррегулярных частей / Репринтное изд. – Б.м.: АО «Дорваль», 1992. - 462 с.

277. Как нам быть с Кавказом // Российская Федерация сегодня. - 2002. - № 9. - С. 2-38.
278. Кандель П.Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Социологические исследования. - 1999. - № 6. - С. 25-34.
279. Капто А.С. Философия мира: истоки, тенденции, перспективы. – М.: Политиздат, 1990. - 431 с.
280. Капустин Б. Современность как предмет политической теории. – М.: РОССПЭН, 1998. – 308 с.
281. Капустин Б.Г. К понятию политического насилия // Политические исследования. – 2003. - № 6. – С. 6-27.
282. Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? // Политические исследования. – 2001. - № 4. – С. 6-26.
283. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. – М.: РОСПЭН, 1998. - 308 с.
284. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 18 кн. – М.: Мысль, 1989-1990.
285. Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Политические исследования. – 1995. - № 4. – С. 6-17.
286. Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем / Репринтное изд. – СПб.: Петроградская Станица, 2003. - 375 с.
287. Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем: Памятка Терского казака. – Владикавказ: Изд-во войскового штаба Терского казачьего войска, 1912. - 385 с.
288. Караулов-2-ой М.А. Очерки казачьей старины. – Владикавказ: Терские ведомости. - 1909. - №№ 124-125, 128-131, 133, 134; 1910. №№ 3,9,38.
289. Карачайлы И. Горцы и казаки в XVIII веке // Революция и горец. - 1928. - № 9. - С. 48-55.

290. Кардашова И. К вопросу о концепции национальной безопасности Российской Федерации // Закон и право. - 1999. - № 8. - С. 5-9.
291. Касперский С. Ваххабистский спрут // Казачий Терек. - 2002. - № 7-8.
292. Квинтэссенция: Философский альманах / Сост. В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. - М.: Политиздат, 1990. - 447 с.
293. Киреенко Ю. Казачество в эмиграции: споры о судьбах (1921-1945 гг.) // Вопросы истории. - 1996. - № 10. - С. 3-18.
294. Кириенко Ю. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921 - 1945 гг.) // Вопросы истории. - 1996. - № 10. - С. 3-10.
295. Кислицын С.А. Проблемы формирования государственной политики по отношению к казачеству на юге России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1996. - № 2. - С. 67-72.
296. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. / Под ред. В.Л. Янина. - М.: «Мысль», 1989-1990.
297. Ковалев А. Кого считать казаком? // Вести. - Ставрополь. - 1993. - № 27. - 23 июля. - С. 7.
298. Ковалев А.П., Майсурадзе В.Г. Место и роль казачества в истории государства Российского // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Материалы Международ. конгресса. - Пятигорск: ПГЛУ, 1996. - Вып.1. - С. 67-70.
299. Ковалева О.В. Политико-правовые аспекты статуса казачества в современной России: Автореф. дис.... канд. полит. наук. - М., 2003. - 23 с.
300. Ковальская Г. Кавказцам в Ставрополье дорога заказана // Новое время. - 1992. - № 28. - С. 8-9.
301. Ковальская Г. Когда мешают шпоры // Новое время. - 1992. - № 29. - С. 46-47.
302. Ковачев Д.А. О критериях оценки результатов сравнения в области государственного права // Государство и право. - 1992. - № 10. - С. 123-127.

303. Ковлер А.И. Конституция «формальная» и «реальная» // Политические исследования. - 1998. - № 6. - С. 26-31.
304. Козбаненко В.А. Структурно-видовые особенности государственной службы Российской Федерации // Государство и право. - 1998. - № 12. - С. 37-46.
305. Козлов А.И. Итоги, проблемы и перспективы возрождения казачества // http://synopsis.kubsu.ru/new_n/009_97/htm.
306. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI – XVIII вв.). - 2-е изд., исправ. и доп. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. - 287 с.
307. Козлов С.А. Пополнение вольных казачьих обществ на Северном Кавказе в XVI – XVII вв. // Советская этнография. - 1990. - № 5. - С. 47-56.
308. Козлов С.А. Русское казачество на Северном Кавказе: от вольного общества к служилому сословию (вторая половина XVII – начало XVIII века) // Социально-политические процессы дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный: ЧИ кн. изд-во, 1991. – С. 20-25.
309. Козлова О.Н. пространство социального бытия – этничность // Социально-гуманитарные знания. – 2001. - № 4. – С. 129-142.
310. Колесников В.А. Формирование и функции линейного казачества Кубани в конце XVIII в.-1861 г.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Ставрополь: СГУ, 1996. - 26 с.
311. Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской (1801-2001). К 200-летию со дня основания. – Ставрополь: ЮРКИТ, 2001. – 368 с.
312. Колосов В.А., Галкина Т.А. Территориальная идентичность и межэтнические отношения (на примере восточных районов Ставропольского края) // Политические исследования. - 2001. - № 2. - С.61-78.
313. Колосова Н. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации // Закон и право. - 2002. - № 9. - С. 77.

314. Корень Р.В., Горельченко Н.Н. Азбука возрождения казачества: очерки духовно-социально-этнической философии. – Ставрополь: СГТУ, 1998. - 278 с.
315. Королева-Коноплянная Г.И. Местное самоуправление на современном этапе: политико-правовой аспект // Социально-гуманитарные знания. - 2002. - № 5. - С.146-156.
316. Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска, 1696-1896 гг. Исторический очерк. - Екатеринодар, 1896 / Репринтное изд. – Минеральные Воды, 1991. – 122 с.
317. Короленко П.П. К истории колонизации закубанского края в 1865–1867 гг. Архивные документы. – Ставрополь, 1906. – 28 с.
318. Короленко П.П. Материалы по истории войска запорожского. – Харьков: б.н., 1896. – 43 с.
319. Короленко П.П. Предки кубанских казаков на Днепре // Кубанский сборник. - 1900. - Т. 7, 8. - С. 8-70.
320. Короленко П.П. Сочинения. – Симферополь–Екатеринодар: б.н., 1899. – 485 с.
321. Костомаров И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд. 2. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. - Вып. 4: XVII столетие. – СПб.: б.н., 1874. – 220 с.
322. Котикова Е.И. Социально-философские проблемы возрождения казачества: Дис. ... канд. философ. наук. – Ставрополь: СГУ, 1998. – 168 с.
323. Кравец И.А. Сущность конституций и конституционный процесс (динамика социально-политического содержания российских конституций) // Правоведение. - 2002. - № 2. - С. 43-57.
324. Кравцов И. Очерк о начале Терского казачьего Войска. – Харьков: б.н., 1882. - Т. 1. - 80 с.
325. Краснов Н. Народонаселение и территория казаков Европейской и Азиатской России // Военный сборник. - 1877. - Т. 18. - №11-12.

326. Краснов П. Казаки, их прошлое настоящее и возможное будущее (Русский колокол. - 1928. - № 4) // Кубань. – 1990. - № 9. - С. 47-51.
327. Крестная ноша: трагедия казачества / Сост. В. Сидоров. – Ростов-на-Дону: Гефест, 1994. - 512 с.
328. Кротов Д.В. Политическая безопасность России: проблемы обеспечения в Южном федеральном округе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2002. - 24 с.
329. Крутов А.В. Взаимодействие гражданского общества и государства как фактор политической стабильности российского общества: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2000. - 25 с.
330. Крылов Ю.Ю. Некоторые проблемы национального вопроса в России с позиций социальной антропологии и законодательства // Закон и право. - 2000. - № 3. - С. 33-35.
331. Кубанское казачество: Три века исторического пути: Материалы Международ. научно-практ. конф., Ст. Полтавская Краснодарского края, 23-27 июля 1996 г. - Краснодар: Куб ГУ, 1992. – 304 с.
332. Кубанское казачье войско. 1696-1888 гг. – Воронеж: б.н., 1888. - 167 с.
333. Кудрявцев И.Е. «Националистическое Я» и политический национализм // Политические исследования. - 1997. - № 2. - С. 77-94.
334. Магомедов А.А. Семья на Северном Кавказе. – Ставрополь: СГУ, 1999. – 286 с.
335. Кудряшов А. На великой русской реке служит войско Великой России // Казаки России. –1999. – Сентябрь. – С. 50-51.
336. Кузнецов В.Н. Культура безопасности современного российского общества. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. – 68 с.
337. Кузнецов В.Н. Культура безопасности: социологическое исследование. – М.: Наука, 2001. – 320 с.

338. Кулиев Ф.М.-О. Политическая борьба на Северном Кавказе в 1917 году (февраль – октябрь): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Саратов: СГУ, 2002. - 23 с.
339. Кулиш П. Казаки по отношению к государству и обществу // Русский архив. 1887. - Кн. 1. - С.352-368; - Кн. 2. - С.113-136.
340. Куракеева М.В. Казаки Верхней Кубани и Зеленчуков. – Черкесск: КЧНИ-ИЭ, - 1994. – 162 с.
341. Куценко И.Я. Кубанское казачество. – Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1990. - 382 с.
342. Ланцов С.Н. Теория политической модернизации и становление парламентской демократии в России // Правоведение. - 1995. - № 4-5. - С.13-23.
343. Лапин В.В., Пантин В.И. Политические ориентации и политические институты в современной России // Политические исследования. – 1999. - № 6. – С. 48-62.
344. Ломовский В.Д. О методе конституционного регулирования // Журнал рос. права. - 1998. - № 4-5. - С. 91-98.
345. Лукичев П., Скорик А. Социально-психологический феномен казачества // Свободная мысль. - 1995. - № 8.
346. Магомедов А.А. Институт семьи у казаков // Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф. 16-17 ноября 1992 г. – Ставрополь: СГУ, 1992. – С. 59-65.
347. Макаренко В.П. Кавказ: конфликтологический анализ // Социологические исследования. - 2001. - № 12. - С. 30-41.
348. Максимов Е. Терское казачье войско: Историко-статистический очерк. – Владикавказ: б.н., 1890. - 167 с.
349. Малышенко Г.И. Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Омск: ОГПУ, 2001. - 23 с.

350. Малявин. Как пошло на Руси Казачество // Терские ведомости.- 1892. - № 1.
351. Маркедонов С.М. Донское казачество и Российская империя (История политических отношений // Общественные науки и современность. - 1998. - № 1. – С.103-111.
352. Маркедонов С.М. Донское казачество. Феномен межцивилизационного диалога // Общественные науки и современность. - 1997. - № 2. - С.186-189.
353. Мартышин О.В. Российская конституция 1993 г. и становление новой политической системы // Государство и право. - 1994. - № 10. - С. 32-37.
354. Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. - М.: РОССПЭН, 1993. – 239 с.
355. Мухин А., Прибыловский В. Казачье движение в России и странах ближнего зарубежья (1988-1994 годы): В 2 т. – М., 1994.
356. Национальная политика партии в современных условиях: Платформа КПСС // Правда. - 1989. - 24 сент.
357. Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в историческом представлении кубанских казаков. – Краснодар: Крайбибколлектор, 2002. - 120 с.
358. Мацевский Г.О. Методологические основы осмысления социокультурного феномена казачества // Тезисы докладов Северо-Кавказской регион. науч. конф. аспирантов и молодых ученых «Перспектива-99», 23-26 апреля 1999 г. – Нальчик: Кн. изд-во, 1999. – С. 43-46.
359. Межэтническое взаимодействие на юге России: проблемы и пути решения в условиях социальной трансформации: Доклады и сообщения III региональной научно-практ. конф., 20 июня 2003 г. – М. – Ставрополь: ИСПИ РАН, 2003. – 94 с.
360. Мельников Л.Н. Иногородние в Кубанской области. – Екатеринодар: б.н., 1900. - 70 с.

361. Мереликина О.Г. Уральские казаки в прошлом и настоящем // Регионология. - 2001. - № 3. - С. 233-240.
362. Месечко А., Смольняков А., Ремез В. Казаки на Ставрополье // Казачий Терек. - 1999. - № 2.
363. Местоев О.М. Этнополитический конфликт как угроза социальной безопасности Северо-Кавказского региона Российской Федерации: (на примере осетино-ингушского конфликта): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2001. - 26 с.
364. Методология анализа политической традиции в России // Общественные науки и современность. - 2000. - № 2. - С. 71-83.
365. Михайлов В.А. Межнациональный конфликт – что за ним? // Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 10. - С. 123-124.
366. Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. - 1997. - № 2. – С. 186-198.
367. Моренов И.С. Национальные интересы России на Северном Кавказе: исторический опыт и современная практика обеспечения (политологический аспект): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: МВТУ. 2003. - 24 с.
368. Муратшин Ф.Р. Законодательство субъекта Российской Федерации и проблема его гармонизации с федеральным законодательством (региональный взгляд) // Закон и право. - 2000. - № 10. - С. 6-12.
369. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / Под общ. ред. В.В. Журавлева. – М.: Политиздат, 1990. - 447 с.
370. Назаренко Г. Методология правопознания // Уголовное право. - 2002. - №4. - С. 93-94.
371. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. – Ставрополь, 1997.
372. Нам объявлен священный джихад // Казачий Терек. - 2003. - № 1-2.
373. Народы Северного Кавказа за IX – начало XIII в. // История России с древнейших времен до конца XVII века. – М., 1997. - С. 91-96.

374. Нарожный Е.И. Северный Кавказ: этапы исторического развития. – Армавир: АГПИ, 2000. - 39 с.
375. Национальная политика сталинизма и процессы депортации и реабилитации народов Северного Кавказа // Российская историческая политология / Под ред. С.А. Кислицына. – Ростов-на-Дону, 1998. - С. 562-582.
376. Начало истории казаков // Вестник Европы. - 1828. - № 2. - С. 10-105.
377. Невская Т.А. Формирование хозяйственно-культурного своеобразия казачества и крестьян Северного Кавказа // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. – Краснодар: Куб ГУ, 1992. – С. 48-54.
378. Невская Т.А., Понамарев Е. Проблемы казачьего движения на Ставрополье // Сеть антропологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень. – М.: б.н., 1996. - № 8.
379. Недбай Ю.Г. Сибирское казачье войско (1725-1861 гг.): Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Омск: Том ГУ, 1999. - 56 с.
380. Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII - первой половине XIX в. / Отв. Ред. В.П. Громов. – Майкоп: б.н., 1985. - 96 с.
381. Неляпин Р.А. История казачества. – СПб.: Изд-во СПб. Митрополии «Православная Русь», 1995. - Т.1. - 559 с.
382. Немченко Г. Последнее рыцарство: Вымыслы и правда о казачьем сословии // Коммунист и политика. - 1990. - № 16. - С. 37-41.
383. Нечаев В.Д. Когнитивные революции и институциональные изменения // Политические исследования. - 2002. - № 5. - С. 6-19.
384. Никитин Н. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. - 1994. - № 1. – С. 34-42.
385. Никитин Н.И. За други своя // Военно-исторический журнал. - 1993. - № 6. - С. 83-87.

386. Ноженко М.В. Политико-правовой и социальный аспект определения национальной принадлежности в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – СПб.: СПб. ГУ, 2002. - 19 с.
387. Нормативно-правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации в отношении казачества. – М.: УПК, 2002. – 60 с.
388. О мерах по реализации резолюции XXVIII съезда КПСС «Демократическая национальная политика – путь к добровольному союзу, миру и согласию между народами»: Пост. ЦК КПСС от 28 авг. 1990 г. // Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 10. - С. 11-12.
389. О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2002 года в Ставропольском крае. – Ставрополь: СККГС, 2003. – 54 с.
390. О состоянии российского казачества и перспективах его дальнейшего развития. Роль и место войсковых и окружных казачьих обществ в структуре общественно-государственного устройства Российской Федерации: Доклад Советника Президента России, Героя России, генерал-полковника Г.Н. Трошева // Казачий Терек. - 2003. - № 6.
391. Об итогах встречи полномочного представителя Президента Российской Федерации по Южному Федеральному округу Казанцева В.Г. с войсковыми атаманами Юга России // Казачий Терек. - 2003. - № 1-2.
392. Обзор колонизации Закубанского края с 1861 по 1864 гг. // Русский инвалид. - 1864. - №230.
393. Обозный Н. Кто такие казаки-некрасовцы? // Казачий Терек. - 2002. - № 1.
394. Овсепян Ж.И. Конституционно-правовые нормы и институты // Северо-Кавказ. юрид. вестник. - 2002. - № 4. - С.3-20.
395. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20 изд. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.
396. Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казачьих войск России и Зарубежья. – Ростов-на-Дону, 2000. – 208 с.

397. Омельченко И.А. Терское казачество. – Владикавказ: Ир, 1991. - 301 с.
398. Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. – М.: Норма, 2000. – 541 с.
399. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – М.: Госкомстат РФ, 2003. – 48 с.
400. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего Войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Екатеринодар: б.н., 1901. - 647 с.
401. Отчет о состоянии Кубанской области и Кубанского казачьего войска за 1888–1890 гг.; 1892-1893 гг. – Б.м., б.н., 1892.
402. Отчетный доклад атамана Терского казачьего войска казачьего генерала Бондарева В.П. // Казачий Терек. - 2003. - № 10.
403. Отчеты по Терской области за 1889-1892 гг. – Б.м., б.г. - 415 с.
404. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: «Сов. Кубань», 1996. - 655 с.
405. Паин Э.А. Этнополитический маятник: цикличность этнополитических процессов в постсоветской России // Общественные науки и современность. – 2003. - № 2. – С. 67-84.
406. Панарин А.С. Политология: Учеб. - 2 изд., перераб. и доп. - М.: Проспект-Н, 1999. – 448 с.
407. Панов П.В. Трансформации политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // Политические исследования. – 2002. - № 6. – С. 58-70.
408. Певнев А.П. Кубанские казаки: пособие по истории для учащихся школ, гимназий, лицеев Краснодарского края. – Краснодар: РИА Сполох, 1995. - 48 с.
409. Пелипенко А.А. Методология анализа и проблемы российской государственности // Общественные. науки и современность. - 2000. - № 5.- С.104-110.

410. Пеннер Д. Взаимоотношения между донским и кубанским казачеством и коммунистической партией в 1920-1932 гг. // http://synopsis.kubsu.ru/new_n/009_97/htm.
411. Переверзев А.Е. Русские на Северном Кавказе: социокультурная роль и статусные позиции: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, РГУ, 2001. – 26 с.
412. Перегудов С.П. Гражданское общество в политическом измерении // Мировая экономика и международные отношения. - 1995. - № 12. - С. 74-85.
413. Передельский Е. Несколько слов об общине среди казаков // Сб. материалов для описания местности и племен Кавказа. – Тифлис: б.н., 1886. – Вып. 5. - С. 37–82.
414. Передерий С.В. Русский народ как фактор укрепления российской государственности // Безопасность – многоуровневый аспект: превентивные меры и методы: Сб. материалов 1 Всеросс. науч.-практ. конф., 27-28 ноября 2003 г. – Пенза: ПГУ, 2003. – 68-94 с.
415. Перехов Я.А. Власть и казачество. Поиск согласия. 1920-1926 гг. – Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. 138 с.
416. Перехов Я.А. Опыт советского строительства в казачьих областях Северного Кавказа в 20-е годы // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. – Ростов-на-Дону: б.н., 1995. - С.162-164.
417. Перечень ведомственных нормативных правовых актов по привлечению членов казачьих обществ к несению государственной и иной службы. – М.: УПВК, 2002. – 80 с.
418. Перечень казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, на 1 января 2003 г. // Делопроизводство Управления Президента Российской Федерации по вопросам казачества. - 2003 г.
419. Поздняков А. Необратимый характер // Казачий Терек. - 1999. - № 2.

420. Петров Ю. Альтернативы: модели развития для России // Свободная мысль. - 1997. - № 6. - С. 5-19.
421. Петрович А. Казаки и Северный Кавказ // Независимая газета. - 1994. - 4 июня.
422. Платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» // Правда. - 1989. - 24 сент.
423. Пляйс Я.А. Творческий потенциал российского политологического сообщества: Основные направления исследования // Политические исследования. - 1999. - № 6. - С.144-163.
424. Повышать удельный вес казачества в охране границы и общественного порядка // Казачий Терек. - 2001. - № 5.
425. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Моск. коммерч. ун-т, 1993. – 431 с.
426. Понеделков А. Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения // Власть. – 2003. - № 1. – С. 60-66.
427. Попка И. Терские казаки. Со стародавних времен. Исторический очерк. – СПб.: б.н., 1880. - Вып. 1. – 516 с.
428. Попка И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: В 2 ч. / Репринтное изд. – Краснодар: Советская Кубань, 1998. - 192 с.
429. Попов С. Национальная политика на Северном Кавказе // Казачий Терек. - 1999. - № 2.
430. Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. – Ростов-на-Дону: Северо-Кавказское краевое стат. управление, 1929. – 468 с.
431. Потто В.А. Два века терского казачества: В 2 т. / Репринтное изд. – Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. – 383 с.

432. Привалов С.В. Проблемы становления эффективной государственной службы: законодательный аспект // Журнал рос. права. - 1999. - № 11. - С. 98-105.
433. Проблемы борьбы с преступностью (региональный аспект): Сб. науч. тр. – М.: НИИ МВД РФ, 1996. - 186 с.
434. Проблемы возрождения казачества: Материалы научно-практ. конф. 16-17 ноября 1992 г. - Ставрополь: СГПИ, 1993. - 91 с.
435. Проблемы возрождения казачества: Сб. статей участников второй Всерос. научно-практ. конф. - Ставрополь: СГПИ, 1993. - 91 с.
436. Проблемы геополитики и Северный Кавказ: Сб. науч. тр. – Ставрополь: СГУ, 2001. – 132 с.
437. Проблемы истории казачества XVI-XX вв. / Отв. ред. А.И. Козлов. - Ростов-на-Дону: РГУ, 1995. - 182 с.
438. Проблемы истории казачества: Сб. науч. тр. – Волгоград: ВГУ, 1995. - 304 с.
439. Проблемы правового и политического регулирования казачьего движения (история и современность) / Под ред. В.А. Хижнякова, Е.И. Дулимова. – Ростов-на-Дону: б.н., 1998. – 140 с.
440. Проблемы укрепления законности, усиления борьбы с преступностью и профилактики правонарушений в современных условиях / Материалы научно-практ. конф. 5-6 декабря 1995 г. – М. - Воронеж: НИИ МВД РФ, 1996. - 224 с.
441. Проект федерального закона «О государственной службе казачьих обществ российского казачества», представленный на обсуждение казачьих обществ в ноябре 2003 г. // Текущий архив Отдела по взаимодействию с казачеством аппарата правительства Ставропольского края. - 2003 г.
442. Прозрителев Г. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. – Ставрополь: б.н., 1912. - 18 с.

443. Прокофьев С.Я. Потребность межнационального общения: философско-социологический анализ (на примере Северо-Кавказского региона): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - М.: Академия управ. МВД РФ, 2002. - 45 с.
444. Пуляев В.Т. Этнос и национальные интересы народов России // Социально-гуманитарные знания. - 2002. - № 1. - С.18-41.
445. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетия: Государственный масштаб // Российская газета. - 1999. - 31 дек.
446. Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г.В. Осипов. 2 изд., перераб. - М.: Наука, 1983. - 476 с.
447. Рабчевская А.К. Вновь обретенная Родина: о казаках-некрасовцах. - Ставрополь: СГТУ, 1996. - 91 с.
448. Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран: Тезисы Международ. науч. конф. 11-16 сентября 2001 г. - М.- Ставрополь: СГУ, 2001. - 388 с.
449. Ратушняк В.Н. Под стягом России. К 300-летию Кубанского казачьего войска // http://synopsis.kubsu.ru/new_n/009_97/htm.
450. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920-1939 гг.): Учеб. пособие. - Краснодар. 1997. - 161 с.
451. Регионы России. Социально-экономические показатели 2003 года: Стат. сб. - М.: Госкомстат РФ, 2003. - 895 с.
452. Ренов Э. Верховенство Конституции РФ и федеральных законов - основной правовой принцип // Хозяйство и право. - 2000. - № 1. - С. 32-41.
453. Решина Л. «Казачья» со свастикой. О формировании «казачьих» частей. Германское командование проводит мероприятия по разложению войск и тыла Красной Армии. 1941 г. // Родина. - 1993. - № 2. - С. 70-79.
454. Ригельман А.И. История или повествование о Донских казаках из российских и иностранных источников, летописей, древних дворцовых записей и из журнала Петра Великого. - М.: б.н., 1778. - 386 с.

455. Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще, отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах витают, как то: черкасские или малороссийские и запорожские, а от них уже донские, а от сих яицкие, сибирские, волжские, терские, некрасовские и прочие казаки, как равно и слободские полки / Собр. и сост. через труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1785-1786 гг. – М.: б.н., 1847. – 737 с.
456. Розенбаум Ю.А. Государственная служба как фактор укрепления целостности российского федеративного государства // Государство и право. - 1998. - № 12. - С. 37-46.
457. Российский обзор. - 1992. - № 1-2.
458. Российское казачество: Научно-справочное издание / Отв. ред. Т.В. Таболина. РАН, Институт этнологии и антропологии – М.: ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 2003. - 880 с.
459. Россия 2003: Стат. сб. – М.: Госкомстат РФ, 2003. – 52 с.
460. Рубанов В. Субъект технологической модернизации // Свободная мысль - XXI. - 2002. - № 11. - С. 22-27.
461. Рудич Ф.М. Политология: теоретический и прикладной контекст // Социально-политический журнал. - 1996. - № 3. – С.151-168.
462. Рукосуев Е.Ю. Казачество: права и обязанности сословия // Вопросы истории. - 1998. - № 5. – С.137-143.
463. Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год / Изд. А. Корниловича. – СПб.: б.н., 1824. - 48 с.
464. Русских – в жертву: о возрождении казачества на Северном Кавказе // Юрид. газета. - 1992. - № 43.
465. Рязанцев.С.В. Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Социологические исследования. - 2002. - № 1. – С. 43-51.
466. Савельев А. Казаки и смута // Литературная газета. - 1992. - № 41.

467. Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М.: «Вече», 2002. – 464 с.
468. Савельев Е.П. Древняя история казачества: Историческое исследование: В 3 ч. / Репринтное изд. – Новочеркасск: Донской Печатник, 1915.
469. Савенко С. Бурный Терек: Очерки истории местного казачества // Кавказская здравница. - 1991. - 21, 22, 23, 24 мая.
470. Савоская С.С. Этнические аспекты постсоветской гражданской идентичности // Общественные науки и современность. - 1995. - №5.
471. Савченко Д.И. Терское казачество в истории присоединения Северного Кавказа к России (XVI – середина XIX века): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Пятигорск: ПГТИ, 2003. - 23 с.
472. Савченко М.С. Правовое положение кубанского казачества в дореволюционной России (конец XVIII – начало XX века): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград: ВЮИ МВД РФ, 2000. - 26 с.
473. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX-начале XX века: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Новосибирск: ИИ СО РАН, 2000. - 38 с.
474. Самарина Н.В. Предпринимательство донских казаков в пореформенный период: условия и уровень развития // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1997. - № 3. - С. 3-13.
475. Санглибаев А.А. Современный политический процесс на Северном Кавказе: проявления этностатусной асимметрии: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2001. - 25 с.
476. Сборник нормативных документов: О поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд (для казачьих обществ). – М.: УПВК, 2002. – 136 с.
477. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам: В 24 т. – СПб., 1870-1888.

478. Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы Всеросс. науч. конф. 11-14 сентября 2001 г.: В 2 ч. – М. - Ставрополь, 2001.
479. Седина А.М. На крутом повороте (О казачьем отделе ВЦИК) – М.: Советская Россия, 1976. - 191 с.
480. Сень Д.В. Политика царизма в отношении казаков-некрасовцев: этапы и характеристика // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1997. - № 4. - С. 9-18.
481. Сергеев В.М. Механизм эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Политические исследования. – 2003. - № 3. – С. 6-14.
482. Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: практика и результаты // Вест. Моск. ун-та. - Сер. 8. История. - № 3. - 2002. - С. 73-91.
483. Сильное казачество – сильная Россия. Интервью атамана войскового казачьего общества «Всеволокное войско Донское» В.П. Водолацкого // Российский штандарт. - 2003. - № 3.
484. Скорик А.П., Лукичев П.Н. Станица или столица: культурологический аспект возрождения казачества // Политические исследования. – 1992. - № 3. – С. 153-155.
485. Славина-Шкретова Н.Б. Политическая модернизация: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: МПГУ, 2001. - 26 с.
486. Службе казачества – поддержку закона // Казачий Терек. - 2003. - № 11.
487. Смелчуков Л.П. В пользу интереса нашего // Военно-исторический журнал. – 1994. - № 2. – С. 79-85.
488. Смирнов В. Вышли мы все из народа ... русского // Вечерний Ставрополь. - 2002. - № 192, 200.
489. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XX вв. – М.: Совэжгиз, 1958. - 244 с.

490. Совместно с милицией. Казаки Ставропольского казачьего округа реально помогают обеспечивать общественный порядок // Казачий Терек.- 2002.- №2.
491. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. / Отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. - М.: Мысль, 1989-1991.
492. Сопов А.В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М.: МГУ, 1999. - 31 с.
493. Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семагин, гл. ред. В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003.
494. Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска, с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков. – Оренбург: б.н., 1890. - 179 с.
495. Стариков Ю.Н. Институты государственной службы: содержание и структура // Государство и право. - 1996. - № 5. - С.14-24.
496. Статистические таблицы населенных мест Терской области. / Под ред. Е. Максимова. – Владикавказ, 1890. - 305 с.
497. Столетие военного министерства. 1802–1902 гг. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. – СПб.: ГУКВ, 1902. - 434 с.
498. Стратегия обновления. Новый социальный механизм / Под общ. ред. И.А. Глебова, В.Г. Марахова. – М.: Мысль, 1990. – 394 с.
499. Суркова И.С. Право природопользования Терского казачьего войска (историко-правовой анализ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь: СГУ, 2002. - 24 с.
500. Таболина Т.В. Государство и казаки: опыт взаимодействия. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2001. – 30 с.
501. Таболина Т.В. Казачество: формирование правового поля: В 2 т. – М.: ИЭиА РАН, 2001.

502. Таболина Т.В. Проблемы современного казачества: 1980-1990 гг.: Дис. в форме науч. доклада ... д-ра истор. наук. – М.: РАГС при Президенте РФ, 1999. – 64 с.
503. Тархова Н.С. Участие Красной армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932-1933 гг. // ntth://synopsis.kubsu.ru/new_n/009_97/htm.
504. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях / Репринтное изд. - Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. – 744 с.
505. Теория и практика законотворчества: Сб. науч. ст. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 176 с.
506. Терский округ: Очерки по истории, экономике и советскому строительству. – Пятигорск: б.н., 1927. - 54 с.
507. Тикиджьян Р.Г. Казачество России: история и современность // Социально-политический журнал. - 1994. - № 3-6. - С. 214-217.
508. Тикиджьян Р.Г. Казачья общность в контексте истории: опыт теоретического эссе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1994. - № 1-2. - С. 3-16.
509. Тикиджьян Р.Г., Лукичев П.Н., Скорик А.П. Казачья общность в контексте истории: опыт теоретического эссе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 1994. - № 3-4. - С. 8-24.
510. Титлина Е.Ю. Политика российского государства в формировании дальневосточного казачества: сущность, особенности, перспективы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1996. – 23 с.
511. Тихомиров Ю.А. Правовая сфера общества и правовая система // Журнал рос. права. - 1998. - № 4-5. - С. 7-15.
512. Тишков В. О российском казачестве // Свободная мысль. - 1995. - № 12. – С.101-104.
513. Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Этнографическое обозрение. - 1998. - № 5. – С.3-24.

514. Тишков В.А. Забыть о национализме. Постнационалистское понимание национализма // Вопросы философии. – 1998. - № 9. – С. 3-26.
515. Ткачев Г.А. Где жили древнейшие гребенцы и откуда они были. Два доклада в «Обществе любителей казачьей старины». – Владикавказ: б.н., 1910. - 78 с.
516. Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки: Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и полковых школах, библиотеках и командах. – Владикавказ: б. н., 1911. - 244 с.
517. Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. – Владикавказ: б.н., 1911. - Вып. 1. - 156. с.
518. Ткачев Г.А. Станица Червленая. Исторический очерк. – Владикавказ: б.н., 1912. - Вып. 1.- 222 с.
519. Ткаченко П.И. Бранное житье // Военно-исторический журнал. - 1992. - № 6-9.
520. Товченко Р.Б. Казачество в политическом процессе постсоветской России (на примере Поволжья): Автореф. дис... канд. полит. наук. – М.: МОГПУ, 2003. – 23 с.
521. Толерантность как основа социальной безопасности / Под ред. Н.П. Медведева. – М. - Ставрополь: СГУ, 2002. – 160 с.
522. Толстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего Войска. – Тифлис: б. н., 1900. - 194 с.
523. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. 1835 год. – М.: б.н., 1864.-177 с.
524. Трагедия казачества: Сб. – М.: Мол. гвардия, 1994. - 607 с.
525. Трагедия казачества: Сб. в 2 т. / Сост. В. Третьякова. – М.: Терра, 1996.
526. Трифонов Е. Конкуренция заговоров: О политической ситуации в стране // Новое время. – 2003. - № 43. – С. 8-9.
527. Труды Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края: В 3 т.– Пятигорск: Тип. М.И. Акинфиева, 1915. - Вып. 4. - 19 с.

528. Трусова Е.М. Возникновение и эволюция органов управления и самоуправления на юге России в феврале – октябре 1917 г. (Дон, Кубань, Ставрополье): Автореф. дис... д-ра истор. наук. – М., 2000. – 47 с.
529. Трут В.П. Казачий излом: Казачество Юга-Востока России в начале XX века и периода революции 1917 года. – Ростов-на-Дону, 1992. – 128 с.
530. Туровский Р.Т. Сравнительный анализ тенденций регионального развития России и Украины // Политические исследования. - 1999. - №6. - С. 49-61.
531. Туценко Н.Ф. Казачье движение на Кубани: на пути к гражданскому обществу // Социологические исследования. - 2001. - № 2. - С. 35-44.
532. Тхоржевский С.И. Народные волнения при первых Романовых. – Пг.: Сеятель, 1924. - 22 с.
533. Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе. – Тифлис: б.н., 1881. - 654 с.
534. Федосов П. Были ли казаки сословием // Ставроп. правда. - 1993. - 20 мая.
535. Федосов П. Вышли мы из народа славянского // Казачий Терек. - 2002. - № 11.
536. Фелицын Е.Д. Материалы для истории Кубанской области. – Б.м., б.г. - 28 с.
537. Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правл., 1904. - Т. 1. - 306 с.
538. Футорянский Л.И. Рассказывание // Проблемы политической и экономической истории России. - М., 1998. - С.158-176
539. Ходарев В. В начале было слово // Казачий Терек. - 2001. - № 3.
540. Хоперская Л., Денисова Г. Современная национальная политика на Северном Кавказе (попытка анализа) // Этнополитический вестник. - 1995. - № 6.
541. Хоперская Л., Харченко В. Состояние казачьего движения на Северном Кавказе // Возрождение казачества: надежды и опасения / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. – М.: Центр Карнеги, 1998. – С. 87-103.

542. Хоперская Л.Л. Проблемы миграции на Северном Кавказе // Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран: Тезисы Международ. конф. – Ставрополь: СГУ, 2001. – С. 270-271.
543. Хоперская Л.Л. Факторы противостояния и выбор стратегии стабильности на Северном Кавказе // <http://www/ca-c.org/cac-10-2000/19.khop/shtml>.
544. Хубулова С.А. Казачество и горцы Северного Кавказа // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. – Ростов-на-Дону, 1995. – С. 101-103.
545. Хунагов Р.Д. Диалог культур и проблемы моделирования новой политики на Северном Кавказе на основе системного подхода // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2000. – №2. – С. 50-53.
546. Цой Б.С. Социальные и экономические аспекты реабилитации народов и граждан, репрессированных в СССР по политическим мотивам // Государство и право. – 1994. – № 12. – С. 12-20.
547. Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий // Научная мысль Кавказа. – 2001. – № 3. – С. 5-74.
548. Цыганков А.П. Национальная идентичность и природа политико-экономических идей в постсоветском мире // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 18. Социология и политология. – 2002. – №2. – С. 61-79.
549. Чаплиев И.В. Правовые основы деятельности войскового казачьего общества «Всеволокное войско Донское» // Становление казачьего самоуправления: Материалы научно-практ. конф. 26-27 февраля 1998 г. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1998. – С. 78-96.
550. Чекменев С.А. Заметки о расширении военно-казачьей колонизации на Северном Кавказе в конце XVIII- первой половине XIX в. // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1995. – С. 58-61.
551. Чекменев С.А. Переселенцы (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством в конце и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). – Пятигорск: Кинт, 1994. – 352 с.

552. Чемякин Е.А. Исторические традиции казачьего самоуправления в России: Политологический аспект. – Волгоград: Издатель, 2001. – 112 с.
553. Чернопицкий П.Г. Был ли геноцид казаков? // Новые страницы истории Отечества. – Ставрополь: СГУ, 1996. – Вып. 1. – С. 122-145.
554. Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920-1922 гг. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1998. – № 3. – С. 3-12.
555. Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 3. – С.154-167.
556. Чернышев В.Н. Казачество и его традиции. – Минеральные Воды: Кавказская здравница, 1992. – 48 с.
557. Чернявский С. Кавказское направление внешней политики России // Международная жизнь. – 2000. – № 8-9. – С.106-117.
558. Чуреков Ю. Движение изначально хотели сделать карманным // Ставроп. правда. – 1994. – 21 дек.
559. Шаповалова Я.В. Организационно-правовые основы возрождения казачества в постсоветский период: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград: ВГУ, 2000. – 23 с.
560. Шарандин Ю. Конституционная составляющая есть в каждом законе // Российская Федерация сегодня. – 2002. – № 4. – С. 14-16.
561. Шарлет Р. Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права России и в новых независимых государствах // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 2. – С. 14-21.
562. Шатохина Л.В. Политика России на Северо-Западном Кавказе в 30-60 годы XIX в. // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 2000. – № 3. – С. 3-27.
563. Шатохина Л.В. Политика России на Северо-Западном Кавказе в 30-60 годы XIX века: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М.: МГУ, 2000. – 29 с.

564. Шевченко А. Вспомним о родословной // Ставроп. правда. - 1990. - 18 окт.
565. Шелохаев В. Модернизация и тупики конфронтации между властью и обществом // Обществознание в школе. - 1998. - № 2. - С. 2-9.
566. Шестопал Е.Б. Трансформации политического сообщества в постсоветской России // Вест. Моск. ун-та. - Сер. 18. Социология и политология. - 1999. - №1. - С. 83-101.
567. Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска: В 2 т. / Репринтное изд. - Краснодар: Сов. Кубань, 1992.
568. Щетнев В.Е. Рассказачтвание как социально-историческая проблема // http://synopsis.kubsu.ru/new_n/009_97/htm.
569. Энциклопедический словарь товарищества «В.А и И. Гранать и Ко». - 7-е изд., перераб. и доп. / Под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. - 1913. - Т. 23. - 736 с.
570. Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. науч. ст. - М.-Ставрополь: СГУ, 2002. - 652 с.
571. Юдин П. Первые казаки на Кавказском рубеже // Терские ведомости. - 1913. - № 4.
572. Юмашева О.Г. К вопросу о русском национальном сознании // Вест. Моск. ун-та. - Сер. 8. История. - 1995. - № 1. - С. 40-49.
573. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. - М. Наука, 1972. - 239 с.
574. Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России. Казачество // Общественные науки и современность. - 1996. - № 3. - С.104-112.
575. Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе: В 2-х т. - Ростов-на-Дону: Севкавказкнига, 1927.

Литература на иностранных языках

576. Savelyev A. Peoples of Russia: The Cossacks // Commentary. - Fall 1993. - Vol. 36. - Iss. 3. - P. 6—8.
577. Schmemann S. Cossacks Revive. But Can They Recapture Glory? // The New York Times. - 1992. - July 25. - Sec. A. - Col. 1. - P. 2.
578. Shabad S. Cossack Country // World Press Review. - 1993. - December. - Vol. 40. - Iss. 12. - P. 31.
579. Seaton A. The Cossacks. - Reading, Osprey Publishing (Men-at-Arms Series), 1972. - 40 p.
580. Seaton A. The Horsemen of the Steppes: the Story of the Cossacks. - London: Bodley Head, 1985. - 268 p.
581. Solomenko E. Des Cosaques a l'assaut de Saint-Petersborg // Le Courrier international. - 1994. - February, 24; March, 2.
582. Subtelny O. The Mazepists: Ukrainian Separatism in the Early Eighteenth Century. - Boulder: EEQ East European Monographs; - № 87, - 1981. - 280 p.
583. Svidine N. Cossack Gold: the Secret of the White Army Treasure. 1st English ed. Transl. from French. - Boston: Little, Brown, 1975. - 188 p.
584. Szerepka L. Kozacy // Rosyjskie ugrupowania nacjonalistyczne. - Warszawa, 1995.
585. Gehrman U. Die Kosaken: Traditionalismus und nationale Erneuerung in der Ukraine. - Koln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1994. - 39 s.
586. Glazkov V. G. History of the Cossacks. - New York, R. Speller. - 1972. - 163 p.
587. Gordon L. Cossack Rebellions: Social Turmoil in the Sixteenth Century Ukraine. Albany: State University of New York Press, 1983. - XIV. - 289 p.
588. Groushko M. Cossack. Warrior Riders of the Steppes. New York: Sterling Publishing Co., Inc., 1992. - 144 p.
589. Japan: Those Cossacks // Economist. - 1992. - September 12. - Vol. 324. - P. 37—38.

590. Kahn M. Les Russes dans les ex-republiques sovietiques. Le Courrier des pays de l'Est. - 1993. - Janvier-fevrier. - № 376. - P. 3-20.
591. Komblatt J. D. The Cossack Hero in Russian Literature: a Study in Cultural Mythology. Madison, Wise.: University of Wisconsin Press (Studies of the Harri-man Institute), 1992. - XIII. - 229 p.
592. Krasinski H. The Cossacks of the Ukraine. New York: AMS Press, 1985. - XIV. - 312 p.
593. Lankina T. The Cossacks: a Guarantor of Peace or a Land-mine in Russia's Federalism? // Nationalities Papers. - 1996. - Vol. 24. - № 4. - P. 721-726.
594. Lebedynskyj L. Les armes cosaques et caucasiennes et les armes traditionnelles d'Europe orientale. La Tour-du-Pin: Editions du Portail, 1990. - 136 p.
595. Macwilliam J. Kazakhstan: Cossacks Still Hopeful of Being a Part of Russia // Interpress Service Feature. Newsteller. Almaty, New York, 1994. - December, 12.
596. Perera J. Russia: Cossacks Want their Own Military Units // Interpress Service Feature. Newsletter. - Moscow, 1992. - January.